
МЕЖЗВЕЗДНЫЕ УЗЫ
КНИГА 3
Тень для трех Императоров
ЧАСТЬ 2
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
AMAURY SHADOW
18+
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Amaury Shadow
Тень для трёх императоров 2

https://litres.ru/74810633
SelfPub; 2026

Аннотация

Попасть в чужую империю в статусе политической жены трёх императоров — сомнительное удовольствие.

Особенно если эта империя называется СаРет, её дворец больше похож на роскошную ядовитую ловушку, гарем смотрит на тебя как на ошибку системы, а бывшие возлюбленные теперь правят всем этим змеюшником с лицами: «Мы всё контролируем».

Спойлер: нет.

Ариэль Валенс не собиралась становиться спасительницей чужой цивилизации. У неё вообще были планы попроще: не умереть, не простить слишком быстро, не влюбиться заново в трёх опасных императоров и желательно не ввязаться в очередную дворцовую катастрофу.

Планы, как обычно, умерли первыми.

Теперь ей придётся разобраться с интригами, древними законами, женским гаремом, заговорщиками, истинной связью, беременностью, собственным упрямым сердцем и мужчинами, которые вроде бы тираны, но почему-то рядом с ней регулярно теряют остатки здравого смысла.

СаРет хотел получить удобную Императрицу.
Получил Ариэль.
Ошибка была фатальная.

Содержание

Предупреждение от автора	5
Глава 1	8
Глава 2	36
Глава 3	71
Глава 4	105
Глава 5	129
Глава 6	154
Глава 7	178
Глава 8	202
Глава 9	225
Глава 10	251
Глава 11	276
Глава 12	306
Глава 13	339
Конец ознакомительного фрагмента.	365

Amaury Shadow
Тень для трёх императоров 2

Предупреждение от автора

Дорогие читатели!

Перед тем как открыть эту книгу, я очень рекомендую сначала прочитать **«Искру для стаи»** — историю Мириэль, с которой начинается цикл **«Межзвёздные узы»**, а затем **первую часть «Тень для трёх императоров»**.

Можно, конечно, сразу нырнуть сюда.

Но тогда не удивляйтесь, если где-то на третьей главе вы будете сидеть с лицом: «Кто все эти опасные мужчины, почему их трое, почему героиня уже устала от дворцовых интриг, и кто разрешил автору так издеваться над сердцем читателя?»

Я предупреждала.

В этой книге вас ждут:

— обратный гарем;

— истинная связь;

— три императора;

— сильная героиня;

— дворцовые интриги;

— любовь после разрыва;

— беременность;

— опасные мужчины;

— найденная семья;

— реформы и женская сила;

— 18+;

— эмоционально, страстно, больно и нежно.

Здесь будет много чувств, много сложных решений, много любви, которая не всегда приходит мягко, и много мужчин, которым очень хочется всё контролировать, но рядом с правильной женщиной это, как правило, заканчивается плохо для их самоуверенности.

Добро пожаловать в Са'Рет.

Здесь змеи любят глубоко, дворцы кусаются больно, а

сильная женщина способна изменить целую систему.

Приятного чтения!

Глава 1

Вайрес

Семь лет власти отравляют сильнее самого крепкого яда саарха — медленно, глубоко, без вкуса в первые дни.

Сначала кажется, что ты просто берёшь в руки то, что принадлежит тебе по крови, силе, праву и необходимости. Сжимаешь власть, потому что иначе её сожмёт кто-то другой — слабее, жаднее, опаснее для твоего дома. Отдаёшь первый приказ на казнь, и воздух вокруг пахнет железом, страхом и мокрым камнем подземных залов. Потом второй. Третий. Сотый.

И однажды понимаешь: яд уже в крови.

Он не убивает, но меняет вкус мира. Тронный зал больше не пахнет древним деревом и золотом — он пахнет подчинением. Гарем — не цветами, маслами и нагретым шёлком, а расчётом, чужой жаждой статуса и терпким ядом родов, стоящих за наложницами. Совет — не свитками и сухими чернилами, а страхом тех, кто ещё вчера хотел видеть тебя мёртвым, а сегодня склоняется слишком низко и надеется, что ты не заметишь дрожи.

Я замечал.

Всегда.

Я сидел в личном кабинете императорского дворца, за широким столом из чёрного дерева, и смотрел на раскрытую

над каменной поверхностью карту общей границы с Аэл'Тар. Саирис за окнами тонул в ночном дожде. Вода стекала по прозрачным защитным панелям длинными змеящимися линиями, а внизу, за внутренними стенами, темнели водные сады Императрицы — пустые павильоны, мосты над чёрной водой, закрытые галереи и белые фонари, отражающиеся в прудах.

Пустота внутреннего дворца имела собственный запах — шёлка, лотоса, остывшего чая, женских духов и соперничества, — и в нём отчётливо проступало отсутствие той, кто должна была держать всё это за горло.

Власть началась для меня не с короны, не с ритуала и не с того момента, когда великие семьи стали на колени перед Змеиным Троном. Она началась раньше — с расставания с той, кого я должен был удержать, с потери матери и с крови тех, кого дворцовые хроники называли моей роднёй, а мой внутренний змей — гнилью, которую следовало вырезать до корня.

И мы вырезали.

Не красиво. Не благородно. Не так, как любят описывать историки, которым потом нужно превратить резню в «период стабилизации власти».

Я помнил отравленное вино в покоях матери. Кровь на лестницах южного крыла. Горелый шёлк после того, как Риаш превратил зал ожидания наложниц прежнего старшего императора в предупреждение для тех, кто ещё не понял, что

прежняя жизнь закончилась. Помнил сладкий, почти цветочный след яда на пальцах одной из младших жён, которая плакала, клялась в верности и прятала под ногтем капсулу, достаточную, чтобы убить наследника до завершения коронации.

Элиан улыбался, когда вытаскивал из неё правду, — мягко, почти нежно.

Умерла она только через два дня.

Больше никто не пытался прятать яд под ногтями.

За эти годы нас начали называть тиранами — сначала шёпотом, потом за закрытыми дверями, потом в чужих разведывательных сводках, а затем даже в дипломатических документах, где вежливые формулировки пытались скрыть страх.

Вайрес Саэ'Вар — холодный стратег Змеиного Трона.

Риаш Саэ'Вар — кровавый клинок императорского дома.

Элиан Саэ'Вар — улыбающийся яд внутреннего дворца.

Почти верно.

Но сводки никогда не знали главного: ночная тишина пахла не властью, а потерей.

Я провёл пальцами по краю панели, закрывая очередной отчёт старшей служанки гарема. Сайрита Миршаэль снова пыталась расширить влияние через назначение второй линии прислуги. Вейлис Сейнари делала вид, что занята медицинскими текстами, и слишком часто отправляла запросы в закрытые генетические архивы. Две наложницы млад-

ших рангов подрались из-за места на церемонии чая, а одна из новых, подаренная родом с северных островов Саириса, третий день изображала хрупкую покорность, хотя её запах выдавал не страх, а хищное терпение.

Десять красавиц, отобранных великими семьями, старшими родами и дворцовыми советниками так тщательно, будто каждая из них была не живым существом, а ножом в шёлковом футляре.

Они умели улыбаться, падать на колени, петь, танцевать, подбирать ткани под цвет наших глаз и изучать предпочтения в еде, чае, музыке, вине и постели. Некоторые умели молчать красиво. Некоторые — плакать так, чтобы казаться слабее. Некоторые — приходить ночью в прозрачном шёлке, пахнущем жасмином и осторожной надеждой на власть.

И ни одна не могла заставить моего змея поднять голову с настоящим интересом.

Он лежал глубоко под рёбрами — тёмно-пурпурный, огромный, тяжёлый. Иногда шевелился, когда в кабинет входил враг. Иногда — когда Риаш приносил запах свежей крови после очередной силовой зачистки. Иногда — когда Элиан докладывал о новой нити заговора, найденной там, где старые семьи считали себя особенно умными.

Но от наложниц он отворачивался.

От духов. От голых плеч. От нагретой кожи. От шёпота и шелестящих рукавов.

Как от пустых сосудов.

Стоило закрыть глаза, и мне снилась не женщина в золоте и шёлке, а маленькая дерзкая эларийка с чёрным хвостом и белой кисточкой.

Лиэль Лен.

Она смеялась слишком громко, спорила резко и пахла тьмой, озоном, живой кровью после боя, чем-то солнечным, что я до сих пор не мог назвать, и свободой, от которой у меня тогда сжимались клыки.

Её хвост был преступным созданием с собственной волей. Он обвивался вокруг моего запястья, когда Лиэль делала вид, что не тянется. Цеплялся за ногу Риаша, когда она пыталась выглядеть сердитой. Соскальзывал к пальцам Элиана, когда тот говорил что-то слишком тихое и слишком ядовитое для приличной беседы.

Иногда во сне она сидела у меня на коленях, щурилась и говорила:

— Риас, ты опять пытаешься решать за всех. Это уже болезнь или семейная традиция?

Я отвечал:

— Практика выживания.

Она фыркала, уши вставали остро, и хвост бил меня по бедру.

— Практика невыносимости.

И я просыпался в тёмной спальне, один, с запахом холодного шёлка и далёкой воды.

Самое страшное — память стиралась. Не исчезала, нет,

но больше не давала её целиком. Только осколки: тьма, озон, кровь после боя, смех на вдохе.

Мой змей ненавидел эту неполноту.

Иногда рядом спала наложница. Тогда было хуже, потому что чужое тело под боком лишь резче подчёркивало отсутствие нужного. Дворец требовал знаков внимания, роды — надежды, гарем — движения, которое можно было бы толковать как милость, и я давал им достаточно, чтобы они продолжали грызться.

Но никогда — того, чего мой змей не признавал.

Риаш перестал брать наложниц к себе чаще, чем требовал дворцовый баланс, уже на втором году. Не потому что стал сдержанным — они со сдержанностью плохо уживались в одном помещении. Просто после каждой ночи он становился злее.

На третий год одна наложница вышла из его покоев бледной, дрожащей, но нетронутой, и попросила перевести её в храмовый дом при восточных садах. Она сказала старшей служанке, что император Риаш всю ночь смотрел на неё так, будто ненавидит за то, что она не та.

Элиан улыбался наложницам вежливее всех, и от этого они боялись его сильнее. Он мог слушать их песни, принимать чай, хвалить вышивку, касаться запястья и говорить такие красивые, точные слова, что за ними женщины сами раскрывали страхи своих родов, слабости отцов, тайные письма матерей, долги братьев и желания, которые прятали даже от

себя.

Потом Элиан уходил ко мне с отчётом и смеялся беззвучно.

— Они все хотят одно и то же, — сказал он однажды. — Власти через наше внимание, детей через наше семя, защиты через наш статус и красивой легенды о том, что именно их выбрали не за род, а за душу.

Риаш тогда бросил кубок в стену.

— Их души пахнут тухлыми фруктами.

Элиан улыбнулся:

— У некоторых неплохой вкус на украшения.

— Я оторву тебе язык.

— Только не сегодня. Мне ещё нужен он для допроса Миршаэль.

Я слушал их и молчал, потому что в тот день снова пришёл пустой отчёт по Лиэль.

Пустой, как все до него.

Последние два года мы искали её по всему известному космосу. Не сразу. Сначала было невозможно. После переворота нас завалило кровью, троном, мятежами, похоронами, клятвами, попытками убийства, чистками, войной с вайрханами, внешними договорами, внутренними советами и ежедневной необходимостью держать Са'Рет от распада.

Первые годы я говорил себе: позже.

Сначала удержать трон. Задавить роды, поднявшие головы после смерти матери. Вырезать тех, кто знал о яде и мол-

чал. Закрыть дворцовые каналы. Заставить великие семьи первого ранга признать новую реальность. Сначала война. Границы. Флот.

Сначала…

Ложь удобна, когда она пахнет долгом.

Правда пахла страхом.

Не за себя. За неё.

Но глубже лежало то, в чём я не признавался даже себе: я боялся не того, что не найду Лиэль. Я боялся, что найду её. Живую. Свободную. Смотрящую на меня так, будто я уже стал тем, от чего сам хотел её спасти.

И тогда пришлось бы выбирать не между троном и желанием, а между Са'Рет и единственным существом, рядом с которым власть переставала быть воздухом.

Лиэль была слишком живой для Са'Рет. Слишком свободной. Слишком дерзкой. Слишком не умеющей склонять голову там, где наш дворец ломал тех, кто не успевал научиться вовремя.

Если бы мы привезли её тогда, сразу после Вар'Кела, дворец сожрал бы её. Или попытался бы.

А я не знал, что сделаю с Са'Рет, если кто-нибудь коснётся её с намерением причинить боль.

Теперь знал.

Сжёг бы половину внутреннего дворца.

И, возможно, тогда мы проиграли бы трон.

Но за семь лет мы стали достаточно сильными, чтобы уже

не спрашивать дворец, кого можно держать рядом. Поэтому два года назад я отдал приказ искать Лиэль Лен — тайно, не через открытые каналы и не через дипломатические запросы, которые насторожили бы Аэл'Тар, а через разведку, через Эссайр, через купцов, учившихся на Вар'Келе, через старые академические списки, через имена её команды, через боевые отчёты и закрытые архивы студентов обмена.

Мы прорыли всё, что могли.

Лиэль Лен не существовала.

Ни она, ни её команда.

Будто Вар'Кел проглотил их, война выплюнула пепел, а потом кто-то очень сильный, очень аккуратный и очень злой вычистил все следы.

Элиан однажды принёс мне отчёт, положил на стол и сказал:

— Это не исчезновение.

Я не открыл файл. Уже знал по его запаху: горечь бессилия, острый интерес, тихая злость.

— Что тогда?

— Стирание.

Риаш поднялся с подоконника.

— Кто?

— Кто-то с доступом к военным архивам Аэл'Тар, разведывательным системам, академическим базам и возможностью заменить следы так, чтобы даже наши внешние цепочки уткнулись в пустоту.

— То есть семья, власть или мёртвые, — сказал Риаш.

Элиан улыбнулся:

— Или все сразу.

Я открыл отчёт. Пустые профили. Ложные маршруты. Закрытые допуски. Несуществующие назначения. Слишком ровная тишина.

— Она жива, — сказал я.

Риаш резко повернул голову.

Я повторил:

— Да.

Никакого сомнения — ни у него, ни у Элиана, ни у меня.

Стоило её имени пройти через разум, как внутренний змей сжал кольца вокруг пустоты под рёбрами. Не боль — напоминание о том, что боль давно стала органом.

Он знал.

Не так, как связь, которую разорвало тогда, в крови переворота и яда. Не прямой нитью, не теплом, не её эмоциями у меня под кожей. Это было глубже, древнее, тупее и страшнее.

Истинная.

Мы поняли слишком поздно.

Я мог назвать тысячу причин: мы были молоды для власти; слишком далеко от дворца, но слишком глубоко в его тени; её дар приглушал запах; команда прикрывала её так плотно, будто охраняла не курсантку, а тайну системы; связь формировалась иначе — через эларийскую природу, а не че-

рез саархский яд и укус.

Мы не знали. Не могли. Не успели.

Ложь.

Если бы я был внимательнее, понял бы: змей тянулся к ней с первого дня. Не просто хотел. Не просто ревновал. Не просто метил воздух рядом с ней своим присутствием.

Принимал её как свою.

А я назвал это желанием.

Глупость.

Непростительная.

Истинная трёх императоров исчезла из наших рук, а мы семь лет правили Са'Рет, будто победили хоть в чём-то.

В дверь кабинета тихо постучали.

Не слуга. Те стучали иначе — осторожно, с лёгким запахом страха перед тем, что застанут не вовремя.

Этот стук был мягким, почти ленивым.

Элиан.

— Войди.

Дверь раскрылась, и Элиан вошёл в кабинет так, будто даже ночь, дождь и тронные сводки были сценой, на которой он имел полное право выглядеть безупречно.

На нём было белое с золотом — не церемониальное, но слишком красивое для обычного военного отчёта: длинный верхний слой с узкими золотыми линиями по вороту, тёмный внутренний пояс, широкие рукава, собранные так, чтобы не мешать движению. Золотисто-белые волосы падали на

спину, часть была закреплена тонкой шпилькой с императорским знаком, а янтарно-красные глаза в полумраке казались почти мягкими.

Только запах говорил правду: холодный яд, усталость, интерес и тонкая нота крови.

— Кто? — спросил я.

Элиан понял без уточнения.

— Один из младших Миршаэль решил, что письмо, написанное шифром его прабабки, останется тайной, если хранить его в храмовом архиве.

— Он ошибся.

— Удивительно грубо.

— Жив?

Элиан улыбнулся:

— Пока полезен.

Он подошёл к столу и остановился перед картой границы. В отражении голограммы его лицо стало чужим: красивое, холодное, почти священное. Таким его боялись во внутреннем дворце. Не потому что он кричал — Элиан почти никогда не кричал. Просто рядом с ним даже ложь начинала чувствовать себя раздетой.

— Аэл'Тар согласилась, — сказал он.

Я не сразу ответил.

Капли дождя стекали за окном. В воздухе пахло мокрым камнем, старым деревом, остывшим чаем и тонкой горечью чернил.

— На весь договор?

— На весь.

Я перевёл взгляд на него.

— Брак?

— Принят.

Змей лениво поднял голову — не от интереса, от расчёта.

— Кто?

Элиан провёл пальцами по панели, отправляя мне пакет.

— Старшая дочь правящей стаи Аэл'Тар. Ариэль Валенс.

Имя легло в тишину ровно.

Слишком ровно.

На миг что-то неприятно царапнуло под рёбрами — не узнавание, не память, не запах. Трещина. Тень ощущения, которую я не успел поймать.

Ариэль Валенс существовала в наших сводках слишком официально: закрытый статус, дипломатическая подготовка, редкие появления в защищённых семейных протоколах, ни одного подтверждённого года в Вар'Келе.

Лиэль Лен была другой.

Живой. Наглой. Свободной настолько, что само слово «принцесса» рядом с ней казалось плохо подобранной ложью.

Я задавил царапающее чувство и открыл файл.

Ошибка, которую позже уже нельзя будет исправить.

— Возраст?

— Совершеннолетняя. Достаточно взрослая, чтобы дого-

вор не выглядел жертвенным ритуалом для чужих глаз.

— Дары?

— Данные закрыты. Официально — новая кровь. Неофициально… — Элиан улыбнулся тоньше. — Валериан Валенс умеет делать стены не хуже нас. Даже лучше, когда речь о семье.

— Внешность?

— Закрыта.

Я усмехнулся.

— Значит, Аэл'Тар всё-таки похожа на нас больше, чем любит признавать.

— Все сильные дома прячут то, что можно использовать против них.

— Характер?

— По дипломатическим данным — воспитанная, подготовленная, пригодная к представительским функциям.

Элиан улыбнулся.

— Я предпочёл бы второе. С первым скучно работать.

Мы оба помолчали.

Потом он тихо рассмеялся:

— То есть нам ничего не сказали.

— Значит, узнаем после прибытия. Саэрис уже готов?

— Отправь его на подписание и сопровождение императрицы.

Элиан приподнял бровь.

— Без нас?

— Без нас.

— Дворец будет шептать.

— Пусть.

— Аэл'Тар может счесть это оскорблением.

Я коснулся края карты. Граница вспыхнула пурпурной линией.

— Валериан Валенс достаточно умён, чтобы понять разницу между оскорблением и внутренней необходимостью. Саэрис Эссайр был редкой ошибкой своего дома — слишком умён, чтобы верить в нейтралитет, и слишком обязан нам, чтобы продавать каждую нашу слабость первому встречному родственнику. Он красив, вежлив, смертельно компетентен и умеет не говорить лишнего. Для дипломатии достаточно.

Элиан наклонил голову.

— А для будущей императрицы?

— Ей нужно прибыть, пройти коронацию и занять внутренний дворец.

— Холодно.

— Верно.

Он смотрел на меня слишком внимательно. Я чувствовал это кожей.

— Ты даже не спросишь, хочет ли она этого? — спросил Элиан.

— Хочет ли дочь правящей стаи стать императрицей чужой системы, женой трёх саархских тиранов и хозяйкой гарема, где каждая женщина будет оценивать, как быстро её

можно сломать? — Я посмотрел на карту. — Нет. Не хочу тратить время на вопрос, ответ на который уже знаю.

— И всё равно заберём.

— Да.

На мгновение мысль скользнула неприятно: ещё одна женщина войдёт в клетку, которую мы однажды не решились предложить Лиэль.

Я задавил её.

Государства не удерживают жалостью.

Договор был нужен нам, нужен Аэл'Тар, нужен границе и будущей войне с раэдарами. Но не меньше он был нужен власти внутри Са'Рет.

Идея закрепить союз браком принадлежала нам с братьями — не совету, не старым родам и не великим семьям. Совет, конечно, считал иначе: они думали, что подтолкнули нас, создали необходимость и загнали Змеиный Трон в древнюю форму договора, где кровь связывает сильнее печати.

Пусть думают.

Иногда врагам полезно чувствовать себя умными.

— Совет уже строит версии? — спросил Элиан.

— Конечно.

— Миршаэль захотят понять, почему не Сайрита.

— Пусть.

— Сейнари предложат Вейлис как «мягкую альтернативу» для внутреннего баланса.

— Откажем.

— Вартейр завернут военную ветвь в разговоры о стабильности флота.

— Предсказуемо.

Элиан улыбнулся.

— Эссайр?

— Будут играть тоньше.

— Как всегда.

— Как всегда.

Возвысить одну наложницу — значит оскорбить остальных. Дать одному роду доступ к титулу Императрицы — получить новую ядовитую войну во внутреннем дворце.

Чужая императрица была удобнее.

Опаснее, но равнее.

Аэл'Тарская принцесса не принадлежала ни одной великой семье Са'Рет. Её род был слишком далёк, чтобы местные кланы могли считать её своей. Её кровь достаточно высока, чтобы заткнуть тех, кто потребует статуса. А связь с Мириэль Валенс давала договору вес за пределами наших внутренних игр.

Если она окажется умной — сможет держать гарем под контролем.

Если слабой — её можно будет окружить слугами, церемониями и правилами, а власть оставить там, где она и должна быть.

Жестоко.

Но власть не спрашивает, приятно ли звучит решение.

Она спрашивает, удержит ли оно систему от распада.

— Ты уже распределил покои? — спросил Элиан.

— Дворец Императрицы готовят.

— Все сады?

— Все.

— Щедро.

— Статус должен выглядеть безупречно.

— А гарем?

— Пусть готовятся склониться.

Элиан улыбнулся:

— Они будут грызться ещё до её прибытия.

— Пусть тратят яд друг на друга.

— Сайрита уже просила личную аудиенцию.

— Отказать.

— Вейлис прислала приветствие будущей императрице.

— Проверить на скрытый яд, код, генетическую метку и оскорбление, завёрнутое в заботу.

— Уже.

— Остальные?

— Боятся.

— Хорошо.

Элиан подошёл ближе к столу и опустился в кресло напротив. На мгновение он стал похож на того Лиана из Вар'Кела, который мог устроиться рядом с Лиэль на пледе, читать расписание и говорить гадости таким мягким голосом, что она сначала краснела ушами, а потом грозилась его ударить.

Я отвернулся к окну.

Ошибка.

Память стала сильнее.

— Есть что-то по Лиэль? — спросил я.

Элиан не ответил сразу.

Этого хватило.

— Нет, — сказал он.

Одно слово.

Слишком аккуратное.

Риаш ударил бы стену. Элиан улыбнулся бы кому-нибудь и через час нашёл виновного в плохих новостях, даже если виновного не существовало.

А я просто кивнул.

Так власть учит переживать боль, не показывая, где она вошла.

— Повтори, что искали.

Элиан не стал говорить, что я знаю это наизусть.

— Вар'Кел, архивы третьего курса, команды разведывательно-боевого направления, списки выживших после нападения вайрханов, списки погибших, медицинские перевозки, военные награждения, закрытые выпускные реестры. Лиэль Лен не числится ни в одном полном списке. Фрагменты упоминаний есть только в старых личных сообщениях студентов, и все они обрываются до катастрофы.

— Команда?

— То же. Имена, которые мы помним, — Лиара, Арек,

Эрис, Каэль, Лурин, — существуют в обрывках, а после нападения следы исчезают. Не погибшие, не переведённые, не выпущенные. Стёртые.

Я сжал пальцы на подлокотнике. Чёрное дерево тихо скрипнуло.

Элиан заметил.

Разумеется.

— Дарек? — спросил я.

— Или Валериан. Или Рейгар. Или сама Мириэль. Или все сразу.

— Если она под защитой правящей стаи…

— Тогда она была не простой курсанткой.

— Я знаю.

Элиан посмотрел на меня.

— Знаешь?

Я медленно повернул голову.

— Простых курсанток не стирают из истории так тщательно. Простые курсантки не формируют команды, которые исчезают целиком. Простые курсантки не заставляют трёх наследников императорского клана Са'Рет семь лет чувствовать пустоту под рёбрами.

Элиан прикрыл глаза. Воздух вокруг него пахнул горьким золотым ядом.

— Иногда я думаю, что она была приманкой.

Внутренний змей резко ударил хвостом по рёбрам.

— Нет.

— Разум допускает.

— Змей — нет.

— Мой тоже. — Он улыбнулся, но улыбка не дошла до глаз. — Поэтому я и говорю «иногда думаю», а не «верю».

Дверь в кабинет открылась без стука.

Риаш.

Конечно.

Только он входил так, будто двери дворца существовали из уважения к нему, а не для ограничения пространства. На нём была тёмная боевая одежда с бордовыми вставками, волосы собраны небрежно, белоснежные пряди с кроваво-красными концами падали на плечи, а на правой руке виднелась свежая царапина, уже почти затянувшаяся.

Пах он кровью, холодным воздухом тренировочного двора, злостью и той опасной живостью, которую дворец ненавидел, но боялся сильнее всего.

— Аэл'Тар согласились? — спросил он вместо приветствия.

— Да, — сказал Элиан.

Риаш оскалился.

— Наконец-то.

Он подошёл к карте, скользнул взглядом по границе, потом по пакету договора.

— Кого дают?

— Старшую дочь. Ариэль Валенс.

— Видели?

— Нет.

— Скучно.

— Закрытые данные.

— Ещё скучнее.

Риаш бросился в кресло сбоку от стола, как хищник, которому временно разрешили изображать терпение.

— Главное, чтобы не плакала на каждом совете и не падала в обморок от вида гарема.

— Если будет плакать, внутренний дворец быстро её сожрёт, — сказал Элиан.

— Если будет падать в обморок, я сам запру её в покоях, — бросил Риаш. — Нам нужна императрица, а не декоративная ваза с родовой печатью.

— Нам нужен договор, — поправил я.

— Договор тоже. — Риаш посмотрел на меня. — Ты не пойдёшь на подписание?

— Нет.

— Почему?

— Потому что если мы втроём явимся за дочерью правящей стаи, дворец решит, что она важнее, чем есть на самом деле. Великие семьи начнут считать её нашим личным выбором, наложницы запаникуют, старые роды станут искать, чем именно она нас зацепила, а Аэл'Тар — читать несуществующие чувства там, где есть только необходимость.

Риаш фыркнул:

— Ты всегда умел сделать даже свадьбу похожей на воен-

ную операцию.

— Потому что это военная операция.

Элиан мягко добавил:

— С шёлком, короной и будущей супругой. Особенно опасная разновидность.

Риаш провёл языком по клыку.

— А если она окажется бесполезной?

— Запрём.

— А если умной?

— Используем.

— А если опасной?

Я посмотрел на него.

— Тем лучше.

Риаш улыбнулся так, будто ему наконец пообещали не свадьбу, а драку.

— Хоть что-то интересное.

Элиан откинулся в кресле.

— Остаётся надеяться, что она достаточно умна, чтобы выжить во внутреннем дворце до нашей первой личной встречи.

— А если нет? — спросил Риаш.

Элиан посмотрел на него с той самой лёгкой улыбкой, от которой слуги во дворце начинали двигаться тише.

— Тогда она не подходила для роли Императрицы Са'Рет.

Жестоко.

Верно.

Пусто.

Я снова посмотрел на карту границы.

Раэдары давили на стык систем всё чаще. Их разведка становилась смелее, а интерес к женщинам Аэл'Тар и Са'Рет перестал быть аналитической гипотезой и стал прямой угрозой. Они видели наши системы ослабленными после войны с вайрханами.

Ошибались.

Мы были не слабыми.

Мы были ранеными.

А раненый змей кусает сильнее.

— На границе? — спросил я.

Элиан сразу ответил:

— Стычки учащаются. Раэдарский клин снова проверил совместный сектор, Аэл'Тар ввели свой разведывательный корабль. Тот самый.

Я повернулся к нему.

— Какой?

— «Нок'Тейра».

Даже Риаш стал тише.

Название было известно. Слишком известно.

Безумные тени Аэл'Тар. Корабль-призрак, который во время войны с вайрханами появлялся там, где по расчётам не должен был выжить никто. Команда, добывавшая данные из закрытых узлов, спасавшая заложников, уничтожавшая командные цели и исчезавшая раньше, чем союзники успевали

задать вопросы.

Саархские военные уважали их с раздражением.

Почти высшая форма признания.

— Они участвовали в бою? — спросил я.

— Да. Помогли отбросить раэдаров, вскрыли часть сети. Саэрис был на совместном отчёте.

— Его оценка?

— Восхищён.

— Саэрис редко восхищается.

— Именно поэтому я запомнил.

Риаш оскалился:

— Безумные тени. Хотел бы посмотреть на них вблизи.

— Возможно, ещё посмотришь, — сказал Элиан. — Раэдары дают достаточно поводов.

Я смотрел на название корабля в отчёте.

«Нок'Тейра».

Тень, которая не оставляет следов.

Красивое, опасное, почти эларийски дерзкое имя.

Мы уже проверяли «Нок'Тейру» — дважды. Официальный капитан числился под закрытым военным кодом, не связанным с Вар'Келом. Команда проходила по отдельной системе доступа Аэл'Тар, созданной после войны с вайрханами.

Слишком чисто.

Слишком правильно.

Либо это не она, либо нас держали за горло лучше, чем

мы хотели признать.

На миг в груди шевельнулась старая пустота.

Лиэль тоже умела исчезать, оставляя после себя только нарушение дыхания.

Я закрыл отчёт.

— Саэрису приказ: ускорить подготовку к вылету в Аэл'Тар. Подписание провести без проволочек. Императрицу доставить на Саирис с полным статусным сопровождением — без унижения и без избыточной мягкости. Пусть с первого дня понимает: она входит не в гостевой дворец, а в систему, где каждый поклон имеет зубы.

Элиан кивнул.

— А если Аэл'Тар потребует гарантий её безопасности?

— Дадим.

Риаш рассмеялся:

— Наши гарантии?

— Императорские.

— То есть если кто-то тронет новую жену, мы его убьём?

— Да.

— Хорошие гарантии.

Элиан задумчиво провёл пальцем по краю рукава.

— Внутренний дворец всё равно попробует.

— Конечно.

Если будущая императрица окажется слабой, гарем почувствует это в первый день.

Сайрита Миршаэль улыбнётся, склонится, принесёт до-

рогой дар и уже через сутки проверит, насколько глубоко можно продавить служанок новой хозяйки. Вейлис Сейнари предложит врача, настой, консультацию и попытается получить доступ к крови. Младшие наложницы станут шептаться, кто из них красивее, моложе и привычнее для императоров, а старые служанки будут смотреть, кому новая Императрица доверяет, что ест, когда спит и как реагирует на яд в словах.

Дворец не бросается сразу.

Он пробует зубами край.

А потом либо отступает, либо рвёт.

— Остаётся надеяться, — сказал Элиан, подходя к двери, — что она достаточно умна, чтобы выжить.

Я не ответил.

Надежда мне не нравилась.

Она слишком часто пахла беспомощностью.

— Если нет, — сказал я наконец, — Са'Рет переживёт ещё одну мёртвую женщину на троне.

Риаш замер.

Элиан тоже.

Мой змей глухо ударил хвостом по рёбрам.

Мать.

Лиэль.

Пустой дворец Императрицы.

Я пошёл к выходу из кабинета.

— Но лучше, чтобы выжила.

Потому что раэдары уже шли к нашим границам, старые семьи точили зубы, гарем готовил яд в улыбках, и если Ариэль Валенс окажется хотя бы наполовину такой же упрямой, как её мать, Са'Рет ждёт очень неприятный рассвет.

А если нет…

Я умел закрывать двери.

И умел не открывать их годами.

Глава 2

Ариэль

— Нет, — сказала Лиара.

В её голосе не было крика, и, наверное, кричать было бы легче. Она стояла у тактического стола в кают-компании «Нок'Тейры», уперев ладони в край панели, и вода в стакане рядом покрылась тонкой коркой льда, хотя температура на корабле оставалась ровной.

Уши прижаты. Хвост хлещет по воздуху короткими резкими ударами. Глаза — голубо-серые, злые и слишком блестящие.

— Какое именно «нет»? — спросила я.

— Всё, — отрезала она. — Нет твоей поездке одной. Нет тому, что мы должны улететь раньше саархского сопровождения. Нет тому, что ты говоришь об этом так, будто отправиться в чужой гарем к трём закрытым тиранам — это просто сменить маршрут операции.

На подписании договора не было ни императоров Са'Рет, ни меня. Возможно, для будущих хроник это выглядело не слишком красиво: без торжественного обмена взглядами, без символического поклона, без будущей Императрицы в белом платье перед представителями двух систем и без трёх закрытых саархских правителей, чьи лица по-прежнему ни-

кто за пределами Са'Рет не видел.

Зато честно.

Этот договор был не про красоту. Он был про границу, раэдаров, военные коридоры, будущую кровь и две системы, которые слишком хорошо понимали: новый враг не будет ждать, пока мы договоримся, кто где должен стоять и как правильно улыбаться.

Валериан справлялся с подписями лучше меня. Мама умела держать зал одним взглядом. Рейгар одним молчанием мог заставить любого дипломата вспомнить, что за красивыми словами всегда стоят флоты. Дарек просто присутствовал, и этого хватало, чтобы никто не забывал: разведка всё равно найдёт того, кто попробует соврать.

А я была там, где от меня требовалось больше пользы, — со своей командой.

И это оказалось куда сложнее, чем поставить подпись под собственной политической судьбой.

Дейр сидел на краю дивана, вытянув ноги, и выглядел так, будто очень хотел что-нибудь сломать, но пока не выбрал, что именно.

— Я поддерживаю часть про «нет», — сказал он. — Особенно если можно сделать это с оружием.

Лурин, стоявший у медицинской панели, даже не поднял головы.

— Твоё мнение теряет убедительность каждый раз, когда ты добавляешь оружие.

— Неправда. Оно становится честнее.

Каэль за пилотским переносным интерфейсом тихо пробормотал:

— Технически у него есть логика.

Дарис, сидевший рядом, повернул к нему голову.

— Технически тебе лучше молчать.

— Принимаю твой эмоциональный запрет к сведению.

Тейра из потолочного динамика произнесла мягко:

— Эмоциональный запрет пилота Дариса Кела имеет повышенную рациональную ценность.

Каэль поднял глаза к потолку.

— Ты тоже?

— Я адаптировалась к реальности.

— Жестоко.

— Семь лет с данным экипажем повысили мою устойчивость к драматическим заявлениям.

В другой день я бы улыбнулась.

Сегодня улыбка не получалась.

Перед нами над столом вращалась карта Са'Рет: центральная планета Саирис, орбитальные узлы, военные коридоры, внешние станции, торговые ворота, закрытые зоны великих семей и императорский дворец, отмеченный тёмно-пурпурным символом Змеиного Трона.

Чужая система. Чужая власть. Чужие правила.

Моя будущая клетка.

Белый хвост у моих ног шевельнулся, но я заставила его

лечь ровно. Уши держались высоко только потому, что я слишком хорошо научилась не выдавать слабость телом, а слух собирал всё: неровное дыхание Лиары, сжатые пальцы Арка, тихий скрип кресла под Дейром, быстрый ритм Каэля и молчание Эриса — тяжёлое, внимательное, как раскрытая карта.

— «Нок'Тейра» не летит в Са'Рет, — сказала я.

Лиара резко замерла.

— Что?

Я коснулась панели, и поверх карты вспыхнул закрытый приказ разведуправления.

— По документам после передачи капитана по династическому договору корабль уходит на сверхсекретное задание по раэдарскому направлению. Приказ оформляет Дарек. Внешняя легенда готова: дальние теневые маршруты, проверка следов раэдарского флота, анализ перехваченной сети.

Эрис, наш тихий навигатор и главный специалист по невозможным маршрутам, медленно поднял взгляд.

— То есть для Аэл'Тар мы будем не в Са'Рет.

— Да.

— Для Са'Рет тоже.

— Да.

— А для твоей семьи? — тихо спросила Лиара.

— Для моей семьи вы будете там, где должны быть.

Кайрис, у которого любое преступление против безопасности начиналось со слова «красиво», улыбнулся так, что Те-

рен сразу закрыл глаза.

— О, это становится интересно.

— Каждый раз, когда ты так говоришь, где-то начинает гореть система безопасности, — сказал Терен.

— Несправедливо. Иногда она сначала искрит.

— Не помог.

Я продолжила, пока Лиара не успела снова вцепиться в мой план зубами:

— Истинную цель знаете только вы, я и моя семья. Для обеих систем «Нок'Тейра» выполняет важную закрытую операцию после ухода своего капитана. Для саархов вы не сопровождаете Императрицу. Для эларийских официальных структур вы не летите за мной. Для всех вы заняты раэдарами.

Арек стоял у стены, скрестив руки на груди.

— А в действительности?

Я посмотрела на него.

— Вы войдёте в саархское пространство так, чтобы никто не понял, что вы там есть. Не прямым маршрутом, не одним следом, который можно поймать и показать на совете. Разными слоями. Через нейтральные станции, дальние маяки, внешние маршруты Эссайр и всё, что Эрис уже наверняка нашёл, но делает вид, что ещё не успел.

Эрис спокойно сказал:

— Три маршрута подтверждены. Два требуют доработки. Один технически невозможен, если не считать подход Каэля

к слову «невозможно».

Каэль оживился:

— Мой подход расширяет границы реальности.

Дарис сухо произнёс:

— И сокращает срок жизни экипажа.

— Баланс.

Лурин, наш врач и официальный враг моего героического идиотизма, наконец посмотрел на меня поверх медицинской панели.

— Ты хочешь, чтобы мы заранее проникли в Са'Рет и начали сбор данных.

— Да.

— О гареме.

— О гареме, дворце Императрицы, наложницах, служанках, врачах, старших родах, великих семьях, охране, внутренних маршрутах, возможных противниках и любых связях Са'Рет с раэдарским направлением.

Сайр, сидевший почти в тени у стены, едва заметно кивнул.

— Слепые зоны внутреннего дворца?

— В первую очередь.

— Мужчин туда не пустят.

— Именно.

Лиара шагнула ближе, и её уши поднялись.

Плохо.

— Меня могут пустить.

— Могут, — сказала я. — И потому ты не идёшь.

— Ариэль.

— Лиара.

Наши имена прозвучали почти как вызов. Команда притихла, а Тейра приглушила свет, будто корабль тоже решил не вмешиваться раньше времени.

— Ты женщина, — сказала я. — Тебя могли бы вписать в моё сопровождение как представительницу Аэл'Тар, помощницу, старшую сопровождающую — кого угодно. Именно поэтому тебя будут видеть, считать, ограничивать, отслеживать, и каждое твоё движение станет частью дворцовой доски. А мне ты нужна не как красивая фигура рядом со мной. Мне нужна та, кто держит вторую доску за пределами дворца.

Лиара медленно вдохнула, и я слышала, как дрогнул воздух у её губ.

— Ты опять решила всё за меня.

— Нет. Я решила за себя. А тебе объясняю, почему без тебя снаружи я буду слабее.

Она открыла рот и закрыла его, не дав себе сорваться.

И тогда я ударила туда, где у неё не было защиты, потому что иначе она не отступила бы ни на шаг.

— Если я приведу тебя официально, ты станешь не подругой и не помощницей, а моей первой фракцией во внутреннем дворце. Са'Рет сразу решит, что через тебя можно измерить мою силу, слабости и границы. Тебя начнут покупать,

унижать, провоцировать, изолировать или ломать, и каждый удар по тебе будет ударом по мне. Но снаружи ты сможешь делать то, ради чего мы семь лет жили тенью: искать, вскрывать, следить, красть, строить маршруты и давить на тех, кто думает, что стены дворца защищают их лучше, чем космос защищал вайрханов.

Дейр оскалился.

— Вот это уже звучит лучше.

— Ты будешь молчать чаще, чем говорить, — сказала я ему.

Он поморщился.

— Жестокое назначение.

— Зато живое.

Лиара не сводила с меня взгляда.

— А я?

— А ты будешь руководить ими. Если я не смогу отдать приказ, его отдашь ты. Если я исчезну из связи, ты решишь, когда искать, когда ждать, когда ломать двери, а когда позволить мне самой перегрызть горло ситуации. Если снаружи начнётся политический пожар, ты удержишь команду от того, чтобы она просто влетела в Саирис и объявила себя стихийным бедствием.

Каэль поднял руку.

— Это было бы эффектно.

— Именно поэтому Лиара нужна снаружи.

Дарис кивнул.

— Справедливо.

— Предатели, — сказал Каэль.

Тейра добавила:

— Вероятность несанкционированного эффектного вторжения без полковника Вен повышена на сорок семь процентов.

— Тейра, ты только что назвала меня угрозой?

— Нет. Я назвала вас фактором риска с высокой зрелищностью.

— Обидно, но красиво.

Лиара резко отвернулась от меня и прошла к смотровому стеклу. Я не пошла за ней сразу, дала несколько вдохов.

Её хвост бил по полу. Уши были прижаты так плотно, что мне самой стало больно. Я слышала, как она сдерживает дыхание, как не даёт голосу сорваться и как злость со страхом дерутся в ней так же яростно, как когда-то мы дрались на учебных аренах Вар'Кела.

Наконец она сказала:

— Ты понимаешь, что останешься одна.

— Нет. Я буду без вас рядом. Это другое.

— Это красиво звучит.

— Это правда.

Она повернулась.

— И ты хочешь, чтобы я согласилась?

— Нет. Я хочу, чтобы ты поняла.

— Поняла я сразу. Согласиться не могу.

— Сможешь. Потому что знаешь, что я права.

Она посмотрела на меня так, будто собиралась ударить.

Лучше бы ударила.

— Ненавижу, когда ты права в таких вопросах.

— Я тоже.

— Не смей говорить мягко.

Я выдохнула.

— Хорошо. Тогда слушай жёстко. Если ты пойдёшь со мной, я потеряю снаружи полковника Вен, а внутри получу подругу, которую будут использовать против меня. Ты не сможешь действовать свободно, я не смогу позволить тебе рисковать, и мы обе начнём беречь друг друга там, где нужно будет резать. А если ты будешь за стенами, ты станешь ножом, которого они не видят.

Лиара замолчала.

Её глаза блестели, но слёз не было. Мы обе слишком упрямы, чтобы дарить слабость комнате, полной наших.

— Ты обещаешь позвать? — спросила она тихо.

— Да.

— Не когда уже всё горит.

— Да.

— Не когда решишь, что твоя жизнь дешевле договора.

Я не ответила сразу.

И команда услышала эту паузу. Вся, до единого.

Лурин выругался себе под нос. Арек шагнул на полшага ближе.

Лиара подошла ко мне вплотную.

— Скажи.

Я встретила её взгляд.

— Позову до того, как станет поздно.

— Ещё раз.

— Позову до того, как станет поздно.

Она кивнула резко, будто ставила печать.

В этом кивке было не согласие — казнь собственного желания в пользу правильного решения.

— Хорошо.

Дейр выдохнул:

— Значит, мы всё-таки летим шпионить.

— Для всех — нет.

Он расплылся в улыбке.

— Моё любимое «нет».

Эрис уже выводил маршруты.

— Нужно разнести следы. Если «Нок'Тейра» исчезнет слишком близко к саархскому направлению, Саэрис или другие Эссайр могут заметить. Саархи хорошо читают торговые смещения.

— Поэтому вы уходите по раэдарскому следу, — сказала я, — туда, где вас будут ждать, а потом исчезаете на втором переходе.

Кайрис поднял палец.

— Для этого нужно два ложных маяка и один раздражающий технический след.

Терен нахмурился.

— Раздражающий?

— Такой, чтобы все подумали: «О, это точно Кайрис что-то трогал».

— То есть настоящий?

— Не обесценивай искусство.

Лурин посмотрел на меня со всем неодобрением, на какое был способен.

— Медицинский пакет.

— Я знала, что будет.

— Нет, не знала. Я добавил новые антидоты по саархским ядам, нейроблокаторы, стабилизаторы после ментального давления, препарат против снотворных смесей и список признаков того, что твоё состояние слишком плохое, чтобы продолжать изображать политическую статую.

— Последний пункт звучит субъективно.

— Поэтому список на семнадцать страниц.

— Лурин, это много.

— Для тебя — мало.

Арек тихо сказал:

— Оружие?

— Минимум официального, максимум скрытого.

— Я подготовлю. Без того клинка, который выглядит как объявление войны.

Я позволила себе короткую усмешку.

— Какой именно?

Лиара впервые за всё время коротко рассмеялась, и напряжение в комнате треснуло. Не исчезло, но стало терпимее.

— Вот видите, — сказала я. — Вы столько лет ныли, что хотите шпионить за саархами. Поздравляю. Теперь делаете это так, чтобы никто в обеих системах не понял, что вы вообще рядом. Ваша задача — помочь мне выжить в гареме, защитить интересы Аэл'Тар и найти всё, что Са'Рет прячет под шёлком, ядом и красивыми поклонами.

Каэль приложил ладонь к груди.

— Я никогда не ныл. Я элегантно выражал стратегическое желание.

— Архивы подтверждают термин «ныл», — сообщила Тейра.

— Я подам жалобу.

— Жалоба будет сохранена в папке «эмоциональные возражения пилота».

Дарис поднялся.

— Вылет через два часа?

Лиара повернулась к нему уже не как подруга, а как командир корабля на время моего отсутствия.

— Через два часа. Тейра, готовь легенду и маршрут по раэдарскому направлению. Эрис — закрытый слой истинной траектории только на семейном уровне допуска. Кайрис, Терен — маяки и шум. Каэль, Дарис — два варианта исчезновения после второго перехода. Арек, Сайр, Дейр — личное

снаряжение под торговые и технические легенды. Лурин — медицинский пакет для капитана и полевой набор для нас.

Я слушала её голос — сильный, злой, собранный.

Моя Лиара.

Моя правая рука.

Та, кто будет вести «Нок'Тейру», пока я вхожу туда, где каждому моему шагу уже придумали цену.

Через два часа я стояла в ангаре и смотрела, как мой корабль готовится к старту без меня.

Это оказалось почти невыносимо.

«Нок'Тейра» лежала на платформе чёрной тенью — вытянутой, хищной, прекрасной. Свет скользил по корпусу, пропадая в тёмном покрытии, а тонкие синие линии под обшивкой пульсировали ровно, как спокойное сердце. На боку едва заметно мерцал знак — тонкая белая линия, похожая на след когтя в темноте.

Тейра вывела голос на внешний канал:

— Капитан.

— Да, девочка?

— Формально командование передано полковнику Вен.

— Знаю.

— Фактически вы остаётесь моим капитаном.

Горло сжалось так резко, что я чуть не выругалась.

— Не доводи Лиару.

— Я буду доводить её в пределах полезной эффективности.

— То есть сильно.

— Вероятно.

Лиара спустилась по трапу последней.

Мы стояли друг напротив друга, и вокруг было слишком много звуков: гул систем, шаги техников, дальний голос диспетчера, дыхание команды. Мой слух цеплялся за всё, только бы не цепляться за то, как дрожит воздух между мной и ними.

Лиара обняла меня первой — крепко. Её хвост на секунду обвился вокруг моего запястья, и от этого старого, почти детского жеста грудь сжало так, что я не сразу смогла вдохнуть.

— Не дай им убедить тебя, что ты одна, — сказала она мне в ухо.

— Не дам.

— И не влюбляйся в политическую самоотверженность. Она тебе не идёт.

— А что мне идёт?

— Чёрное, тёмно-синий и доводить до истерики дворцовых интриганок.

— Вот это уже план.

Она отстранилась.

Слёз, конечно, не было.

— Слово?

— «Питомник».

Каэль за её спиной поднял палец.

— Я всё ещё считаю, что кодовое слово странное.

— Поэтому его никто не угадает.

Дейр оскалился:

— Если скажешь «питомник» с неправильной интонацией, мы придём.

— Что считается неправильной?

— Любая, которая мне не понравится.

Лурин сунул мне в руки маленький медицинский контейнер.

— Здесь всё. Если хотя бы один саархский лекарь попытается дать тебе настой без полного анализа — не пьёшь. Наложницы предложат чай — не пьёшь. Слуги принесут сладости — не ешь. А если кто-то скажет, что это традиция, ты говоришь, что твой врач велел им идти к бездне.

— Так и скажу?

— Лучше вежливее, но смысл сохрани.

Арек обнял меня коротко и тяжело, будто пытался оставить на мне ощущение защиты.

— Скажешь слово — придём. Не проверяй, насколько поздно его можно сказать.

— Лиара уже провела воспитательную работу.

— Я закрепляю.

Остальные прощались быстрее, чем хотели, и грубее, чем чувствовали.

Дейр поднял меня в воздух и назвал это дипломатическим прощанием. Сайр склонил голову и сообщил, что первые те-

ни уйдут раньше корабля. Эрис коснулся двумя пальцами моего виска, и в сознании вспыхнула мягкая светлая нить: канал будет ждать. Кайрис и Терен передали тонкую серебристую заколку — резервный узел, который копит данные и активируется только через моё касание. Каэль пообещал украсть меня красиво, Дарис — тихо, а Лурин подвёл черту:

— Главное — живой.

Когда трап поднялся, я стояла на платформе и смотрела, как «Нок'Тейра» оживает.

Гул двигателей прошёл через пол, по костям, по пустому месту в груди. Потом корабль поднялся почти беззвучно, скользнул вперёд и исчез в раскрывающемся проёме ангара — для всех на закрытое задание по раэдарскому следу, а в действительности в тени Са'Рет, за моей будущей клеткой.

Я проводила его взглядом, пока защитное поле не сомкнулось.

Сделала один ровный, слишком пустой вдох.

И развернулась к следующему дню.

Закрытый космопорт Эларии встретил утро серым светом и военной тишиной: чёрные гладкие платформы, серебряные линии разметки, скрытые ангары в склонах, защитные купола, бойцы правящей стаи на периметре.

И вся моя семья у центральной посадочной площадки.

Мама стояла впереди в бело-синем платье с высоким воротом и серебряной вышивкой. Рыже-медные волосы были собраны безупречно, но я видела несколько выбившихся

прядей у виска — значит, она переделывала причёску не раз, злилась на зеркало, на договор, на Са'Рет и на себя.

Рейгар стоял слева от неё в адмиральской форме с каменным лицом. Дарек ходил вдоль края платформы, как хищник в клетке, и его рыжая кисточка хвоста резала воздух. Кайлен держал тонкую панель и ничего на ней не читал — просто занимал руки. Эйрен стоял у транспортной капсулы тихий и спокойный, а Валериан выглядел безупречно до последней пряди.

Хуже всего.

Когда Валериан безупречен, внутри у него всё держится на голой воле.

Младшие тоже были здесь: Лейран и Тайрен в форме курсантов, слишком взрослые для своих лет и слишком злые для утреннего прощания; Иара рядом с Лиарис и Сайлин. Её стая держалась чуть дальше, но в их взглядах было столько тихого обещания, что я мысленно пожелала Са'Рет никогда не дать им повода прийти за мной.

— Ну, — сказала я, подходя, — если кто-то сейчас скажет «ты ещё можешь передумать», я укушу.

Дарек остановился.

— Не соблазняй.

Мама повернула к нему голову.

— Дарек.

— Что? Я держался почти минуту.

Кайлен сухо заметил:

— Для тебя это рекорд.

— Белый зануда, сегодня я тебя не трогаю только потому, что у нас семейная трагедия с дипломатическим оттенком. Потом наверстаю.

Рейгар тихо сказал:

— Хватит.

И все действительно замолчали.

Он подошёл ко мне первым.

— Документы подписаны. С этого момента ты официально признана Императрицей Са'Рет.

Я кивнула, и слово легло на плечи тяжело.

Когда-то я была Лиэль Лен и спорила с расписанием Вар'Кела. Потом стала капитаном «Нок'Тейры». Потом генерал-лейтенантом. А теперь — Императрицей чужой системы, где меня ещё не видели, но уже наверняка ненавидели достаточно многие.

— Статусные каналы активированы, — добавил Валериан. — Са'Рет подтвердили титул. До прибытия ты находишься под защитой обоих договорных протоколов.

— Прекрасно. Значит, если кто-то попытается меня убить в пути, это будет невежливо сразу по двум системам.

Лиарис сдавленно хмыкнула.

Мама закрыла глаза.

— Ариэль, я пытаюсь не начать орать.

— У тебя отлично получается. Не помогай.

Я подошла к ней сама, и мама обняла меня первой —

крепко, как в детстве, когда можно было спрятаться у неё под боком после кошмара и поверить, что она способна зашить даже трещину в небе.

Теперь я знала: не всё можно зашить.

Иногда можно только научиться жить с рубцом.

— Ты не обязана быть сильной каждую секунду, — сказала она мне на ухо.

Я не сразу нашла ответ.

Вот тут — не нашла.

Просто стояла, держалась за неё и считала вдохи, потому что если позволить себе услышать эту фразу полностью, можно было не дойти до трапа.

— Обязана, — прошептала я наконец. — Но не каждую секунду подряд.

Рейгар обнял меня после неё молча. У него всегда получалось сказать молчанием больше, чем кто-то другой успевал целой речью.

— Вернёшься, — сказал он.

Не вопрос.

Приказ.

Я уткнулась лбом ему в грудь.

— Да.

Дарек обнял меня резко, почти зло.

— Не давай им забрать у тебя голос. Не давай им решать, где твоё место. Не верь красивым саархам.

Грудь на миг стала пустой от слишком точного попадания.

Старого. Острого.

Дарек почувствовал, как я замерла, и его рука напряглась.

— Прости.

— Всё нормально, — сказала я.

Не сразу.

Не так уверенно, как хотела.

— Те, кто меня ждут, мне незнакомы. Верить там некому.

Кайлен протянул маленький чёрный футляр.

— Разумеется, шпионское оборудование, — сказал он, прежде чем я успела спросить. — Если его не найдут. Резервный сенсорный протокол, маскируется под декоративную нить, считывает состав воздуха, яды, простейшие энергетические метки и накапливает данные до выгрузки.

Эйрен вложил в мою ладонь плоский водный кристалл и коснулся моего подбородка.

— Не позволяй им принять твоё спокойствие за покорность. Это будет их первая ошибка.

«Сделай так, чтобы последняя», — мысленно добавила я.

Валериан подошёл последним, и в его руках ничего не было, потому что подарки Валериана редко выглядели как вещи.

— Я отправил в Са'Рет несколько очень вежливых писем. После них даже самый тупой придворный должен понять, что Аэл'Тар воспринимает твою безопасность не как внутреннее дело Са'Рет, а как состояние межсистемного договора.

— Ты угрожал красиво?

— Я дипломат. Будь хуже, чем они ожидают.

— Лучший семейный совет за утро.

— А теперь, — сказала мама, отступая, — наш общий подарок.

Тайрен слишком быстро выпалил:

— Тебе понравится.

Сайлин сухо добавила:

— Технически — да.

Из бокового ангара вывели виррену.

И я забыла вдохнуть.

Она была молодой, но даже в год после рождения доставала мне почти до талии в холке. Чисто чёрная шерсть. Мощные лапы. Длинные острые уши. Ярко-синие глаза — слишком умные для обычного зверя.

Виррена остановилась у края платформы и посмотрела на меня.

Ни на кого больше.

Воздух стал тише.

Я медленно присела на одно колено, позволяя белому хвосту лечь рядом.

— Привет, красавица.

Она повела ухом, шагнула вперёд и коснулась носом моей щеки.

Визарь во мне осторожно скользнул по её живой структуре: сильное сердце, быстрая кровь, хищная нервная система.

Не ручная. Не покорная. Своя.

И она выбрала.

Я подняла руку и коснулась её лба.

— Как её зовут?

Рейгар ответил:

— Пока никак. Мы не дали имя.

— Почему?

Мама улыбнулась сквозь боль.

— Потому что она не наша.

Я посмотрела в синие глаза виррены.

— Тогда Нокса. Та, что идёт в тени и кусает тех, кто подошёл слишком близко.

Чёрные уши поднялись, и она мягко ударила меня лбом в плечо.

Смотритель с явным облегчением выдохнул:

— Приняла, Ваше Величество. Она признала имя.

Титул от эларийца резанул слух. Уши дёрнулись, и Нокса тут же встала боком передо мной, будто титул уже успел меня оскорбить.

— О, — сказала Иара. — Она великолепна.

Дарек улыбнулся впервые за утро.

— Беру обратно часть возражений. Если кто-то в гареме полезет к Ари, эта красавица откусит ему статус вместе с рукой.

Мама коснулась моей щеки.

— Она не заменит команду.

— Знаю.

— И дом.

— Знаю.

— Но рядом с ней ты не будешь совсем одна.

Вот это попало точно.

И больно.

Я накрыла её ладонь своей.

— Я вернусь.

Через несколько минут над космопортом раскрылись защитные створки, и саархские корабли вышли из верхнего слоя атмосферы почти беззвучно: один большой дипломатический линкор и два малых боевых корабля охраны.

Они снижались плавно, слишком красиво для военной техники, и тёмные корпуса с пурпурными линиями походили на змей в полёте.

Нокса подняла голову и тихо зарычала.

— Да, — сказала я ей. — Я тоже не в восторге.

Линкор опустился на платформу. Трап раскрылся, и сначала вышли воины в тёмной броне с пурпурными знаками Са'Рет — высокие, гибкие, с вертикальными зрачками и клыками, заметными только в коротком движении губ.

Потом появился Саэрис Эссайр.

Генерал с границы. Высокий, изящный, опасно красивый, с длинными тёмно-винными волосами и тёмно-лиловыми глазами. Сегодня на нём было дипломатическое одеяние — многослойный тёмный наряд с золотой вышивкой и строгим

высоким поясом.

Он спустился по трапу, остановился перед моей семьёй и поклонился ровно так, как положено представителю Са'Рет перед новой Императрицей.

— Ваше Величество.

— Лорд Саэрис.

Его взгляд скользнул к Ноксе, и саархские воины за его спиной едва заметно напряглись.

Нокса оскалила клыки.

Я положила ладонь ей на холку.

Саэрис бросил короткий взгляд на своих воинов — не приказ, предупреждение: не двигаться, не провоцировать, не показывать страх перед зверем Императрицы.

— Мой боевой спутник, — сказала я.

— Са'Рет примет спутника Императрицы как часть её личного сопровождения, — ответил Саэрис и после короткой паузы добавил: — Особенно если Аэл'Тар внесла её в перечень гарантий вашей безопасности.

Я улыбнулась:

— Разумеется, внесла.

Краем глаза заметила, как Валериан за спиной сделал вид, что смотрит в сторону.

— Приятно, что Са'Рет так быстро принимает разумные решения, — добавила я.

— Мы стараемся производить достойное первое впечатление.

— Тогда предупреждаю: она кусается.

— Я был бы разочарован обратным.

Нокса тихо рыкнула, будто оценила.

Дарек наклонился ко мне:

— Мне нравится этот зверь.

— Саэрис?

— Виррена. Саарх пока под наблюдением.

Саэрис явно услышал.

И явно сделал вид, что нет.

— К вылету всё готово, Ваше Величество. Маршрут согласован, время перехода до Саириса — четырнадцать стандартных суток, ваши покои на борту подготовлены.

Вот и всё.

Я повернулась к своим и сказала первая, чтобы никто не сорвался:

— Ну что. Не устраивайте межсистемный кризис в моё отсутствие.

Тайрен выдохнул что-то похожее на смех.

— Ты уезжаешь в Са'Рет и просишь нас не устраивать кризис?

— Да. Раз уж я занята.

Иара подошла и обняла меня.

— Я ненавижу это.

— Я тоже.

— Если они…

— Знаю.

Лиарис стиснула мои пальцы. Сайлин протянула маленький технический ключ и велела не спрашивать. Когда я всё-таки спросила, взорвётся ли он, она ответила:

— Только если неправильно использовать. Там инструкция.

И впервые за утро улыбнулась.

Лейран и Тайрен обняли меня одновременно. Нокса ревниво ткнулась носом мне в бок. Потом мама обняла меня ещё раз, Дарек — тоже, а Рейгар последним коснулся своим лбом моего.

— Помни, кто ты, — сказал он.

— Дочь правящей стаи Аэл'Тар.

— Больше.

Я закрыла глаза.

— Ариэль Валенс.

Я отступила, пока вдох не переломился, и пошла к трапу.

Нокса — шаг в шаг.

Саэрис чуть позади, пропуская меня первой.

Саархские воины склонялись по мере моего движения.

У входа я не обернулась.

Нельзя.

Если обернуться, мама сорвётся, Дарек сорвётся, и, возможно, я тоже.

Саархский корабль звучал иначе, чем эларийские. Не хуже и не лучше. Глубже. Медленнее. Будто его системы не спешили, потому что не сомневались в собственной силе.

Коридоры были широкими, тёмными, с мягкой подсветкой вдоль стен. Технологии прятались под роскошью: голографические панели скрывались в резных вставках, двери открывались бесшумно, а защитные системы Визарь чувствовал по тонкому напряжению в воздухе.

Саэрис шёл рядом, чуть позади, вежливый, выверенный и опасный. Нокса двигалась между нами и стеной, время от времени поворачивая голову к саарху.

— Ваш спутник хорошо обучен, — заметил он.

— Она годовалая.

— Тем более впечатляет. Она не обучена подчиняться?

— Она решила идти рядом. Для вирренов это важнее.

— И для вас?

Я посмотрела на него краем глаза.

— Особенно для меня.

Мои покои на борту оказались в верхнем дипломатическом секторе — полноценные апартаменты с приёмной, спальней за резной перегородкой, каменной ванной чашей, гардеробным отсеком и смотровой с защитным стеклом, за которым сейчас лежал космопорт Эларии.

Всё было выполнено в саархском стиле: тёмное дерево, полированный чёрный камень, пурпурные и золотые акценты, резные изображения змей, вплетённых в орнамент.

Красиво.

Очень.

И слишком продуманно.

Каждый предмет говорил «статус». Каждая линия напоминала: ты вошла в чужой порядок.

Нокса обошла комнату кругом, фыркнула на резную змею у стены и легла так, чтобы видеть вход, меня и Саэриса одновременно.

— Одобряю, — сказала я.

Саэрис сделал жест, и двое саархских слуг внесли продолговатый ларец из тёмного дерева, инкрустированный пурпурным камнем. Поставили на низкий стол и вышли.

Он открыл ларец сам.

Внутри лежали регалии Императрицы Са'Рет: три чёрно-пурпурные шпильки, старшая — в форме змеи с пурпурным драгоценным камнем в раскрытой пасти, и широкое чёрное кольцо на большой палец с миниатюрным знаком Саэ'Вар.

Я смотрела на всё это и чувствовала, как хвост медленно замирает.

Клетки тоже умеют быть красивыми.

— Регалии Императрицы, — сказал Саэрис. — Старшая шпилька — знак женского трона, две младшие — право управления гаремом и внутренним императорским комплексом. Кольцо — доступ к личной печати Императрицы и утверждению внутренних распоряжений.

— Мне дают печать до прибытия?

— Печать активируется после представления гарему во дворце Императрицы.

— Коронации не будет?

— Государственная часть уже завершена договором. Са'Рет признала вас Императрицей в момент подписания. Во дворце будет не коронация, а внутреннее представление: гарем, служанки, дети императорской линии, старшие женщины и регалии женского трона.

— То есть самая ядовитая часть.

— Самая важная.

Я усмехнулась.

— Императоры не будут присутствовать.

— Их Величества заняты делами границы и внутренней стабилизации.

— Удобная формулировка. А правдивая?

Его зрачки едва заметно сузились.

— Достаточная.

Нокса тихо стукнула хвостом по полу.

— Вас это не оскорбляет? — спросил Саэрис.

— Отсутствие незнакомых мне саархских императоров на церемонии, которую я не просила, в системе, куда меня отправляют по договору? Нет. Это отсутствие иллюзий.

Он закрыл ларец не полностью.

— Вы можете надеть их перед прибытием. На борту это необязательно.

— Заботливо.

— Практично. До Саириса две недели — вы должны привыкнуть к их весу.

— К весу украшений или статуса?

— В Са'Рет это редко разделяют.

— Тогда придётся научить Са'Рет нескольким новым привычкам.

Он должен был уйти, но остался стоять у стола.

Я подняла взгляд.

— У вас ещё поручение, лорд Саэрис?

— Нет.

— Тогда вопрос?

— Да. Один вопрос, Ваше Величество. Не для отчёта.

— У Эссайр бывают вопросы не для отчёта?

— Бывают. Просто потом они становятся самыми полезными.

— Спрашивайте.

— Почему вы согласились?

Я отошла к смотровому стеклу, за которым моя семья уже превратилась в маленькие силуэты.

— Потому что мои сёстры молоды, свободны и имеют будущее, которое ещё не стало политическим ресурсом. Потому что я умею выживать там, где правила написаны против меня.

Я повернулась.

— И потому что мне нечего терять в том смысле, который делает такое решение невозможным.

— Нечего? — переспросил он слишком мягко.

— Не путайте, лорд Саэрис. У меня есть семья, команда,

родная система, долг, гордость, злость и привычка возвращаться оттуда, куда меня не приглашали. Но если вы спрашиваете о мечтах юной девушки, любви, стае и красивом будущем — это всё умерло семь лет назад.

Я вернулась к столу и провела пальцем над старшей шпилькой, не касаясь камня.

— Этот брак чисто дипломатический. В нём нет места чувствам. Са'Рет нужен союз, Аэл'Тар нужен союз, императорскому клану нужна Императрица, не принадлежащая великим семьям, а моей семье нужно закрыть границу от раэдаров.

— Вы называете это простым?

— Нет. Я называю это понятным.

Саэрис сделал шаг ближе.

Нокса подняла голову.

Он остановился.

Очень разумно.

— А если Императорский клан сочтёт вас только удобной дипломатической фигурой?

— Пока интересы моей системы соблюдены, я могу быть удобной. А если нет — перестану.

Он долго смотрел на меня, а потом медленно склонил голову.

— Полагаю, внутренний дворец недооценит вас.

— Я рассчитываю именно на это.

— Гарем Са'Рет не простит слабости.

— Я не привезла с собой слабость.

— Он не простит чужачку.

— Зато очень быстро научится произносить мой титул.

В его глазах мелькнуло политическое удовольствие.

— Вы говорили с кем-то о внутреннем устройстве гарема?

— Читала. Этого недостаточно, поэтому я буду смотреть, слушать и учиться быстрее, чем они ждут.

— Слуги, пища, лекари?

— Проверю всё. Особенно тех, кто будет улыбаться заботливее остальных.

— Наложницы?

— Пусть приходят красиво одетыми. Неловко будет падать в плохом платье.

Он тихо рассмеялся.

— Ваше Величество, вы понимаете, что я должен передать Императорскому клану отчёт о вашем прибытии и состоянии?

— Передавайте. На ваше усмотрение. Вы ведь дипломат.

— И Эссайр.

— Тем более.

Его взгляд скользнул по комнате.

— Где ваша команда? Они не сопровождают вас в Са'Рет?

— Нет. У разведки редко бывает удобное расписание.

— Задание связано с раэдарами?

Я улыбнулась.

— Лорд Саэрис, если бы оно подлежало обсуждению на

дипломатическом корабле, его не называли бы закрытым.

— Разумно. «Нок'Тейра» — разведывательный корабль, и после вашего ухода у них осталась работа. Без капитана?

— У них есть полковник Вен. Я доверяю ей больше, чем корабль.

Пауза стала тонкой.

Саэрис услышал достаточно, чтобы понять: дальше спрашивать бесполезно.

— Должен ли я ожидать появления «Нок'Тейры» позже?

— Если «Нок'Тейра» захочет появиться, вы узнаете об этом уже после.

Он поклонился глубже.

— Тогда я оставлю вас отдыхать. Ваше питание будет проходить тройную проверку, медицинский доступ — только по вашему разрешению, а ваш спутник может находиться с вами во всех помещениях, кроме технических отсеков.

— Нокса будет тронута доверием.

Виррена фыркнула.

Саэрис уже у двери остановился.

— Ваше Величество, внутренний дворец Са'Рет выглядит роскошным только для тех, кто смотрит на ткани. Для тех, кто смотрит глубже, он выглядит как поле боя без объявленного начала.

Я посмотрела на открытый ларец с регалиями.

— Тогда мне там будет привычнее, чем многие думают.

Он вышел.

Дверь закрылась бесшумно.

И я осталась одна.

Почти.

Нокса подошла и положила тяжёлую голову мне на колени.

— Ну что, маленькая тень, — сказала я, запуская пальцы в чёрную шерсть, — две недели до змеиного гнезда.

Она тихо заворчала, соглашаясь.

Корабль мягко дрогнул, уходя в старт. Элария за смотровым стеклом начала отдаляться: сначала платформа, потом космопорт, потом облака, а затем синяя дуга родной планеты.

Я смотрела, пока она не стала частью тёмного пространства.

Потом взяла кольцо Императрицы Са'Рет из ларца.

Когда я надела его на большой палец, металл сел плотно, будто ждал именно эту руку.

— Ну здравствуй, клетка, — сказала я тихо.

Нокса подняла голову.

Я посмотрела на кольцо.

И улыбнулась.

— Посмотрим, кто кого приручит.

Глава 3

Ариэль

На третий день полёта я поняла, что с моим сопровождающим что-то не так.

Осознание пришло не сразу. Саэрис Эссайр был слишком хорошо воспитан для того, чтобы позволить слабости стать заметной, особенно перед чужой Императрицей и особенно перед той, которую его система ещё не решила, как правильно воспринимать: союзную драгоценность, дипломатический залог, будущую хозяйку гарема или удобную мишень.

Он приходил каждое утро после моего завтрака — ровно, без опозданий, с поклоном нужной глубины, с безупречным тёмным одеянием, собранными в низкий узел винными волосами и тем спокойным лицом, которое у саархов, кажется, выдавали вместе с первым уроком дворцового выживания.

— Ваше Величество, — говорил он.

И каждый раз титул звучал как плохо подобранная часть чужого наряда. Не потому что не подходил. Потому что был слишком новым и тяжёлым, звенящим на мне так же непривычно, как саархские шпильки, которые лежали в ларце на низком столе и ждали Саириса.

Кольцо я уже надела.

Оно сидело на большом пальце плотно, холодно, властно, и его сложно было забыть. Стоило пошевелить рукой, тём-

ный металл напоминал: Императрица.

А вот шпильки я оставила на потом.

У меня и без них хватало предметов, пытавшихся объяснить моему телу, что теперь ему положено двигаться иначе.

Саархатские одежды были красивыми до неприличия и одновременно невероятно раздражающими. Особенно рукава. На третий день я уже могла пройти по каюте, не зацепив рукавом чашку, планшет, Ноксу или собственный хвост, и это можно было считать дипломатическим прогрессом.

В первый день у меня было две жертвы: маленькая пиала с пряным настоем и гордость.

Во второй — край ларца с регалиями и терпение.

Сегодня на мне было тёмно-синее нижнее платье с высоким воротом и длинной гладкой юбкой, а поверх — лёгкий верхний слой почти чёрного цвета, расшитый серебром и глубоким пурпуром. Ткань струилась красиво, мягко скользила вдоль ног и предательски пыталась жить собственной жизнью при каждом повороте. Широкие рукава выглядели роскошно — ровно до тех пор, пока не нужно было взять чашку, открыть дверь или не задушить ими ближайшего саарха.

Нокса к одежде относилась с подозрением.

В первый день она попыталась поймать зубами край моего рукава, когда тот качнулся у её носа, но после моего строгого взгляда сделала вид, что проверяла качество ткани. На второй наступила мне на подол и очень удивилась, когда я

не смогла сделать шаг. На третий решила, что саархатские наряды — новая разновидность охотничьей игры.

Сейчас она лежала у низкого дивана, положив морду на лапы, и смотрела на Саэриса так, будто у него на лбу было написано: «пока не кусать, но наблюдать внимательно».

Умница.

Я сидела у стола, на котором были разложены голографические свитки по структуре внутреннего двора Са'Рет. Официально я попросила Саэриса помочь мне глубже разобраться в правилах, традициях и устройстве гарема.

Неофициально мы оба понимали, что это уловка.

Я была подготовлена. Слишком хорошо для той, кто якобы только приняла политический брак и теперь растерянно пытается понять, в какую часть чужого дворца её поставят. О системе Са'Рет я знала всё, что посторонняя могла узнать, не вскрывая внутренние клановые архивы, и немного больше, потому что у меня были Валериан, Дарек, Кайлен, мама и команда, которая семь лет не знала слова «достаточно» в вопросах сбора данных.

Саархатский язык я выучила после первого года войны. Сначала из упрямства. Потом из необходимости. А потом из-за старой боли, которую не хотелось называть причиной.

Теперь я могла читать их официальные тексты без переводчика, различать придворные оттенки вежливости, понимать, когда поклон обозначает уважение, а когда — красиво завёрнутую угрозу, и знала достаточно ругательств, чтобы

однажды приятно удивить дворец.

Саэрис всё это понял в первый же день.

Я увидела это по его взгляду, когда он начал объяснять различия между «старшей служанкой дворца Императрицы» и «старшей служанкой внутреннего гарема», а я задала уточняющий вопрос о третьей линии подчинения, которую в открытых эларийских справочниках не указывали.

Он помолчал ровно полсекунды.

Потом сказал:

— Ваше Величество подготовились серьёзнее, чем я ожидал.

— Надеюсь, это не испортило вам утро.

— Напротив. Утро стало интереснее.

С тех пор он больше не пытался читать мне пересказ доступных сводов. Вместо этого рассказывал то, чего в них не было: как именно Сайрита Миршаэль выбирает момент для мягкого удара, почему Вейлис Сейнари опаснее, когда молчит, чем когда говорит, какие служанки в гареме чаще всего принадлежат не тем, кто платит им жалование, и что значит, если наложница четвёртого ранга посылает в дар белые ткани с тёмной вышивкой.

Он говорил спокойно, точно, сухо, иногда позволяя себе тонкие замечания, от которых я начинала понимать, почему Эссайр контролируют внешнюю политику и торговлю. У Саэриса язык был не хуже клинка. Только клинок хотя бы видно.

На третий день за этим безупречием я услышала сбой.

У эларийцев многое начинается со звука, и сердце Саэриса билось не так. Не сильно сбивалось, не настолько, чтобы обычный врач заметил при беглом осмотре, но между ровными ударами появлялись тонкие провалы, будто ритм на миг спотыкался о невидимую нить.

Дыхание тоже стало глубже. Не естественно спокойное, а удержанное силой.

На четвёртый день губы у него побледнели.

На пятый под глазами легли тени.

На шестой он вошёл в мои покои после завтрака, поклонился, начал рассказывать о праве Императрицы изменять штат внутреннего дворца, и на слове «назначение» его голос едва заметно просел.

Я подняла глаза от свитка.

Он уже выровнял дыхание.

— Лорд Саэрис.

— Ваше Величество?

— Вы плохо выглядите.

— Благодарю за честность.

— Это не комплимент.

— Я понял по тону.

Нокса подняла голову, повела ушами и коротко фыркнула.

Саэрис бросил на неё взгляд.

— Кажется, ваш спутник согласен.

— Нокса умнее многих советников.

— В Са'Рет это не редкость для зверя.

— Осторожнее. Я могу решить, что вы только что оскорбили совет.

— Я бы не позволил себе такой прямолинейности в присутствии Императрицы.

— А без моего присутствия?

— Тогда это было бы менее интересно.

Я медленно провела пальцем по краю свитка. Рукав тут же попытался уползти в чашку, но я поймала его и с достоинством отодвинула.

Саэрис сделал вид, что не заметил.

Дипломат.

Очень ценное качество.

— Вам нужен врач, — сказала я.

— Врачи уже слишком любят моё общество.

— Значит, плохо работают.

— Или я плохой пациент.

— Это не взаимоисключающие варианты.

Он склонил голову.

— Ваше Величество беспокоится о своём сопровождающем?

— Моё сопровождающее лицо бледнеет с каждым днём, а мне ещё почти две недели лететь на чужом корабле. Это не беспокойство. Это оценка рисков.

— В таком случае риски под контролем.

Его сердце в этот момент снова сбилось.

Я услышала.

И он понял, что я услышала.

Между нами повисла тонкая пауза.

— Разумеется, — сказала я мягко. — Саархи вообще любят говорить «под контролем» ровно в тех ситуациях, где контроль уже истекает кровью где-то под ковром.

На этот раз он улыбнулся не сразу.

И этим подтвердил всё лучше любых анализов.

После этого Саэрис продолжил лекцию о внутреннем дворе, будто ничего не случилось. Будто у него не дрожали пальцы, когда он раскрывал следующий голографический свиток. Будто под кожей у него не шла война, которую он проигрывал молча — из чистого дворцового упрямства.

Я позволила ему договорить.

Иногда лучший способ получить правду — не давить сразу, а дать существу дойти до края самому и посмотреть, кто первым сделает вид, что края нет.

Саэрис был из тех, кто шагнул бы дальше и ещё извинился бы за пятно крови на ковре.

На седьмой день полёта пришло сообщение от команды.

Официально «Нок'Тейра» находилась на закрытом раэдарском задании в дальнем секторе. Официально ни одна система не имела причины искать мой корабль рядом с саархскими маршрутами. Официально я не должна была получать от них личные пакеты данных.

Поэтому сообщение пришло не на браслет, не на корабельный канал и не через дипломатическую связь.

Сигнал проснулся в серебристой нити, вплетённой утром в мою причёску, почти невесомым прикосновением у виска.

Я сидела в своей каюте после завтрака, пока Нокса пыталась запихнуть нос в складки моего верхнего слоя и явно проверяла, не спрятался ли там выход на прогулку. В последние дни ей становилось всё тяжелее сидеть взаперти. Я старалась гулять с ней по разрешённым коридорам дважды в день, иногда трижды, но для виррены, созданной для движения, запахов, охоты и открытого пространства, дипломатический линкор был слишком красивой клеткой.

В этом мы с ней совпадали.

Я коснулась виска двумя пальцами. Серебристая нить отозвалась слабым холодом, и перед глазами на миг вспыхнула ментальная метка Эриса: три коротких импульса, один длинный, пауза.

Наш знак.

Я поднялась и прошла в малый кабинет. Нокса тут же вскочила и пошла за мной, мягко царапнув когтями тёмный пол.

— Не рычи на стены.

Она фыркнула.

— Да, я тоже считаю, что они слишком близко.

Я закрыла дверь, активировала защитную сетку Кайлена, поставила водный кристалл Эйрена на стол и сняла с во-

лос серебристую нить. На вид — украшение. Внутри — крошечный накопитель, который любой саархский досмотр должен был счесть декоративной жилкой из редкого эларийского сплава.

А если нет — Кайлен будет разочарован.

Нить легла на поверхность стола, свет мигнул, и пакет раскрылся.

Сначала появилась Лиара — короткая голографическая проекция лица, срезанная помехами и защитой. Волосы убраны, глаза холодные, губы сжаты.

— Ари, мы внутри первого слоя. Не спрашивай где. На всякий случай. Передай Саэрису привет, но лучше не передавай. И да, я всё ещё злюсь.

Изображение сменилось Эрисом.

— Первый пакет данных. Срочно. Саэрис Эссайр. Угроза не внешняя. Отравление подтверждено по косвенным медицинским закупкам, передвижениям слуг Эссайр и закрытым письмам из северной ветви клана. Вероятный исполнитель — через личную прислугу. Вероятный заказчик связан с линией Тайры Эссайр. Структуру приложил.

Потом Кайрис, почти шёпотом:

— Я не восхищаюсь их системой внутренней переписки. Совсем. Почти. Ладно, немного. Но она мерзкая.

Терен сбоку:

— Он восхищался семь минут. Я засёк.

— Это было профессиональное уважение!

Лурин появился последним.

— Ариэль, если данные верны, яд бьёт не по органам в первую очередь. Он разъедает связь саарха с внутренним змеем. Если это так, обычные антидоты бесполезны. Нужен тот, кто сможет одновременно работать с тканями, нервной системой и даровым узлом. Не делай вид, что не поняла. И не делай это без подготовки. Я приложил стабилизирующую схему. Ты меня слышишь? Без подготовки.

Проекция погасла.

На столе раскрылись файлы.

Я читала быстро. Потом ещё раз. Потом третий — уже медленно.

Клан Эссайр прогнил изнутри не полностью — ни один великий род не гниёт весь сразу, слишком много ветвей, интересов, старых союзов и скрытых долгов, — но достаточно глубоко, чтобы яд дошёл до Саэриса.

Официальный старший наследник умер два года назад при странной аварии на внешнем торговом маршруте. Саэрис — молодой, одарённый, верный Змеиному Трону — быстро стал тем, кого невозможно игнорировать. Он был удобен императорам, полезен для договоров, опасен для старых ветвей и крайне неприятен для тех, кто хотел вернуть Эссайр к более мягкой, продажной и выгодной для совета линии.

Его нельзя было отодвинуть тихо.

Нельзя унизить без последствий.

Нельзя подкупить.

Значит, оставалось убрать.

С политической пользой.

Я открыла медицинский файл.

Яд назывался «Саар'мейш».

Запрещённый даже в Са'Рет — и это уже говорило о его мерзости.

Он не убивал сразу. Для постороннего всё выглядело бы как истощение, скрытая болезнь, последствия перегрузки или неудачная реакция на дальние переходы. А внутри делал худшее: медленно разъедал связь саарха с внутренним змеем.

Сначала сбои ритма.

Потом слабость.

Потом нарушение чувствительности.

А потом внутренний змей начинал отдаляться, будто его затягивало в холодную воду, где саарх больше не мог дотянуться.

Я застыла над строками.

На миг перед глазами оказался не файл, не тёмный стол и не чужой корабль, а другая пустота — старая, рваная, прожжённая до костей. Разрыв связи не звучит громко. Он не кричит. Он просто однажды оставляет внутри место, куда больше не приходит ответ.

Я знала это.

Не по книгам.

Не по чужим медицинским описаниям.

Пальцы сжались на краю стола, и серебристая нить дрогнула.

Нокса подняла голову.

— Всё нормально, — сказала я.

Слишком быстро.

Она не поверила, но спорить не стала.

Я заставила себя читать дальше.

Через два-три дня после появления явных симптомов связь становилась необратимо повреждённой. Через месяц тело умирало. Врачи на корабле видели действие состава, но не знали его имени: «Саар'мейш» давно вывели из официальных медицинских баз, оставив только в закрытых родовых архивах и старых судебных делах.

Для корабельных лекарей это был «неизвестный запрещённый состав».

Для «Нок'Тейры», вскрывшей переписку Эссайр, — конкретное название.

Последняя активная доза, вероятно, была введена перед вылетом. На борту возможен вторичный источник. Личная прислуга лорда под подозрением.

План был почти изящным.

Саэрис сопровождает новую Императрицу. К середине перелёта ему становится хуже. На борту начинается паника. Если он умрёт до прибытия — подозрение ляжет на корабль, охрану, врачей и само сопровождение Императрицы. Если

протянет до Саириса и рухнет после встречи с ней — ещё лучше: чужачка из Аэл'Тар привезла смерть одному из самых перспективных Эссайр.

Гарем получит первый удар по моему статусу.

Старые роды — повод потребовать ограничения моей власти.

Эссайр — внутренний хаос.

Совет — рычаг против императоров.

Красиво.

Мерзко.

Почти достойно уважения, если не считать того, что я терпеть не могла, когда меня пытались использовать как декоративную чашу для чужого яда.

Нокса положила голову мне на колено.

Я открыла глаза и посмотрела на неё.

— Ну что, маленькая тень. Кажется, нам подарили первый шанс.

Она тихо рыкнула.

— Да. И первую жертву тоже.

Я отправила короткий ответ команде:

«Пакет получила. Продолжайте. Не светиться. Лиара — не злиться громко. Лурин — схему приняла. Без подготовки не полезу. Почти обещаю».

Через несколько секунд пришёл ответ от Лурина:

«Слово "почти" убрано врачебным приказом».

Я усмехнулась и встала.

Саэрис должен был прийти через час для очередного занятия, и я собиралась поговорить с ним о его состоянии мягко. Относительно. Но теперь у меня было всё, что нужно, и возможность купить себе первого сильного союзника в Са'Рет ещё до прибытия во дворец.

Глупо было бы упустить такой подарок.

Особенно если подарок уже умирал в соседнем секторе корабля.

— Позвать лорда Саэриса на ужин, — приказала я старшему слуге, когда тот пришёл уточнить вечерний стол. — Сегодня он составит мне компанию.

Саарх поклонился.

— Как пожелает Ваше Величество.

Он ушёл и вернулся через двадцать минут — слишком быстро и с тем лицом, с которым слуги приносят плохие новости и надеются, что их за эти новости не убьют.

— Ваше Величество, — он склонился почти до пояса, — лорд Саэрис приносит глубочайшие извинения. Его состояние не позволяет составить вам компанию сегодня вечером.

Нокса подняла голову.

Я медленно поставила чашку на стол.

На мне уже был вечерний саархатский наряд: тёмно-пурпурное платье с чёрным верхним слоем, серебряная нить в волосах, длинные рукава, которые я наконец-то научилась держать так, чтобы они выглядели как часть статуса, а не попытка ткани захватить власть над моей рукой.

— Его состояние, — повторила я.

Слуга замер.

— Да, Ваше Величество.

— Кто сейчас у него?

— Капитан корабля, врачи и личная прислуга лорда.

— Проводите меня.

Слуга поднял голову слишком резко.

Ошибка.

Нокса тихо встала, её когти мягко щёлкнули по полу.

— Ваше Величество, лорд Саэрис просил не беспокоить вас.

Я улыбнулась.

— Как мило. А теперь проводите.

Он побледнел.

— Да, Ваше Величество.

Ходить по саархскому кораблю в длинной юбке и с рукавами оказалось отдельным испытанием, особенно когда внутри хотелось идти быстро, а снаружи нужно было двигаться так, будто весь корабль существует лишь затем, чтобы я могла пересекать его коридоры с императорским достоинством.

Саархатская одежда требовала плавности, сдержанности, контроля. Каждый шаг должен был быть выверен, иначе ткань начинала жить собственной интригой.

Я держала подбородок ровно. Уши — спокойно. Хвост — чуть приподнятым, чтобы не касаться подола.

Нокса шла рядом, огромная чёрная тень, и её присутствие

помогало лучше любой брони.

Слуги расступались. Воины кланялись. Кто-то смотрел на меня с любопытством, кто-то со страхом, а кто-то — с тем особым саархским интересом, где за уважением прятался расчёт.

Пусть считают.

Мне нужно было, чтобы слух о том, что новая Императрица лично пришла к умирающему Эссайр, разлетелся по кораблю раньше, чем я выйду из его каюты.

Иногда политическая сцена сама ложится под ноги.

Главное — не наступить на подол.

Каюта Саэриса находилась в соседнем статусном секторе. У двери стояли два воина и слуга с белым как ткань лицом. При моём появлении все склонились.

Изнутри доносились голоса: низкий голос капитана, резкие фразы врачей, шелест медицинских панелей. И сердце Саэриса — слабое, сбитое, проваливающееся в тишину между ударами.

Я вошла без объявления.

В каюте замерли все.

Капитан корабля, высокий саарх с тёмными волосами и жёлтыми глазами, стоял у изножья широкой низкой кровати. Рядом трое врачей в серо-чёрных одеждах склонились над диагностической сеткой. Двое слуг держали подносы с препаратами. Ещё один стоял у стены — слишком неподвижный, чтобы быть просто испуганным.

Я отметила его сразу.

И отложила на потом.

Саэрис лежал на приподнятых подушках без верхнего статусного слоя, только в тёмной нижней одежде. Волосы распущены по плечам. Лицо бледное до серого оттенка, губы почти белые. Под глазами тени стали глубже, а на шее под кожей проступали тонкие тёмные линии — не сосуды, а что-то иное.

Визарь видел их как повреждённые нити, уходящие глубже, туда, где у саархов жила связь с внутренним змеем.

Саэрис повернул голову ко мне.

И всё равно попытался подняться.

Упрямый идиот.

— Ваше Величество…

— Лежите, — сказала я.

Тихо.

Но все услышали приказ.

Капитан первым склонился. За ним врачи, слуги, охрана.

— Ваше Величество.

Нокса вошла следом и встала у моей ноги. Один из врачей едва заметно отступил.

Хорошая девочка.

— Поднимитесь.

Они выпрямились.

Я посмотрела на капитана.

— Имя.

— Капитан Шаэр'тис Варейн, Ваше Величество.

— Состояние лорда Саэриса. Коротко. Честно. Без слов, которые должны успокоить меня вместо того, чтобы дать данные.

Капитан посмотрел на старшего врача.

Тот сглотнул.

— Ваше Величество, у лорда Саэриса тяжёлое отравление. Состав неизвестного происхождения, но по действию похож на запрещённые родовые яды старых линий. Мы не смогли выделить полный состав.

— Что он делает?

Трое врачей переглянулись.

Саэрис закрыл глаза.

Капитан сжал кулак.

Старший врач всё же ответил:

— Разрушает связь лорда с внутренним змеем. Сначала нарушается ритм, потом чувствительность, потом начинается отторжение. Мы стабилизируем тело, но не можем остановить разрыв.

Воздух стал плотным.

— Сроки.

Врач побледнел сильнее.

— Через два-три дня связь будет повреждена необратимо. После этого восстановление невозможно. Тело сможет продержаться около месяца, возможно меньше, если внутренний змей начнёт биться против разрыва.

Саэрис слабо усмехнулся.

— Он уже бьётся.

Голос был хриплым, низким, почти без силы.

Но сарказм выжил.

Я оценила.

— Что вы сделали? — спросила я.

Старший врач начал перечислять: нейтрализующие составы, энергетические стабилизаторы, поддержка сердца, подавление боли, попытки очистить кровь, блокировка дальнейшего распространения.

Всё правильно.

И всё бесполезно.

Они лечили тело, пока яд резал связь глубже.

Лурин был прав: нужен тот, кто может работать сразу с тканями, нервной системой и даровым узлом.

И тот, кто сможет войти туда, где чужой внутренний змей уже бьётся в темноте.

А это значило риск.

Не красивое слово из медицинского отчёта, а настоящую цену: если я ошибусь, Визарь может зацепиться за повреждённую связь, яд — отозваться через мой дар, а чужая боль — потянуть меня за собой так глубоко, что Лурин потом лично воскресит меня, чтобы убить.

Если сможет.

Я перевела взгляд на Саэриса.

— Кто знает?

Капитан ответил:

— Только присутствующие и два связиста, передавшие закрытый сигнал в Са'Рет.

— Императорам?

— Да, Ваше Величество.

— Когда?

— Час назад.

Хорошо.

Значит, у Змеиного Трона уже есть новость, и очень скоро начнётся движение. Если я хочу забрать Саэриса себе, нужно делать это сейчас.

— Лорд Саэрис.

Он открыл глаза — тёмно-лиловые, тусклые, но всё ещё слишком умные.

— Ваше Величество, — он попытался вдохнуть глубже и едва заметно поморщился, — прошу простить, что не смог исполнить обязанность сопровождения должным образом.

Я посмотрела на него.

— Вы умираете и извиняетесь за плохой сервис?

Один из врачей дёрнулся.

Капитан замер.

Саэрис слабо улыбнулся.

— Са'Рет ценит… должное поведение.

— Са'Рет понадобится пережить моё мнение о таком поведении.

— Боюсь, внутренний дворец не готов.

— Внутренний дворец вообще много к чему не готов.

Я повернулась к капитану.

— Все покидают каюту.

Старший врач резко поднял голову.

— Ваше Величество, состояние лорда…

— Я сказала: все.

Капитан Варейн сделал шаг вперёд. Я видела, как он выбирает между инструкцией, страхом за Саэриса и тем фактом, что перед ним уже стоит Императрица Са'Рет.

— Императрица, я не могу оставить вас одну в каюте с тяжело больным высокородным лордом. Безопасность…

Нокса зарычала.

Низко.

Глубоко.

Саархские воины за дверью напряглись.

Я не повысила голос.

— Капитан, я уже Императрица Са'Рет. Вы можете сейчас выбрать, что именно нарушить: мой прямой приказ или собственный страх перед тем, что будет, если лорд Саэрис умрёт при вашем командовании. Второй вариант я хотя бы могу понять. Первый — запомню.

В каюте стало холодно.

Саэрис смотрел на меня почти с интересом.

Даже сейчас.

Капитан медленно склонил голову.

— Как прикажете, Ваше Величество.

— Врачи оставят препараты и медицинскую панель. Слуги — за дверь. Охрана — внешний периметр. Никто не входит без моего разрешения. Если лорд Саэрис умрёт за следующие десять минут, можете считать, что ваш день стал совсем плохим.

Старший врач побледнел так, что стал почти прозрачным.

— Ваше Величество…

— Это была шутка, — сказала я и после короткой паузы добавила: — В основном.

Нокса фыркнула.

Капитан первым поклонился и вышел. Врачи замешкались, но под моим взглядом оставили панель, препараты, диагностические кристаллы и тоже удалились. Слуги выскользнули за ними.

Тот, что стоял у стены, уходил последним — слишком неподвижно, не испуганно, а выжидающе.

Я запомнила его лицо.

Если лорд выживет, этот станет первым подарком для разговора.

Дверь закрылась.

Мы остались втроём: я, Саэрис и Нокса.

Саэрис повернул голову ко мне.

— Если вы собирались убить меня, Ваше Величество, способ выглядит излишне театральным.

— Если бы я собиралась вас убить, лорд Саэрис, вы бы оценили эффективность.

— Не сомневаюсь.

Я подошла к столу у его кровати, достала из рукава тонкую голографическую пластину и активировала её. Длинный рукав тут же попытался накрыть половину панели. Я молча перекинула ткань через запястье.

Саэрис заметил.

Его губы едва дрогнули.

— Не смейтесь.

— Я восхищаюсь вашей победой над рукавом.

— Ещё одно слово, и лечение подорожает.

Он замолчал.

Хорошо.

Я протянула ему планшет.

— Читайте.

Он взял его медленно. Пальцы дрожали, но хватка оставалась точной. Глаза пробежали первые строки, потом вторые.

Потом Саэрис перестал улыбаться.

Я наблюдала, а слух ловил, как меняется его дыхание, как сердце сбивается сильнее уже не от яда — от смысла. Где-то глубже, почти за пределом обычного восприятия, что-то большое и раненое внутри него ударилось о невидимую стену.

Внутренний змей.

Даже не видя его, я почувствовала отголосок.

Яд разрывал не только связь. Он унижал, медленно отнимая у саарха то, что делало его собой.

Саэрис дочитал до конца. Несколько секунд просто смотрел на данные.

А потом тихо, горько рассмеялся.

— Тайра.

Впервые за всё время я услышала не дипломата и не Эссайр, а родича, которому только что показали, из какой руки пришёл нож.

— Вы знали? — спросила я.

— Подозревал другие ветви. Не её.

— Кто она?

— Наложница главы северной линии. Очень тихая. Очень преданная. Очень удобная для тех, кто любит считать чужую тишину отсутствием зубов.

Он прикрыл глаза. По горлу прошла судорога.

— У неё сын. Достаточно взрослый, чтобы поставить подпись. Достаточно послушный, чтобы не понимать, под чем. И достаточно пустой, чтобы через него можно было править.

— Значит, Тайра была умнее, чем вы думали.

— Или я был глупее, чем позволял себе считать.

— Такое случается даже с Эссайр.

Он поднял на меня взгляд.

— Откуда у вас это?

Потом, не дожидаясь ответа, улыбнулся слабее:

— Впрочем, вопрос лишний. Ваша команда не сопровождает вас. Она на закрытом задании. По раэдарскому направлению.

Я села в кресло рядом с кроватью.

Нокса легла у моих ног, не сводя с него глаз.

— Вам трудно дышать. Не тратьте силы на вопросы, на которые я не отвечу.

— Значит, я прав.

— Значит, вы всё ещё достаточно живы, чтобы делать выводы.

— Почему вы показываете мне это? — Он чуть поднял планшет. — Вы раскрываете козырь до прибытия во дворец.

— Не козырь. Козырь — это то, что берегут до решающего хода. Вы — не решающий ход, лорд Саэрис.

Его глаза сузились.

Даже слабый, он всё ещё умел становиться опасным.

— Тогда что я?

— Возможность.

— Какая честь.

— Не обижайтесь. Для меня возможность ценнее титула.

Он выдохнул сквозь боль.

— Вы могли отправить это Императорскому клану. Могли оставить меня умирать и получить политический рычаг против Эссайр. Могли дождаться Саириса и использовать мой труп против тех, кто это сделал. Но пришли сюда. Почему?

Я посмотрела на него долго.

Сейчас можно было соврать — сказать о милосердии, о союзе, о ценности его жизни, о том, что Императрица не может позволить своему сопровождающему умереть в пути, —

и всё это было бы частично правдой.

Но Саэрис Эссайр не из тех, кого покупают красивой половиной правды.

А мне нужен был не благодарный спасённый.

Мне нужен был союзник, который с первой минуты поймёт правила.

— Потому что вы сильны, — сказала я. — Умны. Молоды для вашей системы, но уже достаточно опасны, чтобы вас решили убрать запрещённым ядом. Вы верны императорам, а значит, неудобны старым родам. У вас есть имя, доступ, связи, враги и причина ненавидеть тех, кто решил использовать моё прибытие как ширму для вашей смерти.

Он слушал.

Я продолжила:

— Мне нужен союзник в Са'Рет. Не слуга. Не благодарный должник, который будет красиво кланяться и тайно искать, как вернуть свободу от долга. Союзник. Тот, кто понимает внутренний яд вашей системы лучше, чем я смогу понять за первые месяцы. Тот, кто знает, где улыбаются из привычки, а где — перед ударом. Тот, кто может говорить с Эссайр, советом и внешними линиями так, чтобы они думали, будто всё ещё управляют разговором.

Саэрис прикрыл глаза.

— Вы торгуетесь с умирающим.

— Да.

Он рассмеялся тише, почти беззвучно.

— Честно.

— Я устала от красивой лжи. Мне её хватит во дворце.

— А если я откажусь?

— Тогда я всё равно попытаюсь стабилизировать вас настолько, чтобы вы дожили до Саириса. Отдам данные императорам. Вы получите шанс умереть не прямо сейчас, а через месяц, наблюдая, как ваш клан делает вид, что скорбит. Очень достойный саархский финал.

Он медленно повернул голову ко мне.

— Жестоко, Ваше Величество.

— Да.

— Вы говорите это без удовольствия.

— Удовольствие здесь неуместно.

— Но сожаления тоже нет.

Я посмотрела на планшет в его руке, на тёмные линии, проступающие у него на шее, на гордость, которая держала его лучше лекарств.

— Сожаление ничего вам не вернёт.

Пауза стала глубже.

Где-то за стеной прошли быстрые шаги — охрана, врачи, капитан, который наверняка сейчас не знал, молиться ли своим древним змеям или ломиться обратно.

— Вы сказали «попытаюсь стабилизировать», — тихо произнёс Саэрис. — Не «вылечить».

— Потому что это был вариант без сделки.

Его взгляд стал острее.

Вот теперь мы подошли к сути.

— А с ней?

Я наклонилась ближе. Саархатский рукав соскользнул по запястью, тёмная ткань легла на край кровати.

Нокса подняла голову, но не зарычала.

— С ней я могу вылечить вас.

Тишина.

Сердце Саэриса сбилось.

На этот раз сильно.

— Невозможно, — сказал он. — Вы не саархарский врач. Яд разъедает связь с внутренним змеем. Это не рана, которую можно закрыть.

— Я знаю.

— Вы не можете знать достаточно.

— Я знаю, что такое разрыв связи.

Слова вышли спокойнее, чем ощущались.

Саэрис замер. Он понял, что тронул не просто тему.

— Не саархской, — сказал он.

— Нет.

— Но вашей.

— Да.

Он молчал.

Я тоже.

На несколько вдохов каюта стала слишком тесной.

— Кто вы, Ариэль Валенс? — спросил он наконец.

Впервые без титула.

Нокса тихо поднялась.

Я положила ладонь ей на голову.

— Та, кто предлагает вам жизнь.

— И цену.

— Разумеется.

— Какую?

Я выпрямилась.

Теперь голос должен был быть не мягким, не сочувствующим, а императорским.

— Верность и преданность.

Его глаза потемнели.

— Императорскому клану?

— Ему вы уже верны.

— Са'Рет?

— Ей вы уже служите.

— Тогда кому?

Я посмотрела прямо в тёмно-лиловые глаза с чёрным вертикальным зрачком.

— Мне.

В каюте стало совсем тихо.

Даже Нокса не двигалась.

— Вы просите опасную вещь, Ваше Величество.

— Я требую её в обмен на невозможную.

— Верность Императрице может конфликтовать с верностью императорам.

— Значит, вы будете достаточно умны, чтобы не доводить

до конфликта без необходимости.

— А если необходимость возникнет?

— Тогда выберете меня, если вопрос касается моей жизни, моей власти во внутреннем дворце и интересов Аэл'Тар в рамках договора.

Он смотрел долго.

Слишком долго для того, кому оставалось два-три дня до необратимого разрыва.

— Вы хотите своего Эссайр, — сказал он наконец. — Глаза во внешней политике. Голос среди тех, кто решит, что чужая Императрица ничего не понимает. И клинок против моего собственного клана.

— Если ваш клан снова попробует использовать меня как подставную чашу для яда — да.

Он усмехнулся.

— Вы даже не делаете вид, что мягче.

— Я еду в Са'Рет. Мне сказали, там мягких быстро съедают.

— Обычно так и есть.

— Значит, учусь заранее.

Он прикрыл глаза. Тёмные линии на шее дрогнули, и его лицо на миг исказила боль.

Я не двинулась.

Не стала жалеть.

Не стала хватать его руку.

Пусть видит: я не покупаю его слабостью. Я предлагаю

сделку силе, которая ещё не умерла.

Саэрис открыл глаза.

— Если вы вылечите меня, вы раскроете нечто важное.

— Да.

— Я должен буду сохранить это в тайне.

— Это часть верности.

— Даже от императоров?

Вот теперь пауза была моей.

Я не знала императоров Са'Рет. Только репутацию: жестокие, холодные, тираны, полезные союзники, мужья по договору, правители гарема, который собирался проверить меня на прочность.

Я не собиралась отдавать им свой главный дар в первые сутки чужой партии.

— Даже от них, — сказала я.

Саэрис медленно выдохнул.

— Это почти измена.

— Нет. Это выбор между моей жизнью и их любопытством. Если однажды мой дар станет необходим им для выживания Са'Рет или договора, я решу сама. Не вы.

— Если это вскроется…

— Тогда у нас обоих появятся проблемы. Поэтому лучше, чтобы вы оказались так же хороши, как о вас думают враги.

Он смотрел на меня почти с удивлением.

Потом слабая улыбка тронула его губы.

— Вы страшнее, чем выглядели на границе.

— А вы бледнее, чем выглядели там же. Все меняются.

Он тихо рассмеялся и тут же закашлялся.

Я подалась вперёд, но остановилась.

Рано.

Сначала ответ.

— Если я соглашусь, — сказал он хрипло, — я буду должен вам жизнь.

— Да.

— Саархи такие долги не забывают.

— На это и рассчитываю.

— Вы не просите клятву на крови?

— Нет.

— Почему?

— Потому что вас отравили через то, что вы считали своим. Кровь, клан, род. Я не собираюсь начинать союз с тех же инструментов. Мне нужно ваше слово — осознанное, трезвое, данное до лечения, а не после, когда благодарность начнёт мешать мышлению.

Он молчал.

Потом сказал почти беззвучно:

— Очень умно. И жестоко.

— Я уже сказала: да.

— Вы уверены, что сумеете?

Я посмотрела на тёмные линии у него на шее. Визарь под кожей отозвался тихим, опасным теплом.

Цена будет.

Боль будет.

Риск будет.

Но я могла.

— Нет, — сказала я. — Уверенность — роскошь тех, кто не понимает сложность задачи. Я знаю, что могу войти в повреждённую связку. Знаю, что могу вытащить яд из тканей и нервов. Знаю, что могу попытаться сшить то, что он разъедает. И знаю, что если не попытаюсь, вы умрёте.

— Не самая вдохновляющая речь.

— Зато честная.

Он закрыл глаза, и я слышала, как он дышит.

Раз.

Другой.

Третий.

Его сердце снова сбилось. Внутренний змей где-то глубоко ударился о разрыв, и по каюте прошла волна такого чужого, рваного холода, что Нокса зарычала.

Саэрис сжал зубы, но не застонал.

Гордость у него была почти такой же упрямой, как у моей семьи.

Когда боль отпустила, он открыл глаза. В них больше не было дипломатической гладкости — только усталость, ярость и решение, ещё не произнесённое вслух.

— Верность и преданность вам, Императрица Ариэль Валенс, — сказал он медленно. — Не против Змеиного Трона, пока вы не встанете против Са'Рет. Но в вопросах вашей

жизни, вашей власти во внутреннем дворце, вашего права говорить и дышать свободно — мой голос, мои глаза и мои зубы будут вашими. Тайна вашего дара — под моей жизнью. Тайна ваших теней — под моей честью. И если мой внутренний змей выживет благодаря вам, он запомнит, кому обязан первым вдохом.

Слова легли в воздух тяжело.

Саэрис смотрел на меня.

— Достаточно? — спросил он.

Глава 4

Ариэль

— Достаточно, — сказала я.

Саэрис Эссайр не выдохнул с облегчением, не улыбнулся шире и не попытался произнести ещё одну красивую фразу о благодарности, долге и величии момента.

Хорошо.

Значит, я не ошиблась.

Он лежал на подушках бледный, почти серый, с тёмными линиями Саар'мейша под кожей и всё равно смотрел так, будто не просил жизнь, а принимал условия нового договора. Не слабость. Не отчаяние. Не запоздалое желание цепляться за любой шанс.

Холодный расчёт, замешанный на гордости и злости.

Злость мне нравилась больше всего.

Благодарность может выдохнуться, страх — предать, политическая выгода — измениться, а вот правильно направленная злость иногда держит крепче клятв.

Нокса лежала у моих ног, но не расслаблялась. Чёрные уши были развёрнуты к Саэрису, хвост медленно двигался по полу, а когти чуть выступили из мягких подушечек лап. Она чувствовала напряжение. Не смысл слов, конечно, и не цену сделки, но то, как менялся воздух между нами, ей было понятно без языка.

Мне тоже.

Каюта казалась слишком тихой, хотя за дверью стояли врачи, капитан корабля, охрана и слуги. Все ждали. Все понимали, что новая Императрица Са'Рет осталась наедине с умирающим Эссайр, и никто не знал, выйдет ли он живым.

Прекрасная первая неделя.

Я поднялась. Рукав тёмно-пурпурного одеяния соскользнул с запястья и лёг на край кровати. Я едва удержалась от желания оторвать его к бездне.

Саархатская одежда была роскошной, статусной, дорогой и абсолютно не приспособленной для того, чтобы спасать умирающих союзников от запрещённого яда.

Саэрис заметил мой взгляд.

— Вы снова сражаетесь с рукавом, Ваше Величество.

Голос хриплый, слабый, но насмешка ещё живая.

— Сейчас я сражаюсь за вашу жизнь. Не заставляйте меня выбирать, что раздражает сильнее.

— Понял.

Он замолчал. Не потому, что подчинился легко. Просто понял: в следующие минуты я не дипломат, не Императрица и не женщина, с которой можно обмениваться тонкими уколами.

Я Визарь.

И если всё пойдёт плохо, он умрёт.

Я активировала серебристую нить Кайлена, и по стенам прошла почти незаметная рябь. Скрытые записывающие уз-

лы ослепли, медицинская панель перешла в режим локального хранения, а декоративная змея у изголовья на миг показала крошечный глазок наблюдения.

— Стандартная безопасность? — спросила я.

Саэрис слабо усмехнулся.

— Са'Рет.

— Значит, лишние свидетели.

Я подвинула диагностическую сетку ближе, но не стала полагаться на неё полностью. Саархская техника показывала тело, состав крови, сбои ритма, дыхание и общую энергетическую нестабильность. Полезно, но недостаточно.

Нужно было идти глубже.

Туда, где саарх не просто живёт, а связан со своей второй сутью.

Я положила ладонь ему на грудь.

Саэрис дёрнулся — едва заметно, но я услышала, как его сердце сбилось сильнее.

— Больно?

— Нет.

— Лжёте плохо.

— Я умираю. Могу позволить себе несколько слабых попыток.

— Уже нет. Мы договорились, что вы будете жить.

Нокса тихо фыркнула.

Саэрис перевёл на неё взгляд.

— Ваш спутник очень требователен.

— Она выбрала достойное общество.

Я закрыла глаза и потянулась глубже.

У саархов даровая сеть лежала плотнее, чем у эларийцев новой крови. Не открытое сплетение ментальных и стихийных линий, а второй силуэт под кожей, костями и нервами — древний, тяжёлый, хищный.

Змей.

Я коснулась границы, и меня встретил инстинктивный удар.

Внутренний змей Саэриса бился в ядовитой сети, пытаясь вырваться из разъедающих нитей. Не понимал меня. Не принимал. Не желал чужого касания.

Нокса вскочила и зарычала.

— Тихо, — прошептала я.

Это относилось не только к ней.

Саэрис резко втянул воздух.

— Он сопротивляется.

— Я заметила.

— Отойдите.

— Нет. Если ваш змей продолжит биться так, Саар'мейш разорвёт оставшиеся нити быстрее.

Он молчал.

А Визарь уже поднимался изнутри — не светом, не теплом и не мягким лечебным даром из красивых легенд. Мой дар никогда не был мягким. Он был точным, живым и жестоким к тому, что считал чужим внутри тела.

Он не гладил рану.

Он разбирал её на причины.

Саар'мейш оказался красивым.

Ненавижу это слово рядом с подобной мерзостью, но другого не было. Состав не просто растекался в крови — он вплетался, маскировался под естественные колебания саархской природы, цеплялся за нервные окончания и уходил тончайшими нитями в живую связку между телом и змеем.

Каждый удар сердца проталкивал его дальше.

Каждая попытка сопротивления заставляла тёмные нити впиваться глубже.

Идеальное оружие против сильного саарха: чем яростнее змей, тем быстрее разрыв.

Я стиснула зубы.

— Мерзость.

— Приму… как оценку… состава, — хрипло отозвался Саэрис.

— Молчите.

— Да, Ваше Величество.

Слишком послушно.

Плохо.

Значит, сил оставалось меньше, чем он показывал.

Я начала с крови — с самого простого. Относительно.

Визарь ушёл по венам, выжигая чужие элементы, но отрава не хотела умирать. Сворачивалась, пряталась, пыталась уйти в ткани. Я перехватывала, дробила, заставляла её те-

рять структуру и выталкивала к печени, почкам, коже.

Медицинская панель зашипела предупреждениями.

Саэрис выгнулся, пальцы вцепились в простыню.

Нокса рванулась ко мне.

— Место, — сказала я.

Она замерла.

У меня заболела голова. Пока не сильно.

Кровь поддавалась. Ткани — хуже. Нервная система — ещё хуже.

А живая связка…

Я открыла глаза, чтобы посмотреть на Саэриса. Он был в сознании, конечно. Упрямый гад. Пот струился по вискам, зрачки стали узкими, почти чёрными, губы разошлись, обнажая клыки, а в воздухе вокруг дрожало что-то чужое, плотное, как невидимые кольца огромного змея.

— Если потеряете сознание, будет легче, — сказала я.

— Вам?

— Мне не придётся слушать вашу гордость.

— Тогда… останусь.

— Я начинаю понимать, почему вас травят. Вы невыносимы.

— Взаимно… Ваше Величество.

Я почти усмехнулась.

А потом перешла к связке, и улыбка умерла.

Это было похоже на шитьё по живому нерву.

Нити между телом Саэриса и его змеем были разъедены:

местами почерневшие, местами истончённые почти до прозрачности. Тёмные капли Саар'мейша висели на них, как стекло, готовое порезать всё вокруг.

Убрать грубо — нить порвётся.

Тянуть медленно — отрава уйдёт глубже.

Сжечь — можно повредить саму связку.

Лурин бы меня убил.

Потом вылечил.

А потом убил ещё раз за то, что я делаю это без него рядом.

Я позволила дару стать тоньше. Визарь прошёл по первой нити и замер, а я слушала всем телом, улавливая, где отрава срослась с тканью, где только притворилась её частью и где под ней ещё оставалось живое.

Медленно.

Микроскопически осторожно.

Я отделила первый тёмный участок.

Саэрис сдавленно зашипел. Его рука резко поднялась и схватила меня за запястье. Когти вышли и впились в кожу.

Нокса рванулась с рыком.

— Нет! — бросила я.

Она застыла на полпути.

Кровь потекла по моему запястью, а Саэрис смотрел расширенными глазами, будто пытался вытащить себя из боли и не мог.

— Отпустите, — сказала я.

Он не отпускал.

Не слышал.

Я наклонилась ближе.

— Саэрис. Руку. Уберите. Иначе Нокса решит, что вы ужин.

Его пальцы разжались, и на запястье остались четыре глубоких следа.

— Простите, — прошептал он.

— Потом извинитесь красиво. Сейчас дышите.

— Не… получается.

— Получится. На четыре счёта. Слушайте мой голос.

Интимнее, чем я планировала для политического союзника, но ему нужно было за что-то держаться.

Я провела его через вдох и выдох.

Раз.

Другой.

Третий.

Он подчинился с трудом, но подчинился.

А потом я снова вошла в связку.

Вторая нить.

Третья.

Пятая.

Десятая.

Счёт потерял смысл. Время тоже. Остались только Саар'мейш, живая ткань, змеиная ярость, мой дар и цена, которая начала подниматься из глубины тела.

Сначала — кровь из носа, тёплая капля над губой.

Потом — слабость в пальцах.

Холод в плечах.

Глухая пустота за рёбрами.

На миг я спасала не его.

Не Саэриса.

Я держала в ладонях чужую связь и слишком ясно чувствовала место, где когда-то была моя собственная. Там, в старой белой тишине, ничего не отвечало. Ни Риас. Ни Шарис. Ни Лиан. Только память о разрыве, который не кричал, не просил и не умирал красиво — просто однажды оставил внутри пустое место.

Зрение поплыло.

Я вцепилась свободной рукой в край кровати.

Саэрис услышал даже сквозь боль.

— Остановитесь.

— Нет.

— Вы истощаетесь.

— Какое тонкое наблюдение.

— Ариэль.

Первый раз моё имя прозвучало без титула в таком состоянии — не как вызов, а как просьба.

Нельзя было позволять себе реагировать.

Но я всё равно услышала, и уши предательски дрогнули.

Проклятье.

— Молчите, — сказала я. — Я почти дошла до ядра.

Почти — это ложь, которую дар иногда говорит телу, чтобы оно не развалилось раньше времени.

Саар'мейш держался в самом опасном месте: в глубинном узле, где тело саарха касалось его второй сути. Там отрава уже сплела кольцо. Если бы я опоздала на день — может, меньше, — вытащить её без разрыва было бы невозможно.

Я коснулась кольца.

И провалилась.

Мир исчез.

На миг я оказалась в темноте, где было холодно, тесно и пахло чужой болью. Передо мной бился огромный змей — не физическая форма Саэриса, а его внутренняя суть.

Тёмный. С винными и золотыми отливами по чешуе. С длинным рваным шрамом вдоль левого гребня — старый след боя, который почему-то сохранился даже здесь. Один рог у основания был надломлен, но не сломан до конца, и от этого змей казался не менее опасным, а более упрямым.

Вокруг его горла стягивалась чёрная ядовитая сеть.

Он смотрел на меня вертикальными зрачками, полными гнева, недоверия и такой обречённости, что больно стало уже мне.

— Я не твой враг.

Змей раскрыл пасть, но не бросился.

Не мог.

Саар'мейш держал.

— Да, — сказала я тихо. — Мерзко. Знаю.

Он ударил хвостом, тьма дрогнула, и где-то далеко моё физическое тело покачнулось. Нокса зарычала, Саэрис застонал, медицинская панель выдала резкий сигнал.

— Если продолжишь биться, я не вытащу это, — сказала я. — А я очень не люблю проигрывать.

Змей замер от любопытства.

Тоже сойдёт.

Я подняла руку, и Визарь вспыхнул вокруг пальцев тонкими бело-синими нитями. Не светом жизни. Не добротой. Чистым инструментом.

— Будет больно.

Змей посмотрел так, будто боль уже давно стала его воздухом.

Я вцепилась в ядовитое кольцо.

И вырвала его.

Саэрис закричал — глухо, сорванно, сквозь стиснутые зубы.

В реальности его тело выгнулось на кровати, внутренний змей рванулся мне навстречу, свободный от первого слоя, и на секунду я почти не удержала связку.

Отрава пошла обратно, пытаясь вцепиться в меня, потому что мой дар стал ближайшей живой сетью.

Но нет.

Я не взяла её в себя.

Не была настолько безрассудной.

Почти.

Я расщепила Саар'мейш в момент рывка, раздавила структуру Визарем и направила остатки в подготовленную чашу с нейтрализатором из набора Лурина.

Лурин, я обожаю твою паранойю.

Чаша почернела, пошёл едкий дым.

Нокса громко рыкнула.

Я вытащила вторую часть.

Третью.

Последнюю.

И когда Саар'мейш отпустил глубинный узел, змей Саэриса развернулся — не кинулся, не ударил, а просто поднял голову.

В темноте прошёл мощный, древний, живой импульс. Винно-золотая чешуя вспыхнула под остатками тьмы, рваный гребень поднялся, и взгляд змея впервые стал не только яростным.

Запоминающим.

Он запомнил меня.

И это было опаснее благодарности.

Импульс отбросил меня изнутри обратно в собственное тело.

Я резко открыла глаза.

Мир качнулся.

Саэрис лежал неподвижно, но уже иначе. Тёмные линии на шее бледнели прямо на глазах. Сердце всё ещё сбивалось, но ритм выравнивался, дыхание стало глубже, а под кожей

возвращался цвет.

Получилось.

На один удар сердца я позволила себе почувствовать это.

Победу.

А потом кровь из носа пошла сильнее. Горячая струя скользнула по губам и подбородку, пальцы онемели, и когда я попыталась отнять руку от груди Саэриса, то просто не смогла.

Тело вдруг стало тяжёлым, чужим, пустым изнутри, будто Визарь выжег во мне все запасы, до которых дотянулся.

— Ариэль, — сказал Саэрис.

На этот раз голос был яснее.

Сильнее.

Тревожнее.

— Только не радуйтесь слишком громко, — пробормотала я. — У меня болит гордость.

И начала падать.

Он поймал меня.

Не должен был — только что находился на грани смерти, — но поймал. Резко сел, перехватил за плечи и удержал, пока Нокса вскочила рядом, рыча так, что дверь каюты дрогнула от чужих попыток войти.

— Не впускай, — прошептала я.

Саэрис понял.

Его голос стал стальным:

— Никому не входить.

За дверью всё стихло.

Я сидела на краю его кровати, почти у него на руках, и пыталась не испачкать кровью роскошную ткань своего наряда.

Бесполезно.

Кровь уже капала на пурпурный шёлк.

— Ткань жалко, — сказала я.

Саэрис смотрел на меня так, будто я сказала полную чушь в самый неподходящий момент.

— Вы только что вытащили запрещённый яд из связки с внутренним змеем и думаете о ткани?

— Она была красивая.

Он закрыл глаза.

Плечи у него дрогнули.

Сначала я решила, что от боли, но потом поняла — смеётся. Тихо, хрипло, почти безумно после пережитого.

— Вы невозможны, Ваше Величество.

— Это семейное.

Я попыталась подняться, но пол ушёл вправо, и Саэрис удержал меня крепче.

— Сидите. Я предлагаю Императрице не разбить голову о пол после спасения моего недостойного тела.

— Формулировка лучше.

Нокса сунула морду мне в грудь и тревожно заскулила.

Вот это было неожиданно.

— Тише, маленькая тень, — прошептала я, запуская пальцы в её шерсть. — Я живая.

Она лизнула мою руку — очень мокро и очень тревожно.

Саэрис посмотрел на чёрную виррену, потом на меня.

— Цена высокая.

— Не смертельная.

— Вы уверены?

— Я всё ещё язвлю. Значит, жить буду.

— Это медицинский критерий Аэл'Тар?

— Лурин бы сказал, что нет, но тайно согласился бы.

Саэрис осторожно убрал волосы с моего лица. Жест вышел не интимным, а практичным, но пальцы у него задержались на белой пряди на долю вдоха.

Я услышала, как изменилось его дыхание.

Понимание.

Белые волосы, белые уши, белый хвост — цена чужого прошлого, о котором он теперь знал больше, чем я планировала.

— Не спрашивайте, — сказала я.

Он убрал руку.

— Не буду.

Умный.

Очень умный.

Мы быстро обсудили легенду для врачей: я применила редкую эларийскую методику, подробности закрыты статусом договора, все записи будут отредактированы. Когда капитан Варейн вошёл и замер при виде нас — Саэрис уже сидел, живой, я бледная, но спокойная, Нокса у моих ног, —

он медленно опустился на одно колено.

Не перед Саэрисом.

Передо мной.

— Ваше Величество.

Я улыбнулась краем губ.

— Поднимитесь, капитан. И принесите мне воды, пока я не начала считать, что в Са'Рет принято позволять Императрицам истекать кровью на дорогой обивке.

Врачи проверяли Саэриса долго. Путались в показателях, переглядывались, а старший едва не уронил диагностический планшет, увидев, что глубинная связка восстанавливается быстрее естественного предела.

Саэрис был великолепен: лежал бледный, утомлённый, но с таким выражением лица, что даже врачи начинали говорить тише.

Мне тоже предложили осмотр. Я согласилась на быстрый, без лишних вопросов, а когда наконец вернулась в свои покои, просто рухнула на диван, завернувшись в чёрный плед.

Тело казалось выскобленным изнутри.

Визарь молчал — не исчез, не ушёл, но свернулся глубоко, как зверь, которому приказали слишком много. И в этой тишине старый шрам разрыва чувствовался яснее обычного.

Завтра была годовщина дня, когда умерло всё, что связывало меня с Риасом, Шарисом и Лианом.

Не они.

Нет.

В этом и была самая гнилая часть боли: я слишком долго верила, что они живы. Что где-то дышат, воюют, правят, выбирают и просто не идут ко мне. А потом перестала ждать. Не простила — просто перестала ждать, и тишина на месте старой связи стала единственным ответом.

Сегодня я спасла чужую связь.

Завтра должна была пережить собственную пустоту.

Смешно.

Почти.

Саэрис пришёл через час.

Это было наглостью.

Он сел в кресло напротив с такой осторожностью, будто каждое движение заранее согласовывал с телом, которое ещё не решило, простило ли ему сегодняшнее упрямство. Слабый, но живой, в тёмном домашнем верхнем слое, с распущенными волосами.

— Вы хуже пациент, чем я, — сказала я.

— Хотел лично убедиться, что моя спасительница не умерла от упрямства.

— Спасительница не умерла. Но может убить за пафос.

Он улыбнулся.

Мы посмотрели друг на друга почти одновременно.

Вот так, кажется, и начинаются опасные союзы: не с доверия и не с дружбы, а с момента, когда два существа видят друг в друге достаточно яда, чтобы решить — лучше направить его в одну сторону.

Я активировала закрытый канал.

Когда голограмма раскрылась над столом, Лиара появилась первой. Увидела меня, потом Саэриса, потом мою бледность.

— Ари, ты… Что ты сделала?

— Добрый вечер, Лиара.

— Не «добрый вечер» мне. У тебя вид, как у красивого трупа после дорогой церемонии.

— Уже союзник, — сказала я, кивнув на Саэриса.

Лиара медленно повернула взгляд к нему.

— А вы, видимо, причина.

Саэрис склонил голову.

— Полковник Вен, ваша капитан спасла мне жизнь. Но важнее другое: я дал ей слово. В вопросах её безопасности, власти во внутреннем дворе и защиты интересов Аэл'Тар я стою на её стороне. Не вместо вас — рядом с вами, если заслужу.

Лиара молчала несколько секунд.

— Начало неплохое. Всё равно ударить хочется.

— Это, кажется, семейная черта вашего экипажа.

— Привыкайте.

Лурин, едва появившись, вынес приговор одним взглядом: лежать, пить, есть, не использовать Визарь минимум сорок восемь часов.

Я пообещала.

Почти.

Он ответил, что слово «почти» убрано врачебным приказом.

Команда быстро перешла к делу. Саэрис предложил свою личную горную резиденцию — не клановую, не используемую несколько лет, с автономной связью, посадочной площадкой и подземными помещениями. Эрис спокойно уточнил детали. Сайр взял на проверку слуг. Кайрис уже мысленно обживал технические уровни, а Каэль объявил, что Саэрис ему нравится.

— Не поощряй, — сказал Дарис.

— Я элегантно выражаю стратегическое одобрение.

Перед отключением Лиара посмотрела на меня уже тише.

— Ты не одна. И не геройствуй ради нового союзника. Он симпатичный, но у нас лимит.

Саэрис приложил руку к груди.

— Польщён, что попал хотя бы в категорию симпатичных.

Канал погас, и в каюте снова стало тихо.

Саэрис сидел напротив и улыбался так, будто только что получил не доступ к самой опасной команде Аэл'Тар, а редкое развлечение после удачного ужина.

— Вы довольно выглядите, — сказала я.

— Я жив, получил союз с Императрицей, доступ к Безумным теням и возможность испортить жизнь тем, кто пытался меня убить. День складывается неожиданно хорошо.

— А утром вы почти умерли.

— Контраст усиливает удовольствие.

Он поднялся медленно. Слабость всё ещё держала его, но уже не ломала. У двери остановился.

— Отдыхайте, Ваше Величество. Дружба в Са'Рет — редкость, с ней осторожнее. Но союзы, пережившие кровь, иногда становятся чем-то упрямее.

Я усмехнулась.

— Идите отдыхать, лорд Эссайр. Вы начинаете говорить почти тепло. Это тревожит.

— Значит, яд всё ещё выходит.

Он ушёл, а я закрыла глаза, чувствуя, как цена дара наконец догнала полностью.

Саэрис был жив.

Союзник получен.

Команда получила будущий дом в горах.

А я — первый настоящий ход во дворце, куда ещё даже не прибыла.

Неплохое начало.

Две недели полёта закончились слишком быстро и слишком медленно одновременно.

Первые три дня после лечения я почти не вставала, а Лурин присылал такие сообщения, что однажды Саэрис, читая одно из них с моего разрешения, поднял брови и спросил:

— Ваш врач угрожает мне медицинским проклятием?

— Скорее профилактической расправой.

К десятому дню Саэрис восстановился почти полностью. Слух о том, что Императрица спасла лорда Эссайр, уже жил

в коридорах корабля — не в словах, а в паузах, взглядах и в том, как склонялись чуть ниже.

На годовщину я проснулась до рассветного цикла и долго лежала неподвижно, слушая корабль.

Никакой связи.

Никакого ответа.

Только Нокса, тяжёлая и тёплая у дивана, да кольцо Императрицы на пальце.

Я не плакала.

Не потому, что не хотелось.

Потому что одну слезу я уже оставила себе на день прибытия.

И этого должно было хватить.

На утро прибытия Саирис была уже близко. Корабль гудел глубже, шагов в коридорах прибавилось, воздух стал напряжённым, как перед боем. Нокса подняла голову одновременно со мной.

— Да, — сказала я. — Приехали.

Подготовка к посадке заняла два часа.

Когда служанки закончили, я встала перед зеркалом.

На меня смотрела Императрица Са'Рет.

Белое. Чёрное. Пурпурное. Серебряные змеи на ткани. Чёрное кольцо на большом пальце. Старшая шпилька с пурпурным камнем в раскрытой пасти. Лента с тонкими колокольчиками, мягко звенящая при каждом движении.

Величественно.

Чуждо.

Великолепно.

И почти невыносимо.

Потому что в зеркале за спиной вдруг вспыхнула память: Риас, просчитывающий опасности комнаты. Шарис, смеющийся у самого уха. Лиан, поправляющий прядь у моего виска с какой-нибудь ядовитой нежностью.

Я закрыла глаза.

Разрешила одной слезе скатиться по щеке.

Всего одной.

Она прошла по коже быстро, почти горячо, и исчезла.

Я вытерла след пальцем, подняла подбородок, проверила уши — высоко, спокойно, без дрожи. Хвост лёг ровно, белый мех скользнул по тёмной ткани. Колокольчики звякнули едва слышно.

Хорошо.

Пусть Са'Рет смотрит.

Саэрис пришёл за мной за полчаса до посадки и, остановившись на пороге, на целый вдох потерял фразу.

— Лорд Эссайр, — сказала я, — неужели саархский дипломат остался без слов?

Он склонил голову.

— Подбирал достаточно достойные. Не нашёл.

— Будем считать, что это комплимент.

— Было бы преступлением считать иначе.

Он развернул протокольный свиток: встречать будут

представители четырёх великих семей, императоров не будет, наложницы ждут во дворце Императрицы.

— Слух уже там? — спросила я.

Саэрис даже не уточнил, о каком слухе речь.

— В общих чертах. Капитан Варейн слишком дисциплинирован, чтобы говорить, но его молчание оказалось достаточно громким.

— Прекрасно. Значит, они встретят не просто чужачку.

— Они встретят вопрос, на который пока не знают ответа.

Корабль дрогнул и замер.

За дверями загудели механизмы, зашуршала ткань, далёкий звук раскрывающегося трапа пополз по коридору.

Саэрис встал слева и чуть позади.

Нокса прижалась к правой ноге.

— Помните: никто не должен видеть, что мы уже договорились, — тихо сказал он.

— Если вы вдруг начнёте улыбаться мне слишком довольно, я решу, что яд повредил вам осторожность.

— Я постараюсь выглядеть умеренно полезным.

— И ещё: если кто-то из встречающих попытается меня укусить словами, не мешайте.

— Даже если я могу ответить быстрее?

— Особенно тогда.

Он улыбнулся почти незаметно.

— Как прикажете, Императрица.

Трап опустился, и снаружи ударил воздух Саириса — тёп-

лый, влажный после недавнего дождя, насыщенный незнакомыми цветами и чем-то пряным, горьковатым.

Голос церемониймейстера поднялся над платформой, глубокий и безупречный:

— Прибыла Её Величество Императрица Ариэль Саэ'Вар, старшая дочь правящей стаи Аэл'Тар, признанная супруга императорского клана, хозяйка внутреннего дворца и Императрица Са'Рет.

Саэ'Вар.

Фамилия легла на меня чужим клинком.

Где-то глубоко, под белой пустотой, что-то дрогнуло — просто новое имя коснулось старого шрама.

Нокса тихо зарычала у моей ноги.

Я положила пальцы ей на холку.

— Идём, маленькая тень, — сказала я едва слышно.

Я шагнула в свою клетку.

И колокольчики в моих волосах звякнули так мягко, будто смеялись первыми.

Глава 5

Ариэль

Я спускалась по трапу медленно.

И вовсе не потому, что саархатский наряд мешал — хотя он, конечно, пытался. Широкие рукава, длинные слои ткани, тяжёлый пояс и пурпурные складки под чёрным верхним полотном требовали двигаться так, будто я родилась в этих залах и с детства училась не цеплять рукавами чужие политические амбиции.

Я пока только училась.

Но схватывала быстро.

Шаг — и колокольчики на ленте отзывались тихим звоном. Ещё шаг — и Нокса рядом переступала лапами с тем выражением морды, с которым можно было смело входить в чужую систему, чужой дворец и чужое змеиное логово.

Внизу ждали великие семьи.

Четверо впереди — не просто знать, не просто придворные, а четыре опоры Са'Рет и одновременно четыре потенциальные трещины под троном. Я знала их по досье, портретам, политическим сводкам и долгим беседам с Саэрисом, который рассказывал о верхнем круге так, будто описывал не кланы, а разные виды оружия.

Первым стоял Орайс Миршаэль, канцлер Са'Рет. Очень высокий, сухой и почти ритуально неподвижный, с белы-

ми, как старая кость, волосами и тёмно-лиловыми глазами, в которых не было ни капли тепла. В его лице было что-то неестественно застывшее — древний закон, которому однажды выдали тело, голос и право решать, какой документ попадёт на стол императоров первым, а какой утонет в чиновничьем болоте.

Он не выглядел злым.

Он выглядел уверенным, что сама традиция стоит за его спиной.

Рядом с ним — Лиарес Эссайр, правый премьер-министр, глава дома внешней политики, торговли, договоров и тех красивых финансовых цепей, которыми можно придушить мягче, чем клинком. Высокий, элегантный, с волосами глубокого тёмно-винного оттенка и золотисто-красными глазами. Он улыбался почти приятно, но в этой улыбке чувствовались расчёт, выгода и привычка выслушивать каждую сторону, чтобы выбрать не правую, а наиболее полезную.

Он походил на Саэриса манерой держаться — той же плавностью и тихой дорогой красотой. Только Саэрис после отравления стал жёстче и точнее, а в Лиаресе ещё жила уверенность существа, привыкшего торговаться с целыми домами и никогда не приходить к столу без второго выхода.

Слева стоял Вессар Сейнари, левый премьер-министр. Высокий, вытянутый, пугающе собранный, с белыми волосами холодного серебряного отлива и ярко-зелёными глазами. Лицо красивое, почти безупречное, но от этой безупреч-

ности по коже хотелось провести когтями — проверить, настоящая ли она. Вессар выглядел не живым теплом власти, а выверенной системой: закон, воспитание, чиновничьи назначения, идеология, будущие поколения служилых родов.

Не удар сейчас.

Удушение через десять лет, когда рядом с противником внезапно не окажется ни одного нужного союзника.

И четвёртый — Тайсар Вартейр, адмирал первого ранга. Он сразу отличался от остальных: около двух с половиной метров роста, крупный, мощный, тяжёлый, с тёмно-стальными волосами и ярко-медными глазами. Через левую бровь и висок шёл шрам, не уродовавший лицо, а делавший его ещё суровее.

Он не улыбался, не изображал придворную вежливость поверх скрытой интриги. Стоял как военная башня. Как осадная машина в гуманоидной форме. Как тот, кто не спрашивает, красиво ли выглядит приказ, если он должен быть выполнен.

Вот он понравился мне больше остальных.

Честные угрозы раздражают меньше, чем улыбающиеся.

Я сошла с последней ступени на чёрную гладкую платформу, влажную после недавнего дождя. Вода тонкими линиями стекала по резным каналам вдоль посадочной площадки. Где-то за рядами воинов звучали скрытые механизмы, шуршал шёлк, звенели украшения, едва заметно скрипели кожаные крепления на броне.

Сотни взглядов.

И каждый ждал, на чём я ошибусь.

Саэрис шёл слева и чуть позади, идеально выдерживая дистанцию. Так, будто между нами не было крови, клятвы и тайны, способной сжечь половину этой платформы. Очень умный Эссайр.

Орайс Миршаэль склонился первым — ровно настолько, насколько требовал мой титул.

— Ваше Величество Императрица Ариэль Саэ'Вар. Са'Рет приветствует вас на Саирисе.

Саэ'Вар.

Фамилия снова легла на слух чужим клинком. Не больно — нет, больно было бы проще. Просто глубоко, по старому шраму, где когда-то были другие имена: Риас, Шарис, Лиан.

Я не позволила ни ушам, ни хвосту дрогнуть.

— Ваша Светлость, — ответила я на чистом саархатском. — Благодарю Са'Рет за встречу.

Короткая пауза между вдохом и выдохом канцлера была едва заметной.

Не ожидал.

Хорошо.

Первый камень на доске лёг туда, куда нужно.

Лиарес Эссайр мягко улыбнулся.

— Ваш саархатский безупречен, Ваше Величество. Признаюсь, многие ожидали, что первые недели вам понадобится переводчик.

— Надеюсь, это не разрушило ничьих планов, Ваша Светлость.

Его улыбка стала тоньше.

— Напротив. Это делает знакомство интереснее.

— Тогда нам уже повезло. В дороге меня уверяли, что Са'Рет ценит интересные сложности.

Саэрис за моей спиной не издал ни звука, но я почти услышала, как ему понравилось.

Вессар Сейнари смотрел мне в глаза — оценивающе, холодно.

— Подготовка к чужой культуре достойна уважения, Ваше Величество. Однако внутренний двор Са'Рет устроен сложнее любого текста. Традиции здесь не просто изучают. В них входят годами.

— Тогда мне повезло, что я не собираюсь изображать рождённую внутри ваших традиций, Ваша Светлость. Я собираюсь ими управлять в пределах своей власти.

У одного из младших церемониймейстеров в третьем ряду сбилось дыхание. Не от страха — от неожиданности. А вот Вессар улыбнулся едва заметно, и в его зелёных глазах появилось что-то острое.

Запомнил.

Пусть.

Тайсар Вартейр наконец перевёл взгляд с Ноксы на меня.

— Ваш спутник не декоративный.

Голос у него был низкий, тяжёлый, без придворной глад-

кости. За это я почти зауважала его окончательно.

— Нет.

— Во внутреннем дворце боевому зверю будет тесно.

Нокса подняла голову медленно, но медные глаза Вартейра не дрогнули.

— Значит, внутреннему дворцу придётся стать шире.

Впервые за всю встречу лицо адмирала изменилось. Не улыбка — у Вартейра улыбки, кажется, требовали отдельного военного приказа, — но угол рта едва заметно дёрнулся.

— Хороший ответ.

— Я старалась не разочаровать военную опору Са'Рет в первые минуты.

— Не разочаровали.

Прямо. Почти грубо для дворцовой среды.

Особенно ценно.

Орайс Миршаэль не оставил это без внимания.

— Их Величества поручили нам сопроводить вас во дворец Императрицы. Государственные дела и ситуация на границе не позволили им присутствовать лично.

Вот оно.

Отсутствие императоров.

Проверка была простой: обижусь, дрогну, покажу досаду, потребую объяснений, позволю им всем почувствовать, что моё положение зависит от мужского внимания.

Я позволила колокольчикам звякнуть, чуть повернув голову.

— Граница важнее церемоний. Особенно теперь.

— Вы не сочли это неуважением?

Прямо.

Интересно.

Старый змей решил не обходить вокруг.

— Ваша Светлость, если бы мне требовалось присутствие императоров, чтобы помнить собственный титул, Са'Рет следовало бы тревожиться о выборе Императрицы. Но я прибыла не за утешением.

Тишина легла на платформу холодной водой.

Тайсар Вартейр смотрел уже совсем иначе. Вессар Сейнари чуть сузил глаза. Лиарес Эссайр почти улыбался, а Орайс Миршаэль задержал на мне взгляд дольше, чем позволяла протокольная любезность.

— Са'Рет ценит тех, кто умеет держать удар.

— Тогда мы начнём знакомство с взаимного удовольствия.

Из рядов придворных никто не шевельнулся, но я услышала, как где-то справа один из слуг слишком быстро выдохнул и тут же задержал дыхание. Уже считают. Уже передают взглядами. Уже примеряют, где во мне слабое место.

Са'Рет не проиграла первый обмен.

Са'Рет начала записывать.

Саэрис тихо произнёс:

— Дворец Императрицы готов принять Её Величество.

И этим поставил точку.

Хорошо. Нужно будет потом похвалить. Не слишком явно, а то привыкнет.

Меня повели к закрытому переходу, и это была не просто галерея. Са'Рет вообще, кажется, не создавала ничего «просто».

Широкая крытая арка уходила вперёд под тёмным стеклянным куполом. По обеим сторонам текли глубокие узкие каналы с почти чёрной водой, отражавшей пурпурные лампы и фигуры тех, кто шёл рядом со мной. За прозрачными защитными стенами мелькали закрытые сады с бамбуком, белыми цветами и каменными фонарями. Где-то вдалеке звучал струнный инструмент — очень тихо, почти неуловимо, — и его ноты смешивались с шумом воды и звоном моих колокольчиков.

Я слушала каждый звук, каждый сбой и каждую паузу.

Эларийский слух в чужом дворце был лучшим подарком, чем все регалии Са'Рет вместе взятые. Я не чувствовала запахи, как саархи, и не могла читать воздух их внутренним змеем, но слышала, когда за ширмой задерживали дыхание и когда невидимый наблюдатель переставал быть просто частью стены.

Нокса тоже слушала и временами тихо поворачивала голову туда, где я отмечала скрытые точки наблюдения.

Умница.

Дворец Императрицы открылся за последней аркой, и на несколько вдохов я действительно остановилась.

Он стоял среди воды — ниже главного дворца, но шире, глубже и скрытнее. Не давил высотой, а затягивал пространством. Павильоны соединялись крытыми галереями и мостами, тёмные изогнутые крыши с золотыми краями поднимались над прудами, как крылья огромных змей, и повсюду звучала вода — успокаивающе и одновременно настораживающе.

Красивый дворец.

Очень.

Роскошная клетка редко выглядит плохо, иначе в неё никто не вошёл бы добровольно.

Саэрис остановился перед дверями главного приёмного зала. Дальше он не имел права идти — внутренний дворец, женский круг, саархские правила, которые я уже собиралась ненавидеть из чисто практических соображений.

— Здесь я должен оставить вас, — сказал он. — Да пребудет ваша власть крепкой, Императрица.

— А ваша осторожность живой, лорд Эссайр.

На миг в его глазах вспыхнуло понимание: мы оба знали, что внутри меня встретит не просто гарем, а первая мягкая пасть дворца.

Двери открылись.

Голос церемониймейстера разнёсся по залу, провозглашая мой полный титул.

Я вошла, и зал склонился.

Шёлк зашуршал, как волна. Десять наложниц, служанки,

прислужницы — все опустились в поклоне.

— Да здравствует Её Величество Императрица, — произнесли наложницы ровными, красивыми, послушными голосами.

А под этой красотой колыхалось целое поле чужих ритмов: сердца, страхи, ненависть, злость, облегчение, расчёт и надежда.

Я не касалась их глубоко.

Пока только слушала.

Приёмный зал был огромным и тёмно-роскошным, с высокими колоннами из чёрного дерева, оплетёнными золотыми змеями, и пурпурными полотнищами, спускавшимися между ними. Полированный каменный пол отражал свет так чисто, будто я шла по тёмной воде, а в дальней части зала на возвышении стоял трон Императрицы — чёрный, золотой, с резными змеями и цветами.

Он не просил признания.

Он требовал его.

Я поднялась на возвышение.

Повернулась к залу.

И села.

На миг в груди неприятно сжалось. Не от страха. От понимания: вот она, точка, где чужой титул стал не словом в протоколе, а телом подо мной. Трон, гарем, имя Саэ'Вар, колокольчики, десять женщин внизу и трое императоров, которых не было рядом.

Пустота старой связи шевельнулась тихо и зло.

Я положила ладонь на подлокотник.

Холодная золотая змеиная голова под пальцами вернула меня в зал.

Хорошо.

Болеть будем позже.

Ткань разлеглась вокруг белыми, чёрными и пурпурными волнами, колокольчики звякнули у плеча, а Нокса поднялась следом, обошла трон один раз и легла у моих ног, положив морду на лапы так, чтобы видеть всех сразу.

Вот теперь стало правильно.

— Вы можете подняться, — сказала я.

Шёлк зашуршал снова.

Гарем Саэ'Вар смотрел на меня — десять женщин, десять красивых ножей в разных ножнах.

Сайрита Миршаэль стояла первой: императорская благородная наложница, старшая дочь дома Миршаэль. Белые волосы, холодные лиловые глаза, дымчато-лиловая одежда с серебряными узорами дома. Она выглядела как продолжение Орайса Миршаэль внутри гарема: традиция, гордость и ненависть, оформленная в идеальную осанку. Она даже не посмотрела вниз, на Ноксу, — слишком гордая, чтобы признать угрозу у своих ног.

Вейлис Сейнари, императорская наложница с серебристыми волосами и ярко-зелёными глазами, напротив, посмотрела на зверя внимательно и, кажется, запомнила, с ка-

кой стороны у виррены сильнее поставлена лапа. В ней самой было нечто почти стерильное — красивый эксперимент, доведённый до совершенства.

Аэрис Эссайр стояла чуть мягче, с тёмно-рыжими волосами и золотистыми глазами, дорогой выверенной красотой и движениями плавными, почти гипнотическими. Она не строила ледяную стену — она грела. Ласково и опасно, как ткань, в которую завернули тонкий клинок.

Остальных я отметила быстрее.

Таэлира Вейран — породистая сухая красота, этикет как судебная ловушка.

Лианара — светлая, утончённая, с быстрым взглядом той, кто ищет, к кому выгоднее прислониться.

Эсмира нервничала пальцами, не лицом.

Нэйрис почти сливалась с линией остальных — тихая, осторожная, умеющая быть незаметной.

Мейрана Ол'Вир держалась теплее, мягче, и слушала не только меня, но и соседок.

Риэнна Даш'Тар смотрела не на трон, а на двери, окна, охрану и Ноксу.

Селайна Вар'Лиор стояла последней — слишком кроткая красота для такого места. А значит, тоже инструмент. Просто пока непонятно, в чьих руках и насколько глубоко сломан.

Я позволила Визарю подняться тонко, не в сознание — слишком рискованно в первом же зале чужого дворца, —

а только по поверхности тел. Пульс, дыхание, микроспазмы пальцев, напряжение в горле, слишком быстрые удары сердца.

Эларийский слух и Визарь вместе давали достаточно, чтобы понять, где ненависть, где страх, где расчёт, а где надежда, которую её хозяйка сама боялась признать.

Сайрита — ненависть, холодная и системная, уже готовый план.

Вейлис — ненависть и интерес, желание изучить меня, разобрать, понять, где открыть.

Аэрис — обида, раненое самолюбие и что-то ещё под золотистой мягкостью: не только злость, но и осторожный азарт.

Таэлира — холодное присматривание.

Лианара — расчёт.

Эсмира и Нэйрис — страх.

А вот Мейрана, Риэнна и Селайна — облегчение, смешанное с настороженностью. У Селайны и вовсе почти благоговение перед возможностью, что кто-то наконец нарушит правила, в которых она задыхалась.

Интересно.

Очень интересно.

И опасно — потому что надежда во дворце иногда кусает не хуже ненависти, если её вовремя не приручить.

— Сегодня я впервые вхожу во внутренний дворец Са'Рет, — начала я. — Я понимаю, что моё прибытие изменило при-

вычный порядок. Для одних оно стало неожиданностью, для других — неудобством, для отдельных — угрозой. Но я пришла не разрушать ради разрушения. Императорский клан должен быть защищён, внутренний двор — упорядочен, гарем — стабилен, а союз Са'Рет и Аэл'Тар должен работать не только на внешней границе, но и здесь, где одно неверное слово за чайным столом может стать началом большого пожара.

Слова кислым привкусом легли на язык.

Мир, согласие, благополучие императорского клана.

Как можно было держать столько женщин в одном дворце и ожидать чего-то кроме медленно вызревающей бури? Как можно было назвать порядком систему, где каждая улыбка считала ранги, а внимание незнакомых мне императоров превращалось в приз?

Хорошо, что я не собиралась бороться за это внимание.

Иначе от подобной картины меня начало бы тошнить уже сейчас.

— Вы представитесь по рангам, — сказала я. — Начнём со старшей.

Сайрита шагнула первой с безупречным поклоном.

— Сайрита Миршаэль, Императорская благородная наложница, дочь великого дома Миршаэль. Для меня честь приветствовать Императрицу Са'Рет во внутреннем дворце.

— Я знаю ваш дом, Сайрита Миршаэль. Канцлер Орайс встретил меня на платформе.

Её ресницы дрогнули.

— Мой дом всегда служил Змеиному Трону.

— Тогда вам будет легко служить его Императрице.

Тонкий удар попал ровно, и ненависть внутри неё стала плотнее.

Вейлис выступила второй, предложила помощь в вопросах адаптации и здоровья. Голос спокойный, почтительный, руки сложены идеально. Открыть моё тело как архив она хотела уже сейчас.

Я улыбнулась.

— Вопросы моего здоровья находятся под моим личным контролем.

Она поняла.

Аэрис поклонилась мягче, заговорила о равновесии и союзе.

— Равновесие редко приходит само, — сказала я. — Обычно кто-то долго держит чашу так, чтобы остальные не заметили перекоса.

Её золотистые глаза потемнели, но улыбка осталась. Хорошая. Не разбилась от первого касания.

Дальше представление покатилось своим чередом. Таэлира Вейран предложила юридическую поддержку. Лианара — помощь в мягком вхождении в дворцовые обычаи. Эсмира и Нэйрис старались не привлекать внимания, и я позволила им это. Мейрана упомянула посольские традиции, и я отметила, что умение понимать чужие обычаи часто спасает от

ненужной крови. Риэнна, связанная с военными инженерами, услышала от меня, что знание цены дверям, которые открываются слишком легко, — полезное знание.

Селайна говорила последней. Почти робко.

Но внутри неё звенело облегчение.

Я не стала давить.

Когда представление закончилось, Сайрита заговорила первой.

Конечно.

— Ваше Величество, внутренний дворец многие годы существовал без Императрицы. Мы все старались поддерживать порядок в ожидании достойной хозяйки.

Как красиво.

«Мы справлялись без вас. Посмотрим, справитесь ли вы с нами».

Я положила ладонь на подлокотник трона, чувствуя холод золотой змеиной головы.

— Значит, мне будет приятно увидеть, в каком состоянии вы сохранили доверенную вам часть дворца.

Вейлис мягко вступила:

— Резкие изменения могут нарушить равновесие, Ваше Величество. Внутренний дворец держится не только на приказах, но и на привычках, которые складывались годами.

— Равновесие, которое боится проверки, обычно держится на чужом молчании.

Таэлира Вейран чуть склонила голову.

— Во дворце молчание часто является формой уважения.

— А иногда формой страха. Я предпочитаю различать.

В этот раз ответить ей было нечем, но это не значило, что она проиграла. Она просто отступила на полшага, сохранив выражение лица таким правильным, что придраться было не к чему.

Вот это уже было лучше.

Са'Рет умела не только кусать.

Са'Рет умела не подставлять горло.

Аэрис улыбнулась — слишком мягко, слишком ласково.

— Ваше Величество, вы так уверенно говорите о власти. Это достойно уважения. Но во внутреннем дворце власть иногда строится не на печати. На внимании. На привычках. На том, чьё имя произносится чаще. На том, кого помнят без приказа. Женщину, которую не выбирают, дворец очень быстро учится не слышать.

Вот он.

Первый настоящий укус.

Не грубый, не прямой. Точный. Под кожу.

Отсутствие императоров. Их молчание. Чужой трон подо мной. Старая пустота там, где когда-то были трое других.

Колокольчики звякнули у виска — едва-едва, потому что я чуть повернула голову.

Спасибо за напоминание, Аэрис Эссайр.

Я медленно перевела на неё взгляд.

— Тогда дворцу придётся научиться новой привычке.

Она не опустила глаза.

— Какой же?

— Слышать меня без разрешения императоров.

Зал стал тише.

Не ледяным — внимательным.

Аэрис всё ещё улыбалась, но улыбка стала осторожнее.

— Разумное желание для Императрицы.

— Не желание. Порядок.

Я не стала бить её по постели, по памяти, по ночам и по тому, чем именно она привыкла измерять свою ценность. Слишком легко. Слишком лично. Слишком быстро превратило бы её в раненого врага, который кусает не по расчёту, а по обиде.

Аэрис была полезнее опасной.

Пока.

— Я не запрещаю вам дорожить тем, что для вас важно, — продолжила я. — Но личная близость, привычка, благосклонность или память о чьём-то имени не равны власти Императрицы. Наложница может быть любимой, беременной, происходить из первого ранга, иметь поддержку канцлера, министра, адмирала или торгового дома. В этом зале она всё равно ниже трона, на котором я сейчас сижу.

Аэрис склонилась медленно.

— Я поняла, Ваше Величество.

— Надеюсь.

Сайрита наблюдала за этим с холодным удовлетворением,

Вейлис — с исследовательским интересом. Несколько младших наложниц побледнели. Селайна, кажется, перестала дышать на два удара сердца.

Я решила, что хватит.

— Я не приехала сюда участвовать в ваших старых играх за внимание императоров, — сказала я. — Меня не интересует, кто из вас считает себя любимее, достойнее, старше, красивее или полезнее. Но меня очень интересует порядок.

Нокса у моих ног подняла голову.

— Безопасность. Пища. Лекари. Доступ к покоям. Слуги. Письма. Подарки. Слухи. Попытки говорить от имени Императорского клана без права. Попытки унижать друг друга публично, чтобы проверить, вмешаюсь ли я. Попытки использовать мой статус как удобную ширму для чужой интриги. Вот это всё — теперь моё.

Сайрита подняла подбородок.

— Ваше Величество говорит резко для первого дня.

— А вы предпочли бы, чтобы я говорила мягко и потом наказывала без предупреждения?

Тишина.

Я позволила ей продлиться на вдох.

— Я могу и так.

Вейлис попробовала смягчить поле:

— У каждой здесь есть дом, статус и долги. Иногда резкость может быть воспринята не как порядок, а как вызов.

— Я предпочитаю, когда со мной говорят напрямую, а по-

литику приносят в открытую. Вызов, скрытый под заботой, всё равно остаётся вызовом. Только пахнет хуже.

Сайрита чуть сузила глаза.

— Вы хотите лишить гарем его веса?

— Нет. Я хочу, чтобы его вес не падал мне на ноги без моего разрешения.

Аэрис опустила ресницы, но я слышала её дыхание: ровное, собранное. Она уже перестраивалась. Хорошо. Опасная не та, что обиделась. Опасная та, что сделала выводы.

— Тогда начнём с простого, — сказала я. — Это не наказание, а первичная проверка. Пока я не знаю, какие руки готовят мою пищу, кто несёт мои письма и через чьи долги проходят ваши служанки, дворец будет жить в режиме закрытого допуска.

В зале что-то изменилось.

Не лица.

Ритмы.

Кто-то испугался. Кто-то разозлился. Кто-то впервые поверил, что я действительно начну с корней, а не с украшений.

— До моего отдельного распоряжения никто из гарема не входит в центральный павильон дворца Императрицы, не меняет состав служанок, не отправляет мне пищу, настои, лекарства, ткани или украшения без проверки моего штата, не принимает гостей от моего имени и не использует мой титул в переписке.

Сайрита снова заговорила, и на этот раз её голос стал хо-

лоднее:

— Ваш штат, Ваше Величество, ещё не утверждён.

— Именно поэтому я утвержу его сегодня.

У старшей служанки у колонны едва заметно опустились ресницы.

Не понравилось.

Превосходно.

— Вы можете быть уверены, — продолжила я, — я пришла не отнимать у вас воздух. Если вы не будете проверять мои границы, я не стану ломать ваши без необходимости. Я хочу мира во внутреннем дворце и готова ценить тех, кто поможет его сохранить.

Мейрана подняла взгляд.

Риэнна тоже.

Селайна совсем тихо выдохнула.

А потом я позволила голосу стать мягче.

И опаснее.

— Но если кто-то решит, что моё желание мира — слабость, то я разочарую. Не стоит трогать мою безопасность, мой статус, мои письма, моё питание, моих лекарей, моё имя в документах и тех, кто входит в мою защиту. Если вы останетесь в рамках, всё будет спокойно. Если нет…

Я провела пальцами по голове Ноксы, и она поднялась — медленно, чёрная, сильная, до ужаса уместная у подножия трона.

— …тогда наказание будет не личной обидой Импера-

трицы, а решением внутреннего трона. За яд, подмену лекарств, вмешательство в охрану, использование моего титула без права, угрозу моим слугам или попытку подставить дворец Императрицы под удар отвечать будут не улыбкой и не поклоном. А решения трона, как мне объяснили, в Са'Рет принято оформлять красиво. Я прослежу, чтобы виновные запомнили красоту закона.

Зал застыл.

Побледнели почти все. Даже Сайрита — не сильно, но её лицо стало холоднее. Вейлис смотрела слишком внимательно. Аэрис больше не улыбалась. Мейрана, Риэнна и Селайна смотрели так, будто впервые увидели не чужую Императрицу, а возможный выход.

Именно это было самым опасным.

Враги понятны.

Надежда — нет.

— Вы свободны, — сказала я.

Шёлк зашуршал, поклоны стали ниже, чем в начале.

Наложницы покидали зал по рангам. Сайрита уходила первой — с прямой спиной и ненавистью, которую уже превращала в план. Вейлис — слишком заинтересованная. Аэрис — с задетой гордостью под дорогими тканями, но без слепой обиды. Таэлира и Лианара — осторожно. Эсмира и Нэйрис — почти с облегчением. Мейрана задержала взгляд на мне на вдох дольше. Риэнна посмотрела на Ноксу и едва заметно кивнула. Селайна уходила последней и дрожала не

только от страха.

Когда двери закрылись, зал стал больше и тише.

Но ненамного безопаснее.

Я перевела взгляд на старшую служанку, стоявшую у колонны с лицом, на котором было написано ровно ничего.

Слишком ровно.

— Старшая служанка.

Она поклонилась, и голос её прозвучал правильно, почтительно, хотя сердце билось слишком быстро.

— Ваше Величество.

— Соберите всех слуг дворца Императрицы. Всех рангов. Сейчас.

На её лице почти ничего не изменилось.

Почти.

Уголок губ едва заметно дёрнулся вниз, выдавая недовольство, презрение и уверенность, что чужая Императрица не понимает, как устроен служебный штат внутреннего дворца.

Милая ошибка.

— Ваше Величество, полный сбор штата обычно проводится после согласования со старшими распорядительницами павильонов, хранительницами внутренних ключей и старшими наложницами, чьи служанки пересекают общие зоны. Так будет правильнее и позволит не нарушить порядок, установленный до вашего прибытия.

Вот оно.

Не отказ.

Стена, обитая бархатом.

Я чуть наклонила голову.

— До моего прибытия этот порядок существовал без Императрицы.

— Да, Ваше Величество.

— Теперь она здесь.

Служанка склонилась ниже.

— Разумеется. Я лишь хотела уберечь вас от поспешного решения, которое дворец может понять неверно.

— Дворец поймёт то, что я прикажу ему понять.

Она молчала.

Я улыбнулась.

— Правильнее для кого?

Служанка подняла глаза на долю вдоха и тут же опустила.

— Для порядка, Ваше Величество.

— Порядок только что вошёл в зал и сел на трон. Соберите штат. Сейчас.

Нокса у трона показала зубы — совсем чуть-чуть.

Старшая служанка поклонилась ниже.

— Как прикажете, Ваше Величество.

Она вышла.

Но перед тем как двери закрылись, я услышала быстрый, почти неслышный шёпот одной из младших служанок в боковой галерее и ответный звук браслета-сигнала. Информация уже пошла дальше. К распорядительницам. К наложни-

цам. Возможно, к тем, кто считал этот дворец своим задолго до моего появления.

Хорошо.

Пусть собираются.

Я смотрела вслед старшей служанке, пока двери не закрылись. Потом опустила взгляд на Ноксу, и виррена подняла голову, глядя на меня ярко-синими глазами.

— Ну что, маленькая тень, день предстоит долгий.

Нокса фыркнула.

Колокольчики в моих волосах звякнули, и в пустом приёмном зале этот звук вдруг стал похож не на украшение, а на предупреждение.

Глава 6

Ариэль

Слуги собирались быстро.

Слишком быстро для тех, кого якобы «неожиданно» вызвали в главный приёмный зал дворца Императрицы.

Значит, ждали.

Я сидела на троне и слушала, как за дверями нарастает шорох: шаги, шёпот тканей, сдержанные вдохи и тихие распоряжения, в которых уже слышалась нервозность. Не паника — нет. Дворец Са'Рет был слишком хорошо выдрессирован для паники в первый же час. Но страх уже пошёл по служебным коридорам тонкой водой, просачиваясь под двери, в рукава, в браслеты связи, в чужие мысли.

Нокса лежала у моих ног и, кажется, наслаждалась происходящим куда больше меня. Чёрная морда покоилась на лапах, синие глаза следили за дверями, а уши иногда едва заметно шевелились, улавливая то же, что слышала я: слишком тяжёлое дыхание тех, кто уже успел понять, что новый порядок начался не с подарков, чая и мягких улыбок.

А с чистки.

У меня начинала ныть голова.

Пока не сильно. Только тонкая боль за левым виском, будто кто-то натянул под кожей металлическую нить. Белые уши дрогнули, и я заставила их снова встать ровно. Хвост лежал

вдоль трона спокойной белой линией, тело держалось прекрасно, спина оставалась прямой, пальцы расслабленно покоились на подлокотнике, дыхание было медленным.

Снаружи — Императрица.

Внутри — тихое, очень неприличное желание сбежать в ближайшую тёмную комнату, снять тяжёлые шпильки, выругаться в подушку и заставить кого-нибудь принести мне нормальную еду вместо изысканных саархских блюд, в которых каждый соус выглядел как потенциальная политическая интрига.

Но сначала — слуги.

Потому что во внутреннем дворце Са'Рет власть держалась не только на троне. Она держалась на тех, кто приносил чай. Кто касался твоих волос. Кто выбирал ткань для утра. Кто видел, насколько крепко ты спала. Кто мог подменить чашу, задержать письмо, пустить слух или спрятать запрещённый состав в благовонии.

Слуга, допущенный близко, был оружием.

А я не собиралась терпеть, если моё оружие будет принадлежать Сайрите Миршаэль.

Двери раскрылись.

Первой вошла старшая служанка — высокая саархатка с тёмными волосами, уложенными в строгую причёску, тонкими чертами и холодным, хорошо вымуштрованным лицом. Её одежда была безупречной: тёмная, строгая, с поясом старшей служанки и связкой малых ключей внутреннего допус-

ка. Двигалась она красиво и уверенно. Слишком уверенно для той, кому только что приказали собрать штат.

На первый взгляд — идеальная опора распорядка.

На второй — чья-то рука на моём горле.

Она не просто вошла первой. Она вела за собой дворец так, будто сама решала, кого можно приблизить ко мне, а кого оставить в тени. Даже воздух вокруг неё был выстроен: шаг, пауза, поклон, взгляд вниз. Не покорность — демонстрация обученной власти, спрятанной в служебной форме.

За ней вошли две помощницы, такие же выверенные, тихие и уверенные, что их положение пережило отсутствие Императрицы, смену власти, переворот и теперь переживёт меня тоже.

Посмотрим.

Следом потянулись остальные.

Старшие по личному и внутреннему допуску. Управляющие покоями. Те, кто мог контролировать гардероб, чай, расписание, купальни и подготовку церемоний. Служанки одежды и внутреннего стола. Младшие порученцы, слуги коридоров, совсем юные девушки третьего ранга, державшиеся теснее друг к другу.

Семьдесят три.

Не считая внешних кухонь, садовников и складских работников.

Семьдесят три пары рук.

Семьдесят три возможных ножа.

Семьдесят три маленьких входа в мою жизнь.

Старшая служанка остановилась впереди и поклонилась низко. Все остальные опустились следом.

— Ваше Величество, по вашему приказу собран внутренний штат дворца Императрицы.

Голос правильный. Поклон правильный. Ни единой складки лишнего чувства.

Какая прелесть.

— Доклад, — сказала я.

Она поднялась ровно на ту высоту, что позволяла говорить, оставаясь почтительной.

И начала перечислять.

Не просто чины и обязанности. Нет. Шаирна — её имя я уже вытащила из служебных таблиц Саэриса — говорила так, будто расставляла вокруг меня невидимые стены. «Личный допуск Императрицы» звучал у неё не как обязанность, а как право. «Внутренний стол» — как территория старой цепи. «Старшие распорядительницы павильонов» — как те, без кого я, разумеется, не должна сделать ни одного настоящего шага.

Она не докладывала.

Она показывала, что дворец уже устроен.

И что я вошла в него слишком поздно, чтобы что-то менять без её разрешения.

Милая.

Очень милая ошибка.

Я слушала не столько слова, сколько то, как она ставит себя. Как две её помощницы даже не вздрагивают при слове «пища». Как в первом ряду слуги держат лица ровно, но пальцы у троих чуть сильнее сжимают ткань рукавов. Как среди младшего ранга несколько сердец уже бьются панически, хотя я ещё ничего не сделала.

Я не лезла в сознания глубоко.

Не в первый день. Не в чужом дворце. И не после Саэриса, когда дар и так смотрел на меня изнутри с выражением Лурина перед скандалом.

Сначала — слух, пульс, дыхание, микроспазмы пальцев, дрожь в горле, ритм крови. Визарь давал тело, слух давал пространство, а ментальный дар я приберегла для тех, кто действительно стоил риска. Я касалась только поверхности, цепляла эмоциональные следы, обрывки намерений, узнаваемые печати домов и привычные маршруты лжи.

Как игла сквозь шёлк.

Тонко.

Почти незаметно.

Очень умно, Ариэль.

Почти так же умно, как лечить запрещённый саархский яд в одиночку.

Лурин бы орал.

И я почти скучала по этому.

Шаирна принадлежала Миршаэль не просто долгом или страхом. Целиком. Безоговорочно. В её мыслях Сайрита уже

должна была сидеть на этом троне. Сайрита была правильной, своей, воспитанной внутри традиции. Сайрита не привела бы в зал дикого зверя и не начала бы с приказов, не согласованных со старой служебной цепью.

Две помощницы — туда же. Одна через родственные долги, вторая через обещанное возвышение, когда «чужая Императрица» сломается.

Очаровательно.

Первый ранг оказался сложнее и полезнее. Большинство — не мои, но и не полностью чужие. Они служили не мне, не Шаирне, не Сайрите и не великим семьям напрямую, а приказу императорского клана. Они не любили меня и не доверяли мне, но признавали титул как продолжение власти Саэ'Вар.

Не тепло.

Зато пригодно.

Во втором ранге грязи было больше: несколько нитей Миршаэль, несколько Сейнари, ожидаемо близко к пищевым и лекарственным маршрутам. Один наблюдатель Вартейр — не столько шпион, сколько военный глаз. Один осторожный Эссайр, собирающий информацию для Лиареса, но не враждебный.

Этих двоих можно оставить.

Полностью чистый дворец — красивая сказка для глупых правителей. Умные дома всё равно найдут новые уши. Так пусть слушают через тех, кого я уже вижу.

В третьем ранге нашлось больше страха, чем предательства. Мелкие слухи, чужие долги, детская паника, две личные линии наложниц, несколько совсем плохо обученных передатчиков расписаний. Одних — убрать. Других — оставить дрожать и думать. Третьих — однажды можно будет повернуть.

Голова заболела сильнее.

Резко.

За левым виском нить натянулась так, что свет на золотых змеях стал слишком ярким, а зал — слишком большим. Чужие ритмы сделались липкими и шумными, но я медленно вдохнула, опустила ладонь на затылок Ноксы, будто просто погладила, а на самом деле удержалась за тепло живой шерсти.

Пока сидим на троне.

Пока лицо спокойно.

Пока никто не видит, что у Императрицы вот-вот начнётся откат.

— Достаточно, — сказала я.

Шаирна замолчала.

Я поднялась не резко, а медленно — так, чтобы ткань легла правильно, колокольчики звякнули тихо, а все семьдесят три пары глаз увидели не усталость.

Решение.

— Сейчас я назову тех, кто выйдет вперёд. Молча. Без вопросов. Без попыток оправдаться до того, как я позволю

говорить.

Шаирна чуть заметно напряглась.

Поняла.

Поздно.

— Вы, — указала я на неё.

Она сделала шаг.

— Вы и вы.

Помощницы вышли следом.

Я двинулась вдоль строя. Рукав скользнул по запястью, но на этот раз не мешал, становясь частью жеста. Я называла одного за другим: старую цепь Миршаэль, тех, кто сидел на пищевых и лекарственных маршрутах Сейнари, мелких передатчиков, уже готовых бежать с расписанием моего сна к чужим хозяйкам. Не всех. Только тех, кого нужно было убрать сразу.

Двое, которых я оставила, вздрогнули от удивления, не от страха.

Хорошо.

Пусть тоже думают.

Голова пульсировала уже откровенно. В горле появился металлический привкус. Нокса тихо шагнула ближе, почти касаясь меня плечом.

Слуги, выбранные мной, стояли впереди отдельной неровной линией.

И вот теперь Шаирна смотрела без прежней идеальной маски.

Злость.

Страх.

Наконец-то.

— Все, кто вышел вперёд, немедленно отстраняются от службы во дворце Императрицы, — сказала я. — Ключи, браслеты, печати и знаки допуска изъять. До завершения проверки никто из вас не покидает внешний служебный сектор и не отправляет сообщений наружу. После проверки будет решено, кто покинет дворец окончательно, а кто ответит перед внутренним судом.

Тишина рухнула.

Не внешне. Никто не закричал, слуги Са'Рет были слишком хорошо выучены. Но я услышала, как несколько сердец сорвались с ритма, как дыхание стало рваным и как кто-то из третьего ранга едва слышно всхлипнул.

Шаирна выпрямилась слишком резко, и в голосе впервые появилась сталь без покрытия.

— Ваше Величество, должно быть, произошло недоразумение. Я много лет служила императорскому клану. Новая Императрица не может одним приказом разрушить то, что строилось годами.

Она запнулась на слове «новая».

Было поздно.

Я молча смотрела на неё и не перебивала.

И Шаирна решила, что молчание — приглашение.

Ошибка.

— Возможно, в Аэл'Тар иначе относятся к службе, — продолжила она, почти не скрывая яда, — но в Са'Рет внутренний распорядок требует преемственности. Вы можете не знать этого, Ваше Величество, и я готова объяснить, чтобы уберечь вас от поспешных решений…

— Вы закончили? — спросила я тихо.

Она замолчала.

Лицо побледнело.

— Да, Ваше Величество.

— Ваше имя.

— Шаирна, Ваше Величество.

— Шаирна. Запомню.

Я чуть наклонила голову, почти невинно.

— Скажите, Шаирна, я спрашивала ваше мнение? Или разрешение?

Тишина стала такой плотной, что даже Нокса перестала двигать хвостом.

— Верно, — сказала я. — Не спрашивала. Я Императрица Са'Рет, законная супруга императорского клана и хозяйка внутреннего дворца. Не временная гостья, которой вы объясняете, как правильно держать чашу. Не декоративная фигура, которую можно обложить чужими служанками и ждать, когда она начнёт просить помощи у тех, кто уже принадлежит Сайрите Миршаэль.

Вот теперь побледнели все.

Шаирна застыла.

Её помощницы тоже.

Я улыбнулась — мягко, совершенно без тепла.

— Да, я знаю, кому вы верны.

— Это ложь! — выдохнула она. — Я служила дворцу!

— Вы служили месту, которое считали пустым, а потом — той, кого хотели видеть на моём троне. Это разные вещи.

— Я имею право потребовать…

— Нет.

Слово упало коротко и глухо.

Я повернула голову к дверям.

— Стража.

Четверо саархских воинов вошли и склонились.

— Ваше Величество.

— Всех, на кого я указала, вывести из дворца. Немедленно. Служебные ключи, допуски, печати и личные браслеты изъять. До завершения проверки им запрещено приближаться к внутреннему комплексу. Если кто-то сопротивляется — связать.

Шаирна резко вдохнула.

— Ваше Величество!

Я посмотрела на неё.

— Шаирна, хотите проверить последнее слово приказа?

Она не ответила.

Стражники подчинились беспрекословно, и это было приятно — не успокаивающе, а информативно. Значит, статус печати уже активирован достаточно, чтобы императорская

стража не ждала подтверждения извне.

Слуг начали выводить.

Не грубо.

Твёрдо.

Шаирна шла прямо, белая от ярости. Одна помощница плакала беззвучно. Другая пыталась что-то прошептать соседке, но воин рядом коротко положил ладонь на рукоять оружия, и она замолчала.

Оставленные мной шпионы не знали, почему их не вывели.

И правильно.

Пусть боятся.

Пусть думают.

Пусть пишут своим домам осторожнее, чем собирались.

Когда двери закрылись, в зале осталось куда меньше воздуха и куда больше тишины.

Вот теперь оставшиеся начали пересчитывать мир.

Не вслух. Не лицами. Но ритмами.

Кто-то понял, что старые покровители не всесильны.

Кто-то впервые поверил, что я действительно вижу больше, чем должна.

Кто-то испугался за себя.

А кто-то — и это было важнее всего — перестал бояться Шаирну сильнее, чем меня.

Я медленно выдохнула.

Свет начал пульсировать по краям зрения, на языке по-

явился настоящий металлический привкус, а белые уши дрогнули и на миг опустились ниже. Звук колокольчиков стал слишком острым, будто кто-то бил тонкой иглой прямо за глазом.

Я удержала лицо.

Только Нокса поднялась раньше, чем я успела приказать ей лежать, и тихо ткнулась мордой мне в бедро.

Я провела пальцами по её голове.

— Всё хорошо, — едва слышно прошептала я.

Она не поверила.

Умная.

Я вернулась к трону, потому что если не сяду сейчас с достоинством, то через минуту сяду уже без него. Колокольчики звякнули, мягкий звук помог удержаться, и я обвела взглядом зал.

— Те, кто остался, остались не случайно. Я вижу больше, чем вы привыкли думать, слышу больше, чем вы привыкли говорить, и знаю достаточно, чтобы отличить страх от предательства, осторожность от лжи и чужой приказ от собственной верности.

Несколько слуг побледнели.

Кто-то из второго ранга едва заметно опустил голову.

Да, дорогой наблюдатель Сейнари, тебя я тоже вижу.

Но пока ты мне полезен.

Где-то в третьем ряду тихо всхлипнули. Я перевела взгляд туда: молодая, совсем молодая служанка с дрожащими рука-

ми и искренним ужасом в глазах. Никакой измены. Просто страх.

Я смягчила голос на половину оттенка.

— Я не требую любви. Не требую восторга. Не требую рабского страха, от которого слуги делают ошибки. Мне нужна верность, честная служба и понимание: если вы служите мне, я защищаю вас. Если вы продаёте меня — я узнаю. Я щедра к тем, кто верен, и очень неприятна к тем, кто ошибается в выборе стороны.

Каэль где-то далеко в памяти наверняка сказал бы: «Очень мягко, Ари. Почти ободряюще».

Лиара добавила бы: «Для тебя — да».

От мысли о них стало одновременно теплее и больнее.

Нельзя.

Не сейчас.

Я нашла взглядом ту, кого уже выбрала.

Она стояла среди второго ранга: высокая, сухощавая, с тёмно-изумрудными волосами и янтарно-зелёными глазами — внимательными, спокойными, слишком умными для положения, в котором её держали. Лирена работала с внутренними покоями и допуском к подготовке церемоний, но никогда не имела права говорить от имени хозяйки.

Не потому что была хуже.

Потому что старая служебная цепь не пускала наверх тех, кто не куплен нужными руками.

Я коснулась её сознания глубже, чем остальных.

Она почувствовала — сердце сбилось и тут же выровнялось.

Сильная.

Внутри — строгая дисциплина, привычка замечать всё и не говорить лишнего, неприязнь к жестокости старших служанок и усталость той, кто годами видел гниль служебной цепи, но не имел права даже назвать её вслух. Ещё — страх за младшего брата и редкую болезнь, вытягивающую из семьи деньги, силы и будущее.

Именно ради лечения она когда-то пришла во дворец.

Ради оплаты.

Ради стабильности.

Не ради интриг.

— Лирена, — позвала я.

Она вышла вперёд, поклонилась, и голос её прозвучал ровно, без рабского ужаса и глупого восторга.

— Ваше Величество.

— С этого момента вы — старшая служанка дворца Императрицы.

Тишина упала снова.

На этот раз потрясённая. Почти оскорблённая у некоторых. Первый ранг замер, не ожидая, что я подниму не кого-то из них.

— Ваше Величество, — медленно произнесла Лирена, — это назначение станет опасным.

Вот за это я выбрала её окончательно.

Другая бросилась бы благодарить.

Умная сначала назвала бы риск.

— Знаю.

— Те, кто стоял выше меня, не примут этого легко.

— Они уже покинули дворец. Их руки остались, и поэтому мне нужна та, кто видит руки раньше, чем они тянутся к чаше.

Её взгляд поднялся на меня — осторожно, внимательно, впервые не просто как на титул.

— Я не принадлежу великому дому. У меня нет сильной защиты.

— Теперь есть.

Она замолчала.

Слова легли между нами тяжело, почти как цепь.

Но не та, что душит.

Та, за которую можно удержаться.

— Примете?

— Да, Ваше Величество. — Ни восторга, ни слёз. Только решение. — Я приму должность и ответственность. Буду держать распорядок ваших покоев, допуск, пищу, одежду, слуг и внутренние маршруты. Буду защищать ваши покои от дворца, а дворец — от глупостей тех, кто не понял, что новый порядок уже наступил.

Нокса тихо фыркнула, будто одобрила.

Я сняла с пояса старой служанки связку внутренних ключей — не сама, стражник подал её мне на раскрытых ладо-

нях, — и коснулась кольцом Императрицы центральной печати. Пурпурная линия на металле вспыхнула.

— Поднимитесь, Лирена.

Она поднялась уже иначе.

И это увидели все.

— Теперь личные служанки, — сказала я.

Штат снова напрягся.

— Найра.

Третьерангница едва не споткнулась о собственный подол, выходя вперёд: невысокая, подвижная, с ярко-медными волосами и тёпло-золотыми глазами, на живом лице которой отражалось слишком много эмоций для такого зала.

— Ваше Величество! — слишком громко выдохнула она.

Первый ранг вздрогнул.

Лирена медленно повернула к ней голову.

Найра тут же покраснела.

— Простите, Ваше Величество. То есть… я здесь. Конечно, здесь, иначе бы вы меня не позвали.

Я коснулась её сознания быстро и ярко, и меня встретил водопад мыслей: «Императрица назвала меня. Я сейчас упаду? Нет, нельзя падать. Старая служанка ушла — хвала всем змеям, хотя так говорить нельзя. Главное — не сказать лишнего».

На последней мысли я почти рассмеялась.

«Не сказать лишнего» у Найры явно было главным ежедневным подвигом.

Она пришла во дворец из-за долгов семьи после смерти отца. Работала быстро. Слышала всё. Говорила слишком много. Но предательства в ней не было — только горячее, почти отчаянное желание, чтобы хоть кто-то наверху оказался не гнилью.

— С этого момента вы — моя личная служанка.

— Я? — Она сглотнула. — Ваше Величество, я третьего ранга.

— Уже нет.

— Я буду стараться так, что вы не пожалеете. Правда. Я умею быстро выполнять поручения, и знаю почти все коридоры, кроме тех, куда меня не пускали, но теперь, наверное, пустят, потому что если я личная служанка, то…

— Найра, — тихо сказала Лирена.

Та захлопнула рот.

Я всё-таки улыбнулась.

Совсем немного.

— Мне нравится скорость. Остальное Лирена отшлифует.

Лирена едва заметно вздохнула, уже осознав масштаб бедствия.

Прекрасно.

— Эйла.

Третья вышла почти бесшумно: стройная, тихая, с тёмно-синими волосами и глубокими сапфировыми глазами, с лицом спокойным и не броским. Если бы я не назвала её, половина зала забыла бы, что она здесь стоит.

Не потому что слабая.

Потому что умеет исчезать на виду.

Я коснулась её сознания и встретила тишину. Не пустоту — очень внимательную тишину. Она замечала всё: как один из слуг сжал пальцы при назначении Лирены, как у Найры выбилась прядь, как Нокса реагирует на ложь, как у меня чуть дрогнуло левое ухо от головной боли.

Младшая дочь разорившейся служебной линии.

Слишком тихая, чтобы её замечали.

Слишком внимательная, чтобы не использовать.

Её не покупали.

Её недооценивали.

И это было ещё лучше.

— Вы тоже становитесь моей личной служанкой.

Эйла подняла глаза.

— Ваше Величество, я не умею говорить красиво. Я не быстрая, как Найра.

— Зато ты видишь всё, даже когда я сама не понимаю, что натворила, — тут же шепнула Найра.

Лирена снова повернула голову.

Эйла продолжила, не меняя тона:

— Я могу смотреть, проверять, запоминать и молчать, пока не нужно сказать.

— Именно поэтому я выбрала вас.

В её взгляде что-то дрогнуло.

Не благодарность.

Понимание.

— Я буду служить вам, Ваше Величество.

Три фигуры впереди.

Не самые удобные для старых домов.

Зато мои.

— Слушайте все, — сказала я. — С этого момента Лирена — старшая служанка дворца Императрицы. Найра и Эйла — мои личные служанки. Их приказы в пределах личного и внутреннего допуска равны моим распоряжениям. Сопротивление им будет считаться сопротивлением мне. В течение сегодняшнего вечера будут проведены новые проверки покоев, кухонь, чая, лекарственных шкафов и списков допуска. Все ключи, печати и браслеты старой служебной цепи передать Лирене. Любая попытка спрятать копию будет считаться не ошибкой, а предательством.

Лирена уже слушала как старшая — спина ровная, внутри страх, но поверх него быстро выстраивался распорядок. Я видела, как она мысленно считает, кого куда поставить и какие двери перекрыть.

Правильная.

— Те, кто останется верен, получат защиту, оплату и справедливое отношение. Я не унижаю за низкий ранг, не наказываю за чужой страх и не требую невозможного ради развлечения. Но я не прощаю предательства. На сегодня общий сбор окончен, все свободны.

Они поклонились.

Теперь глубже.

Лирена отдавала первые распоряжения уже через три вдоха после моего приказа. Найра пыталась одновременно слушать её, смотреть на меня и следить за уходящими слугами. Эйла просто стояла рядом и запоминала, кто с кем переглянулся перед выходом.

Мои первые три камня в этом дворце.

Когда зал опустел почти полностью, я всё же позволила себе медленно выдохнуть.

И мир качнулся.

Ненадолго.

Но достаточно, чтобы Нокса мгновенно поднялась и подставила бок под мою руку.

Лирена увидела.

Эйла тоже.

Найра открыла рот, но Лирена одним взглядом заставила её закрыть.

— Ваше Величество, вы желаете пройти в личные покои? — спросила Лирена осторожно.

Желать я могла только лечь лицом вниз и не шевелиться ближайшие сутки.

Но Императрицы так не отвечают.

— Да.

Голос прозвучал ровно.

Почти.

— Позвольте сопровождать вас.

Я посмотрела на неё.

— Уже командуете?

— Пока только стараюсь не дать новой хозяйке дворца упасть на глазах у тех, кто ещё не успел покинуть коридоры.

Найра тихо пискнула — не от страха, а от восхищения ужасом.

Эйла опустила взгляд, скрывая что-то похожее на улыбку.

Я посмотрела на Лирену внимательнее. Спокойно, строго, без унижения и лишней мягкости.

Эта женщина мне понравится и будет бесить.

Вероятно, одновременно.

— Хорошее начало, Лирена. Только не думайте, что я часто падаю.

— Разумеется. — Пауза. — Я буду вести учёт редких случаев.

Найра всё-таки не выдержала и тихо фыркнула.

Нокса тоже фыркнула.

Предательницы.

Я медленно поднялась. Без лишней театральности, потому что тело уже не хотело театра. Оно хотело темноту, воду, тишину и чтобы кто-нибудь снял с моей головы эти проклятые шпильки.

Мы вышли из приёмного зала: Лирена справа и на полшага позади, Найра чуть дальше, напряжённая так, будто её сейчас отправят в бой с целым кланом Миршаэль, Эйла слева, почти неслышно, и Нокса рядом — чёрная тень, к кото-

рой я иногда касалась пальцами, чтобы мир не расплывался.

Коридор дворца встретил нас водой, тёмным деревом и золотыми змеями на стенах. За ширмами замирали слуги, где-то вдали резко умолкали при звоне моих колокольчиков.

Новость уже бежала по дворцу.

Пусть.

Мои ноги всё ещё держали, спина всё ещё была прямой, и только внутри дар откатывался назад тяжёлой волной.

— В ваших покоях нужно немедленно заменить чай и удалить все ткани, принесённые до вашего прибытия, — тихо сказала Лирена.

— Займётесь.

— Да, Ваше Величество.

— Я могу узнать, кто именно приносил ткани! — быстро добавила Найра. — Если спросить у девушек из купальни, но не прямо, а как будто про цвет, они начнут спорить и сами всё расскажут.

Лирена закрыла глаза на один вдох.

— Найра.

— Молчу.

— Нет, — сказала я. — Продолжайте. Только позже, когда я сяду.

Найра просияла.

Эйла тихо произнесла:

— В правом коридоре служанка второго ранга спрятала записку в рукав после вашего приказа о письмах. Третья от

двери, с серой вышивкой на поясе. Бумага тонкая, вероятно, записка была написана до сбора.

Я остановилась и медленно повернула голову.

Лирена посмотрела на Эйлу.

Потом на меня.

А я улыбнулась, несмотря на боль.

— Вот теперь, кажется, дворец начинает мне нравиться.

Нокса тихо рыкнула.

— Мне кажется, дворцу вы пока не очень, — шепнула Найра.

— Взаимно. Но мы оба научимся.

Колокольчики снова звякнули — мягко, тонко, — и на этот раз звук не успокоил.

Он напомнил, что день ещё не закончился, а я уже устала так, будто успела выиграть маленькую войну.

Возможно, так и было.

Просто в Са'Рет войны начинались не с выстрелов.

А с того, кто подаёт чай.

Глава 7

Риаш

К вечеру дворец гудел как потревоженное гнездо змей.

Не громко.

Са'Рет вообще редко позволяла себе настоящий шум там, где стены принадлежали Змеиному Трону. Здесь даже паника умела шептать, а страх — склоняться в поклоне до того, как ему прикажут.

Но саарху не нужен крик, чтобы понять: дворец встряхнули так, что старые коридоры ещё долго будут помнить этот удар.

Я шёл через западную галерею главного императорского крыла и чувствовал это всем телом. Воздух был густой: мокрый камень после вечернего дождя, тёплое масло в лампах, дорогие ткани, чужие духи и страх, который пытались прикрыть благовониями.

Зря.

Страх можно топить в жасмине, лотосе, сандале, дыме ритуальных палочек. Но стоит кому-нибудь задержать дыхание не вовремя — и он снова лезет наружу.

Кислый.

Острый.

Живой.

Сегодня дворец пах страхом, возбуждением и новыми слухами.

Очень вкусно.

Мой змей под рёбрами поднял голову. Белоснежно-красный, злой, голодный до любого повода ударить, он скользнул кольцами вдоль внутренней пустоты и коротко зашипел.

Ему нравилось это состояние дворца.

Когда все слишком вежливо молчат, но внутри уже мечутся. Когда старые линии власти вдруг понимают, что на привычном месте появилась новая пасть.

Новая Императрица.

Ариэль Саэ'Вар.

Я едва заметно скривился.

Политическая фигура, которую мы сами вписали в договор, чтобы удержать союз, заткнуть великие семьи и не дать ни одной наложнице взобраться выше остальных. Всё правильно. Всё разумно. Всё, как сказал бы Вайрес, стратегически неизбежно.

И всё равно дворец говорил о ней так, будто во внутренний дворец вошла не дипломатическая необходимость, а бедствие в саархатских шпильках.

За поворотом, за решётчатой перегородкой, слуги не видели меня.

Зря.

— …сама выгнала старшую служанку, — прошептал один голос.

— Всю старую линию, — ответил второй, молодой и нервный. — Говорят, указала на них прямо в зале. Молча. А потом приказала вывести.

— Но старшая служанка служила дворцу ещё при прежней…

— Вот именно. Говорят, Её Величество сказала, что знает, кому она верна.

Пауза. Шорох ткани. Почти испуганный вдох.

— Кому?

— Сайрите Миршаэль.

Я усмехнулся.

Вот это начинало нравиться.

Мой змей довольно ударил хвостом изнутри. Сайрита наверняка уже белеет от злости в своём павильоне — слишком уверенная, что если достаточно долго сидеть рядом с троном Императрицы, дворец рано или поздно сам решит, что она и есть его хозяйка.

Не решил.

Пришла эларийка и выбросила её руку из личного допуска за один вечер.

Хорошее начало.

Я свернул в узкий переход к внутреннему служебному двору. Слуги всегда шептались там, где думали, что их не услышат: за прачечными, у боковых лестниц, между кухонными коридорами. Каждый считал свой шёпот маленьким и безопасным.

Как трогательно.

— …наложниц заставила ждать в поклоне, — говорил старший распорядитель кому-то из младших. — Не сразу подняла.

— Так положено?

— Если Императрица хочет напомнить, кто сидит на троне.

— А Сайрита?

— Склонилась.

— Вейлис?

— Тоже.

— Аэрис?

— Все.

Там, за стеной, кто-то тихо, почти восхищённо выдохнул:

— Говорят, она красивая.

Мой шаг стал медленнее.

Не остановился.

Но тело услышало раньше разума.

— Красивая? — переспросил второй голос.

— Да весь женский двор уже не знает, как описывать. Белоснежные волосы до пояса. Уши и хвост тоже белые. Будто лунный свет встал с воды и решил сесть на трон.

Мой змей замер, как перед броском.

Лиэль в памяти вспыхнула резко, больно, до вкуса крови на языке.

У Лиэль были чёрные волосы.

Чёрные уши с белыми кисточками.

Чёрный хвост, который жил собственной проклятой жизнью и обвивался вокруг моей ноги, когда она делала вид, что не тянется ближе.

Не доказательство.

Даже не совпадение.

Просто клык зацепился за старый шрам.

— Глаза, говорят, голубые, холодные, — продолжил кто-то. — Такие, что если ей не понравишься, замёрзнешь до костей.

— А зверь?

— Не зверь. Виррена. Чёрная. Огромная. Лежит у трона.

— Виррена в гареме?

— Она сказала, что плохие решения имеют зубы.

Я не выдержал и тихо рассмеялся.

Слуги за стеной мгновенно замолчали. Запах страха взорвался так резко, что захотелось войти, улыбнуться и посмотреть, кто из них рухнет первым.

Не стал.

Некогда.

Саэрис должен был прийти с отчётом, и я хотел услышать его сам. Не через Тэйнара, не через дворцовые сводки и не через вычищенный доклад, в котором каждый острый край обмотан протоколом.

В кабинете восточного крыла, куда не допускали никого без личного разрешения, не было мягкой гаремной роско-

ши. Только чёрное дерево, тёмный камень, глубокие кресла и древние резные змеи на стенах.

Дом.

Насколько у нас вообще осталось что-то похожее на дом.

Я подошёл к окну. За ним темнели крыши дворца Императрицы — слишком далеко, чтобы увидеть детали, но достаточно близко, чтобы знать: там сегодня горит новый очаг хаоса.

В дверь вошёл Элиан без стука.

Разумеется.

Он вообще умел входить так, будто дверь заранее должна была быть счастлива открыться перед ним. Белое с золотом, золотисто-белые волосы собраны шпилькой, янтарно-красные глаза внимательные и слишком спокойные.

Он вдохнул и улыбнулся.

— Дворец сегодня пахнет восхитительно.

— Паникой?

— Несбывшимися ожиданиями.

— Почти одно и то же.

Элиан подошёл к столу, провёл пальцами по краю голографической панели, но не активировал её.

— Ты уже слышал?

— Весь дворец слышал.

— И что думаешь о нашей новой Императрице?

— Что у неё хороший первый укус.

Элиан мягко рассмеялся.

— Риаш хвалит женщину, которую ещё не видел. Запишем день в хроники.

— Не женщина. Политическая проблема.

— Это ты тоже обычно говоришь с большим удовольствием.

Я повернулся от окна.

— Ты не чувствуешь ничего странного?

Улыбка Элиана стала тоньше.

— Кроме того, что внутренняя часть дворца гудит, как сосуд с ядом перед тем, как его уронят на камень?

— Не притворяйся.

Он молчал несколько мгновений, потом подошёл ближе.

— Слухи зацепили тебя.

Не вопрос.

Элиан редко тратил вопросы там, где уже видел ответ.

— Холодная, не ждёт, не просит, сразу ломает служебные линии, ставит наложниц на место так, что они бледнеют. И?

— Не знаю.

Вот это раздражало сильнее всего.

Не знать.

— Я тоже услышал, — сказал Элиан. — Тишину после её приказов. Обычно после нового удара во внутреннем дворе сразу появляется вкус мелкой истерики: жалобы, письма, просьбы о защите, красивые обмороки. Сегодня — нет. Она ударила так, что они ещё думают, как именно их ударили.

— Значит, умная.

— Или хорошо обученная.

— Аэл'Тар.

Слово легло между нами тяжело.

Как всегда.

Аэл'Тар приносила с собой слишком много памяти. Академия. Вар'Кел. Лиэль — её смех, от которого хотелось одновременно зажать ей рот ладонью и слушать, пока мир не сдохнет.

Я отвернулся.

Проклятье.

Вайрес вошёл тихо, почти бесшумно для существа его роста и силы. Тёмная одежда, глубокий фиолетовый, длинные чёрные волосы с тёмно-пурпурным отливом, лицо спокойное, ярко-фиолетовые глаза слишком внимательные.

Кабинет сразу стал меньше.

Так всегда происходило, когда Вайрес входил не как брат, а как старший император.

— Саэрис скоро будет.

— Уже жду, — сказал я.

— Вижу. Ты пахнешь раздражением.

— А ты контролем. Мы оба неизменны.

Элиан сел в кресло.

— А я?

Я оскалился.

— Ядом и самодовольством.

— Приятно, когда братья замечают старания.

Вайрес прошёл к столу и активировал закрытый канал. Над поверхностью всплыли первые отчёты: время прибытия, представление гарема, отстранение старшей служанки, назначение Лирены — бывшей служанки второго ранга — и двух личных служанок из третьего.

Я присвистнул.

— Она не просто укусила. Она вырвала кусок.

Вайрес смотрел на строки без выражения.

— Быстро.

— Тебя это раздражает?

— Нет.

— Врёшь.

Он поднял на меня взгляд.

— Меня раздражает отсутствие данных о методе.

Элиан улыбнулся.

— Вот теперь похоже на тебя.

Вайрес снова посмотрел на отчёт.

— Она сделала за вечер то, на что гарем тратил годы. Получила страх, слух, внутренний контроль и первый собственный штат. Это нельзя недооценивать.

— Или нельзя оставлять без присмотра, — сказал я.

— Это одно и то же.

Элиан наклонил голову.

— Она вошла во дворец, оценила наложниц, определила служебные связи, убрала старую цепь и поставила собственную. Либо великолепная подготовка, либо редкий талант к

власти.

— Или дар, — добавил он после короткой паузы.

Я резко повернул к нему голову.

Вайрес тоже.

Элиан развёл пальцами.

— Я не утверждаю. Просто отмечаю. Мириэль Валенс скрывала свой Визарь годами. Мы знаем, что у новой крови бывают неожиданные сочетания.

Мой змей внутри ударил хвостом.

Визарь.

Слово потянуло за собой память: Лиэль с кровью на губе после боя, Лиэль, которая могла смотреть на рану так, будто видела не кожу, а всё под ней.

«В девушке должна быть загадка».

Я сжал кулак.

— В документах Аэл'Тар её дар закрыт, — сказал Вайрес. — Валериан Валенс выстроил стены вокруг семьи. Дарек Раэль вычистил всё, что могло просочиться. Кайлен Аэрис закрыл цифровые каналы так, что наши специалисты до сих пор ругаются.

— Я начинаю уважать её семью, — сказал я.

— Ты уже уважал их за войну.

— За войну — да. За паранойю — отдельно.

Элиан тихо добавил:

— Паранойя — форма любви, если семья достаточно опасна.

Мы замолчали.

Каждый услышал второе дно.

Мы тоже любили паранойей. Контролем. Ядом. Кровью.

И однажды решили, что любовь — это уйти.

Дверь открылась после короткого сигнала допуска, и вошёл Саэрис.

На миг я просто смотрел.

Он выглядел живым.

Не «не умершим».

Не стабилизированным на время.

Живым.

Бледность ещё оставалась, движения были медленнее обычного, но точные. В воздухе вокруг него больше не было той гнилой горечи распада. Было истощение, слабость и что-то слишком чистое, выжженное до белого края, будто яд не просто остановили.

Вырвали.

И ещё — новая нота.

Тонкая. Жёсткая. Чужая прежнему Саэрису.

Долг.

Не тот, который пахнет службой Змеиному Трону. Этот был глубже, личнее и опаснее. Как клятва, спрятанная под языком.

Я прищурился.

Вайрес не изменился лицом, но воздух вокруг него стал тяжелее. Элиан улыбнулся так мягко, что Саэрис сразу по-

смотрел именно на него.

Умный.

— Ваши Величества. — Саэрис поклонился.

— Живой, — сказал я.

— Рад, что это заметно.

— По отчётам ты должен был быть почти трупом.

— Отчёты иногда драматичны.

— Врачи драматичны, когда не понимают, как не сдох пациент.

Саэрис чуть склонил голову.

— В этот раз они были особенно вдохновлены.

Вайрес сел во главе стола.

— Доклад.

Саэрис выпрямился, и вся лёгкость исчезла. Остался Эссайр, который умеет говорить так, чтобы каждая фраза была полезна, но не шире необходимого.

— Яд был внедрён через внутреннюю служебную цепь моего дома до вылета и активировался во время перехода. Цель — создать картину покушения вблизи Императрицы и связать мою смерть с её прибытием.

— Кто? — спросил Вайрес.

— Тайра Эссайр и связанная с ней северная линия при поддержке части старых советников. Доказательства собираю.

Я оскалился.

— Тайра всегда пахла тухлым мёдом.

Саэрис посмотрел на меня.

— Замечательное описание. Разрешите использовать?

— Только если добавишь, что её сын пустой, как высохшая шкура.

— Тогда фраза станет менее дипломатичной.

— Зато честной.

Элиан мягко произнёс:

— А что именно сделала Императрица?

Вот.

Я тоже хотел услышать.

Саэрис повернул к нему голову и едва улыбнулся.

— Заметила несоответствие.

— Какое? — спросил Вайрес.

— Моё состояние ухудшалось, а дворцовые отчёты о подготовке сопровождения были слишком чистыми. Императрица сделала вывод, что чистота выглядит подозрительно.

— Не медицинское несоответствие, — сказал Элиан.

Саэрис не дрогнул.

— Не только.

— Саэрис, — голос Вайреса стал ниже, — я спросил, что она сделала.

— Она приказала всем покинуть мою каюту, указала на предателя среди слуг, заставила врачей оставить стабилизирующие препараты и применила эларийскую методику нейтрализации, доступную правящей семье Аэл'Тар.

В кабинете стало тихо.

Очень.

— Какую методику? — спросил Элиан.

— Закрытую.

Мой змей приподнялся.

Смелый ответ.

Очень смелый для кабинета трёх императоров.

— Закрытую от кого? — спросил я.

— От всех, кто не имеет права знать, Ваше Величество.

Я рассмеялся резко, громко, от души.

— Бездна, Саэрис. Тебя чуть не убили, а ты вернулся наглее.

— Побочный эффект выживания.

Вайрес не смеялся.

— Она спасла тебе жизнь. Полностью?

Пауза была короткой.

Почти невидимой.

Но я почувствовал её на языке, как каплю яда.

— Кризис снят, связь со змеем стабильна, тело восстанавливается, — сказал Саэрис. — Прогноз благоприятный.

— Это не ответ, — заметил Элиан.

— Это тот ответ, который я могу дать без нарушения закрытого медицинского доступа Императрицы.

Я наклонился вперёд.

— Ты защищаешь её.

Не вопрос.

Саэрис перевёл взгляд на меня.

Спокойный.

Слишком спокойный.

— Я защищаю договор, Ваше Величество. И то, что уже спасло жизнь высокородного Эссайр, которого пытались использовать против Змеиного Трона. Я скрываю не от трона, а от дворца, великих семей и тех, кто уже попытался превратить мою смерть в удар по Императрице. Если этот метод станет предметом охоты, мы потеряем больше, чем получим от любопытства.

Неплохо.

Очень неплохо.

Он не солгал.

Он просто построил стену и назвал её государственным интересом.

Вайрес медленно провёл пальцем по подлокотнику.

— Верно.

Я посмотрел на брата.

— Ты серьёзно? Он не договаривает.

— Разумеется. Но логика верная. Пока метод Императрицы не угрожает нам, он может оставаться закрытым. Главное — результат.

Элиан улыбнулся.

— А результат красивый. Саэрис жив, Тайра раскрыта, а Императрица получила первый слух о невозможном вмешательстве и первый страх перед тем, что видит больше положенного.

— Я не говорил о вмешательстве, — заметил Саэрис.

— Тебе и не нужно было.

Саэрис склонил голову.

— Тогда добавлю: Императрица не стремилась распространять произошедшее. Она, скорее, предпочла бы, чтобы слухов было меньше.

Я фыркнул.

— После того, как вошла во дворец, спасла Эссайр, поставила наложниц на колени, выгнала старую служанку и вычистила штат?

— Да, — Саэрис чуть улыбнулся. — В этом есть очаровательная непоследовательность.

— Мне начинает нравиться наша политическая проблема.

Вайрес бросил на меня взгляд.

— Она не проблема. Она Императрица.

— Это иногда хуже.

Саэрис вывел сжатый отчёт: перед великими семьями Императрица держалась без страха, Орайсу Миршаэль дала понять, что не нуждается в присутствии императоров, Тайсару Вартейр, кажется, понравилась, Сайрита публично поставлена ниже трона, Вейлис не получила доступа, Аэрис получила ответ на удар, старый служебный штат сломан.

— За один вечер, — добавил Саэрис. — Старшая служанка и её помощницы выведены. Назначена Лирена из второго ранга. Личные служанки — Найра и Эйла из третьего.

Вайрес поднял глаза.

— Почему не первый ранг?

— Потому что первый ранг был слишком заметен и слишком связан с императорской служебной цепью. Лирена не принадлежит великим семьям, но умна, дисциплинированна и имеет личную причину держаться. Найра знает коридоры и слухи. Эйла видит то, что другие пропускают.

Элиан наклонил голову.

— Ты быстро собрал данные.

Саэрис улыбнулся.

— Я Эссайр.

— Она выбрала слабые места старого дворца, — сказал Вайрес. — Не самые высокие фигуры. Самые подвижные.

— И поставила их рядом с собой, — добавил Элиан. — Значит, понимает, что власть во внутреннем дворе начинается не с трона, а с чашки.

Я усмехнулся.

— Хорошо. Если она достаточно умна, пусть делает во внутреннем дворе что хочет. Пока её действия не вредят договору, линии наследования и государственной устойчивости.

— Это я должен был сказать, — заметил Вайрес.

— Иногда я тоже умею быть скучным.

— Редко.

— Не завидуй.

Элиан посмотрел на Вайреса.

— И наложницы?

— Наложниц пока не убивать.

— «Пока» звучит обнадёживающе, — сказал я.

Саэрис кашлянул — не от слабости. Спрятал смешок.

Я заметил.

— Весело тебе?

— Отнюдь, Ваше Величество. Я с уважением отношусь к дипломатическому потенциалу изменения формы лица.

Элиан улыбнулся шире.

— Саэрис, осторожнее. Ты сегодня слишком близок к тому, чтобы мне понравиться.

— Тогда мне стоит срочно сказать что-то скучное.

— Поздно.

Когда Саэрис заговорил о чистке своего дома, в его голосе появилась сталь — тонкая, дорогая.

Я посмотрел внимательнее.

— Собираешься забрать место главы клана?

— То, что мне принадлежит по праву крови, ума и выживания.

Я рассмеялся снова.

— Вот теперь ты говоришь нормально.

Элиан положил пальцы на край стола.

— Если понадобится помощь…

Он улыбнулся ядовито, так, как улыбался тем, кого собирался вскрыть с почти художественным удовольствием.

— …я с радостью посмотрю, какие ветви Эссайр первыми начнут кричать.

Саэрис задумчиво склонил голову.

— Если я приму вашу помощь слишком рано, мой клан решит, что я пришёл за властью, держась за императорский рукав. А если слишком поздно, мне придётся просить вас не пачкать стены слишком живописно.

Элиан рассмеялся тихо и по-настоящему.

— Хороший ответ.

— Я стараюсь сохранять стены там, где они ещё могут пригодиться.

Да.

Саэрис точно выжил и стал опаснее.

Покушение часто ломает слабых. Сильных оно злит. А умных делает внимательнее к тому, какие двери пора закрыть навсегда.

Тайра к утру должна понять, что её яд стал приглашением в яму.

Просто пока она решит, что это приёмная.

Когда Саэрис ушёл, кабинет стал слишком тихим.

Без него воздух сразу потерял лёгкую остроту дипломатической игры. Остались мы трое, чёрный стол, тёмные стены, карты границ и боль, которую никто из нас не называл, пока мог не называть.

Мы вернулись в императорское крыло за час до заката — достаточно поздно, чтобы отсутствие на встрече выглядело решением, и достаточно рано, чтобы весь дворец понял: мы услышим каждый шёпот о новой Императрице.

Я подошёл к окну.

Дворец Императрицы светился вдалеке. Пурпурные и золотые огни отражались в воде садов, а где-то там новая Императрица — белая, холодная, упрямая — уже перестраивала свою клетку под собственные когти.

А я стоял здесь и думал не о ней.

Не должен был.

Но думал о чёрном хвосте с белой кисточкой. О смехе на танцполе. О горячей коже под моими руками.

Лиэль была чёрной.

Чёрные волосы, чёрные уши, чёрный хвост с белой кисточкой.

Живая.

Горячая.

Невозможная.

Ариэль Валенс, если верить всем закрытым сводкам, была белой тенью правящей стаи, символом новой крови, спрятанным за семейными стенами.

Разные имена.

Разные следы.

Разные жизни.

Мой змей не узнал её.

Не мог.

Но поднял голову так резко, будто услышал не слух, а старый зов.

Ненавижу совпадения.

— Завтра, — сказал я тихо.

Никто не спросил, что именно завтра.

Вайрес закрыл голографическую карту.

Элиан опустил взгляд на свои руки.

— Семь лет, как мы не видели Лиэль.

Имя упало в кабинет, и всё изменилось.

Не внешне.

Мы не закричали. Не опрокинули стол. Не выбили окна, хотя я хотел.

Бездна, как же хотел.

Я хотел стать змеем прямо здесь, разнести кабинет, выбить стекло, проползти через весь дворец, пока каждый не поймёт, что у трёх императоров тоже есть рана, которую нельзя трогать даже взглядом.

Но я стоял.

Семь лет власти учат стоять даже тогда, когда внутри воет.

Завтра была не годовщина смерти.

Смерть хотя бы честна.

Завтра был день, когда мы потеряли её, связь, право искать сразу и любую возможность сказать: «мы не бросили». День, когда Лиэль могла решить, что мы ушли сами.

— Совпадений слишком много, чтобы считать их доказательством, — произнёс Элиан.

— Это что ещё значит?

— Что хороший капкан всегда похож на случайность, пока не захлопнется.

Вайрес поднялся.

— Проверить всё, что связано с Ариэль Валенс до Вар'Кела. Не через официальные каналы.

— Думаешь?

— Я думаю, что Аэл'Тар слишком тщательно закрыла женщину, которую отдала нам в Императрицы. Это уже причина смотреть глубже.

— Мы ищем Лиэль два года, — сказал я.

— Значит, будем искать третий.

— А если она не хочет, чтобы мы нашли?

Вот этот вопрос был хуже всего.

Потому что он мог быть правдой.

Лиэль могла выжить, узнать, что мы ушли, почувствовать разрыв, возненавидеть и спрятаться сама.

Элиан ответил тихо:

— Если она не хочет, чтобы мы нашли, значит, когда найдём, сначала выслушаем.

Я резко повернул к нему голову.

— Ты сам в это веришь?

— Нет. Но я тренируюсь произносить разумные вещи заранее.

Я фыркнул.

Почти смех.

Почти.

Вайрес заговорил о закрытом ритуале для погибших Вар'Кела. Когда я сказал, что мы не проводили его уже два

года, он ответил:

— Проводили. Просто не вместе.

— Вместе будет хуже.

— Поэтому вместе.

Я снова посмотрел в окно, на дворец Императрицы, на огни, отражённые в воде.

Мой змей поднял голову.

На этот раз не зашипел.

Просто смотрел внутрь темноты вместе со мной.

— Смешно, — сказал я. — Мы семь лет боялись сделать Лиэль нашей Императрицей, чтобы не посадить её в клетку. А теперь в эту клетку вошла другая, и весь дворец уже истекает ядом от одной мысли, что она может оказаться не слабой.

— Клетка не всегда удерживает того, кто входит с ключом, — ответил Вайрес.

— Наша новая Императрица, кажется, уже ищет замки, — заметил Элиан почти с улыбкой.

— Пусть ищет, — сказал Вайрес. — Пока не ломает несущие стены.

— А если сломает? — спросил я.

Вайрес повернулся к окну, и в его фиолетовых глазах отразились огни дворца Императрицы.

— Тогда посмотрим, что она построит на их месте.

Мой змей свернулся тугими кольцами и наконец затих.

Не успокоился.

Нет.

Просто лёг глубже, туда, где боль становится не криком, а клыком, который ждёт своего часа.

В кабинете пахло тоской, старым ядом и безнадёжностью, а за стенами дворец всё ещё шептал о белой Императрице, которая в первый же вечер заставила Са'Рет вспомнить: иногда новая змея в гнезде не просит места.

Она занимает его.

И мне до раздражения сильно хотелось увидеть, как она это делает.

Глава 8

Ариэль

Первые сутки во дворце Императрицы мне не понравились.

Вот вообще.

Не «не понравились» в том мягком смысле, когда можно нахмуриться, выпить чаю, сказать себе, что всё новое требует привыкания, и героически пережить неудобство.

Нет.

Мне хотелось собрать весь этот дворец, завернуть в один огромный шёлковый свёрток, перевязать пурпурной лентой и отправить обратно императорам Саэ'Вар с запиской: «Спасибо, очень красиво, но пользоваться невозможно. Исправьте».

Утро началось с того, что я проснулась не сама.

Уже неприятно.

В этот день я привыкла просыпаться иначе.

Не от мягкого стука в дверь и не от чужого голоса, который с почтительным спокойствием сообщает, что пора вставать. Каждый год в этот день рядом были свои: сигналы «Нок'Тейры», голос Тейры, сообщения Лиары, стук Каэля в дверь с воплем: «Капитан, у нас маленькая техническая радость», или Лурин, пытающийся вломиться с медицинским сканером и лекцией о вреде сна лицом в отчётах.

Иногда команда молчала.

Это тоже было своим.

Сегодня — нет.

Сегодня был тихий стук, мягкий шелест двери, едва слышные шаги и голос Лирены:

— Ваше Величество, время утреннего подъёма.

Я открыла глаза.

Потолок над кроватью был тёмным, резным, с золотыми змеями по краям полупрозрачного полога. За стеной шумела вода. В спальне пахло прохладным камнем, свежими тканями и слабым благовонием, которое вчера Эйла проверила трижды, а потом всё равно велела заменить.

Саархатский дворец просыпался тихо.

Я — нет.

Я лежала под мягким одеялом, белые волосы рассыпались по подушке, хвост был намотан на собственную ногу, а уши, предательские пушистые гадины, уже прижались от недовольства раньше, чем я успела придать лицу императорское выражение.

Нокса подняла голову с ковра у кровати, посмотрела на меня, потом на вошедших служанок, потом снова на меня и очень явно фыркнула.

— Не начинай, — пробормотала я.

Лирена сделала вид, что не услышала.

Найра сделала вид, что не хочет рассмеяться.

Эйла ничего не сделала, но я всё равно поняла: услыша-

ла, запомнила и отложила в ту внутреннюю папку, где у неё уже наверняка хранились все мои слабые стороны за первые сутки.

В спальню вошли не только они. За Лиреной стояли четыре служанки первого ранга, две второго и ещё несколько младших, несущих подносы, ткани, шкатулки, щётки, сосуды с водой, маленькие чаши с маслами и какие-то предметы, назначение которых я даже не хотела знать до завтрака.

— Это всё для меня? — спросила я.

Голос получился хриплым после сна.

Совсем не императорским.

— Да, Ваше Величество, — просияла Найра. — Утренний туалет Императрицы включает омовение, уход за волосами, ушами и хвостом, подбор первого одеяния, лёгкий макияж, проверку украшений, подбор ленты, подготовку кольца, проверку печати, утренний чай, завтрак, а ещё…

— Найра, — сказала Лирена.

— Молчу.

— Не молчите, — сказала я, садясь. — Я хочу знать, сколько именно страданий приготовлено на ближайший час.

Эйла тихо поправила:

— На два часа, Ваше Величество. Если не торопиться.

Я медленно повернула к ней голову.

— А если торопиться?

Лирена подошла ближе и поклонилась.

— Тогда весь дворец решит, что Императрица не умеет

соблюдать утренний порядок.

— Лирена, я ещё не завтракала. Не бейте традициями так рано.

— Я стараюсь мягко.

— Это было мягко?

Найра шепнула Эйле:

— Кажется, да.

Эйла так же тихо ответила:

— Для Лирены — очень.

Я закрыла глаза.

Нокса снова фыркнула.

Предательница.

— Ладно, начинайте. Но если кто-то попытается заплести мне волосы так, что я не смогу повернуть голову, я объявлю это покушением.

Лирена даже не моргнула.

— Я предупрежу служанок.

— О, спасибо.

— И вас тоже предупрежу, Ваше Величество: сегодня утренний поклон наложниц, затем проверка первых отчётов дворца, затем утверждение новой служебной линии, затем работа в кабинете.

Я посмотрела на неё, и уши сами подались вперёд.

— Вы перечисляете расписание или угрозы?

— В Са'Рет это часто совпадает.

Вот теперь я проснулась окончательно.

Мне начинала нравиться эта женщина, что не отменяло желания укусить ближайшую подушку.

Меня подняли с кровати так бережно, будто я была не Императрицей, а дорогой вазой, которую уже кто-то пытался отравить через цветы, и проводили в купальню. Вода в глубокой каменной чаше была тёплой, с тонким ароматом трав. Эйла проверила её серебристым тестером, спрятанным в рукаве, — и до моего прихода, и сейчас снова.

— Между первым и вторым разом в комнату входили ещё двое слуг, — пояснила она без всякого выражения.

— А ещё вчера одна из тех, кого вы выгнали, отвечала за склад масел, — добавила Найра. — И если она успела оставить что-то неприятное, лучше узнать до того, как это окажется на вашей коже. Не то чтобы я думаю, что она успела, но если успела, то это было бы мерзко, а мерзкое лучше найти раньше.

— Найра, — сказала Лирена. — Уже достаточно.

— Да, старшая.

Я смотрела на них троих и чувствовала что-то похожее на осторожное признание: они не просто исполняли роль, а действительно начали выстраивать вокруг меня первую тонкую стену.

Пусть пока из приказов, проверок и слишком большого количества рук, стремящихся привести Императрицу в состояние «достойна показаться гарему».

Но стену.

Служанки мыли мои волосы, расчёсывали белые пряди, обрабатывали шерсть ушей и хвоста специальным мягким составом. Когда одна из девушек второго ранга коснулась моего уха слишком осторожно — будто боялась не сделать больно, а прикоснуться к странности, — я невольно дёрнулась.

Она побледнела.

Лирена сразу повернула к ней голову.

— Дальше уши обрабатывает только Эйла.

Эйла подошла молча.

Её пальцы оказались лёгкими, точными, почти невесомыми. Она не тянула, не цепляла, не пыталась гладить лишнего, а просто делала работу так, будто мои уши — не украшение, не редкость и не дворцовая диковина, а часть тела, к которой нужно относиться с уважением.

Хвост успокоился первым.

Предатель.

Найра тем временем пыталась не разговаривать и проигрывала. Она рассказывала про тёмно-синюю ленту с серебряными колокольчиками, которую, по её мнению, кто-то специально спрятал среди обычных, потому что она слишком подходит к моим глазам.

Я сидела в воде, а вокруг меня работал маленький, очень напряжённый дворцовый механизм.

И это раздражало.

Я привыкла сама надевать форму, сама завязывать волосы

перед боем и сама выбирать, где спрятать клинок. Здесь мне подавали полотенце две служанки, ещё одна держала тёплую ткань для волос, Лирена проверяла порядок допуска, Эйла следила за каждым сосудом, а Найра, кажется, слышала дыхание даже у стен.

Всё это ощущалось как тонкая шёлковая сеть, которую на меня набрасывали с улыбками и поклонами.

Терпим.

Привыкаем.

Не кусаемся раньше завтрака.

Наряд на сегодня я выбрала сама.

Белый.

Почти полностью.

Не праздничный и не мягкий, а холодный. Белоснежное одеяние из нескольких слоёв с высоким воротом и длинными широкими рукавами. По краям — чёрная и тёмно-пурпурная вышивка: тонкие змеи, ветви и цветы. Украшений минимум — кольцо Императрицы, небольшие чёрные шпильки и чёрно-белая лента с колокольчиками.

Лирена, увидев выбор, на миг замерла.

— Ваше Величество, белый цвет в Са'Рет может использоваться в нескольких значениях. В некоторых случаях он связан с траурной памятью, если дополнен чёрным.

— Знаю.

Она посмотрела внимательнее, но не спросила.

Умная.

Найра, конечно, почти спросила. Я услышала, как вопрос уже подпрыгнул у неё на языке, но Эйла едва заметно коснулась её рукава, и Найра чудом удержалась.

Я оценила.

Сегодня они все выживут.

В Аэл'Тар мы надевали белое в этот день не потому, что боль становилась чище. Просто так было легче не дать ей расползтись по коже. Белое держало форму. Чёрное напоминало, что форма не отменяет пустоту.

Этот день дворец не получит.

Ни под видом утреннего порядка, ни под видом поклонов, ни под видом графиков, отчётов и чужих традиций.

Моё тело они могли одеть.

Моё время — расписать.

Мою память — нет.

Завтрак уже ждал в малой приёмной, и вот тут я наконец получила возможность отомстить судьбе, потому что кормление Ноксы оказалось ещё более торжественным мероприятием, чем моё утро.

Отдельная низкая подставка, проверенная пища, сырая мясная нарезка, два слуги второго ранга, стоявшие так, будто приносили жертву древнему хищному божеству, а не кормили годовалую виррену.

Нокса величественно ела, а потом нарочно уронила кусок обратно в чашу так, что мясной сок брызнул на подставку, и один из слуг едва не умер внутренне.

— Нокса, — сказала я. — Я тебя вижу.

Она съела кусок и отвернулась.

Вот же мелкая чёрная дрянь.

Да, мы определённо подружились.

После завтрака пришло время утреннего поклона наложниц, и вот здесь день окончательно показал зубы.

Я сидела на троне Императрицы в главном зале внутреннего дворца. Нокса лежала у моих ног, Лирена стояла справа у нижней ступени, а наложницы расположились по рангам — строго, красиво, ядовито.

Первые пятнадцать минут я почти наслаждалась.

Почти.

Это было сложно, тонко, выверенно. Сайрита сообщила о ремонте восточного павильона так, что в словах прятался намёк на старую служанку. Вейлис мягко предложила обновить список лекарских настоев, будто случайно включая туда пункт об адаптации Императрицы. Аэрис заметила, что смена штата могла встревожить младших наложниц.

Я слушала.

Слух ловил дыхание каждой. Визарь считывал пульс и микроспазмы, а уши и хвост я держала под контролем. Лишь раз кончик хвоста дёрнулся, когда Вейлис слишком ласково произнесла «особенности эларийской новой крови», и Нокса сразу подняла голову и посмотрела на неё так, что Вейлис замолчала на полслова.

Хорошая девочка.

Потом Сайрита решила втянуть меня напрямую.

— Многие женщины гарема обеспокоены резкостью вчерашних перемен, Ваше Величество, — произнесла она с идеально почтительным лицом. — Новым назначениям, возможно, стоит пройти проверку временем. Иногда спешка рождает не порядок, а пустоту на месте прежней опоры.

Я подняла палец.

Она замолчала.

— Сайрита Миршаэль, если вы хотите назвать меня неопытной, не прячьте это слово под заботой. Я ценю точность.

— Я бы не позволила себе неуважения.

— Позволили. Просто завернули его в ткань Миршаэль.

Вейлис вмешалась мягче:

— Всем потребуется время, чтобы привыкнуть к вашему стилю, Ваше Величество.

— Прекрасно. Привыкайте быстро.

Аэрис улыбнулась.

Мягко.

Опасно.

— Быстрота, кажется, важна для Аэл'Тар. Хотя иногда тем, кто входит в чужой дворец, полезно оставить за дверью не только прежние привычки, но и прежнюю боль. Иначе прошлое начинает управлять настоящим.

Вот он.

Тонкий укол.

Не по власти.

По белому.

По чёрной ленте.

По тому, что я не должна была принести в этот зал, но принесла — на себе, в волосах, в звоне колокольчиков, в пустоте под рёбрами.

На одно короткое мгновение воздух стал плотнее.

Не потому что она угадала.

Потому что почти попала.

Я медленно перевела на неё взгляд.

— Аэрис Эссайр, если прошлое ещё способно управлять настоящим, значит, настоящее слишком слабое.

Её улыбка осталась.

Но глаза стали внимательнее.

— Мудрое замечание, Ваше Величество.

— Нет. Практичное. Мне не нужно оставлять боль за дверью, чтобы управлять дворцом. Мне достаточно не позволять дворцу думать, что он имеет право её трогать.

В зале стало тише.

Сайрита поняла, что Аэрис задела что-то и не добила.

Вейлис поняла, что я не позволю добивать.

Аэрис поняла, что теперь у неё есть вопрос.

Пусть.

Таэлира чуть наклонила голову:

— А если традиция защищает порядок?

— Тогда она останется. Если защищает чужое право пря-

тать беспорядок под старой тканью — будет снята и проверена на свет.

После этого они замолчали.

Не потому что сдались.

Потому что пересчитывали подходы.

И именно в этой тишине усталость накрыла меня такой тяжестью, будто всю ночь я таскала на себе куски корабельной брони. Сегодня была годовщина, тело помнило раньше разума. Каждый год в этот день мы с командой уходили подальше от баз, надевали белое, пили и вспоминали погибших, а потом я уходила одна и вспоминала троих.

Риаса.

Шариса.

Лиана.

Сегодня я была в белом.

Хотя бы это я смогла сохранить.

Ни команды, ни леса, ни гор. Только белое одеяние, чёрная лента с колокольчиками и чужой гарем, обсуждающий ткани так, будто в этом есть смысл.

Может, ночью получится уйти к озеру.

Найра утром шептала Эйле про большое озеро в императорском саду, почти безлюдное ночью.

— Достаточно, — сказала я, возвращаясь в зал. — На сегодня утренний поклон окончен. Все текущие вопросы передать Лирене в письменном виде. Без намёков, двойных смыслов и попыток спрятать личную обиду в заботу о дворце. Ес-

ли текст будет слишком красивым, я решу, что он лжёт, и отправлю обратно.

Наложницы поклонились по рангам, и шёлк зашуршал.

Вейлис уходила задумчивой.

Аэрис — мягкой и недовольной.

Сайрита — очень холодной.

Ну что за несправедливость: императоры набрали полный дворец женщин, а управлять этим ядовитым гнездом мне.

Бесит.

После поклона я направилась в свой кабинет.

И вот это место мне понравилось почти сразу.

Он располагался в боковом крыле главного павильона, окнами выходил на водный двор. Лирена провела ладонью над столом, активируя скрытую систему, которая узнала печать Императрицы на моём кольце.

Над столом поднялись тонкие линии света: карта дворца, служебные маршруты, распределение павильонов наложниц, отчёты складов, списки тканей, пищевые цепочки, врачебные допуски и журналы посещений.

Дворец раскрылся передо мной не комнатами, а нервами.

Где идёт пища.

Где проходит ткань.

Где чьи руки касаются лекарств.

Где письма меняют маршруты.

Где за закрытой дверью возникает слишком много шагов для «пустого» коридора.

Древний, роскошный, влажный от воды и лжи организм. Красивый снаружи, сложный внутри, полный старых узлов, в которых давно поселились чужие пальцы.

Я улыбнулась.

Очень нехорошо.

— Сайрита Миршаэль имела временный доступ к части отчётов по церемониям последние шесть лет, — сказала Лирена.

— Как трогательно. Уберите.

— Уже убрано, Ваше Величество.

— Лирена, если вы продолжите быть настолько полезной, я начну пугать дворец меньше, чтобы не мешать вашей работе.

— Не стоит, Ваше Величество. Дворец хорошо работает, когда его немного пугают.

День пролетел мимо меня с реактивной скоростью.

Сначала служебные записи. Потом отчёты по кухне. Потом списки лекарей. Потом переходы, по которым за последний месяц проходили двадцать три раза, хотя числились закрытыми. Потом склад тканей, где обнаружились подарки от трёх великих домов, оформленные как «поздравительные наборы для новой Императрицы», но принесённые до моего прибытия.

Эйла забрала список себе, пообещав проверить ткани на яды, метки, запахи, вплетённые нити, микрописьмо и происхождение.

— Я просто хотела сказать «на всё мерзкое», — вздохнула Найра.

— Это неточно.

— Зато короче.

Мы проверяли записи дворца до полудня, потом до второго часа, потом я перестала смотреть на время. В какой-то момент Лирена поставила передо мной чашку и сказала:

— Пейте.

— Что это?

— Чай. Проверенный. Трижды.

— Вкусный?

— Полезный.

— То есть нет.

— Ваше Величество.

Чай оказался горьким, конечно.

— Лирена, вы служанка или замаскированный врач?

— Сегодня — то, что необходимо.

Эйла вернулась с тремя тканями: в одной была вплетена отслеживающая нить, во второй — слабый ароматический маркер, третья была чистой, но её происхождение подменили в журнале через служанку третьего ранга из павильона Вейлис.

— Наблюдаем, — сказала я. — И кормим нужной информацией.

Вот так.

Медленно.

Тихо.

Незаметно.

Вычищать дворец не одним красивым ударом, а тонкими разрезами, после которых старые гнёзда начнут терять тепло и не сразу поймут почему.

— Всех слуг дворца нужно проверить заново, — сказала я. — Не только внутренний штат. Кухни, склады, сады, купальни, лекарский блок, прачечные, водные системы. Всех.

Лирена подняла взгляд.

— Это займёт время.

— Поэтому начнём сегодня. Тихо. Вчера я показала, что могу ударить открыто. Теперь пусть смотрят на двери, пока мы откроем пол.

Найра моргнула.

— Пол?

— Образно.

— А. Жаль.

Эйла тихо сказала:

— Иногда под полом больше правды.

— Вы пугаете меня всё больше. — Я помолчала. — Я не сказала, что это плохо.

Лирена тем временем открыла следующий раздел, и её лицо изменилось.

Не сильно.

Но я уже начала учиться читать её «не сильно». Она застыла с таким выражением, будто в руках у неё не гологра-

фический планшет, а бомба, красиво завёрнутая в отчётную форму.

— Что это?

— Ваше Величество… это журнал посещения императорами наложниц. Он входит в обязанности Императрицы. Вы должны проверять регулярность посещений, следить, чтобы ни одна наложница не получила чрезмерного преимущества, регулировать очередность, учитывать состояние здоровья и политический баланс семей.

Я начала смеяться.

Не красиво.

Не тонко.

Почти истерично, закрыв лицо ладонью, потому что иначе пришлось бы кричать или разбить этот проклятый планшет об стену.

Найра испуганно дёрнулась.

Эйла моргнула.

Лирена стояла как статуя.

— Конечно, — выдохнула я сквозь смех. — Почему бы и нет. Управление гаремом и графиком того, кто к кому ходит греть постель. Прекрасно. Обожаю политическую многозадачность.

— Ваше Величество, это важный инструмент внутреннего равновесия.

— Лирена, я понимаю. Именно поэтому мне и смешно. Давайте вашу бомбу.

Я открыла журнал.

И пожалела, что не попросила вина заранее.

Журнал был не хаотичным, а выверенным до тошноты. Вайрес, Риаш и Элиан Саэ'Вар посещали наложниц не часто, но достаточно регулярно, чтобы ни один великий дом не счёл себя публично оскорблённым. Холодно. Расчётливо. Дипломатия чистой воды.

Постель как продолжение совета.

Близость как пункт в балансе великих семей.

Три правителя, у которых даже ночи были расписаны как дипломатический маршрут.

Мерзко.

И, что бесило сильнее, разумно.

Если быть честной, журнал не выглядел следом страсти. Слишком ровно. Слишком сухо. Слишком выверенно. Я даже не знала, сколько в этих «посещениях» было тела, а сколько политики, ритуала и демонстративного равновесия.

Но сегодня мне было проще злиться.

Проще думать: три холодных саарха, которые превратили постель в ещё один зал совета.

Проще, чем признать, что меня задела не их близость с наложницами.

А сравнение.

Риас, Шарис и Лиан никогда не были такими.

Или я хотела верить, что не были.

Их руки были жадными, живыми, иногда пугающе неж-

ными, но настоящими. Их взгляды не вписывались в расписание. Их голоса не ложились в график политического равновесия. Когда они касались меня, мир становился слишком близким, слишком горячим, слишком опасным, но не мёртвым.

А эти трое закрытых тирана превратили даже прикосновение в государственный инструмент.

Меня не должно было это трогать.

Я приехала сюда по договору.

Я не знала их.

Не хотела знать.

Не собиралась бороться за место в их расписании.

И всё равно на белой ткани моего рукава пальцы сжались слишком сильно.

— Ваше Величество, — тихо сказала Лирена.

Я поняла, что слишком долго молчу.

Уши были ровными.

Хвост тоже.

Хорошо.

— В пределах нормы, — сказала я, закрывая несколько строк. — Даже скучно. Сразу видно — не страсть, а дипломатия. Точные интервалы, аккуратные паузы, холодный расчёт.

Лирена смотрела на меня почти с уважением.

— Вы быстро поняли.

— Я выросла в семье, где политику могли объяснить на

примере завтрака и того, кто первым сел в кресло. Журнал посещений — не самая тонкая вещь, которую я видела.

— Вам нужно будет утвердить следующий период.

— Сегодня? Нет.

— Ваше Величество…

— Нет, Лирена. Если я сегодня начну регулировать, кто из императоров к какой наложнице пойдёт, я найду способ сделать это с таким злым юмором, что договор между системами может не пережить ночь.

Лирена сжала губы.

— Тогда я отмечу: перенесено по распоряжению Императрицы.

— Отметьте: Императрица ещё не настолько прониклась гаремной дипломатией.

— Так нельзя писать.

— Жаль.

— Я подберу форму.

— Вы сокровище.

Я поднялась из-за стола, и все голографические панели погасли одна за другой. За окнами уже сгущался вечер, вода в пруду стала почти чёрной, фонари зажглись вдоль мостиков.

Дворец забрал этот день почти целиком.

Разбудил меня.

Одел.

Проверил.

Поставил на трон перед наложницами.

Заставил вскрывать его служебные вены.

Подсунул журнал чужой близости и попытался сделать меня распорядительницей того, что мне хотелось сжечь вместе с планшетом.

Хватит.

Оставшееся — моё.

Я провела пальцами по чёрно-белой ленте в волосах, и колокольчики ответили тихим звоном.

— Подготовьте лёгкое вино, фрукты и плед, — сказала я. — Я хочу пройти в императорский сад, к озеру.

— Там ночью очень красиво, Ваше Величество! — оживилась Найра. — Вода отражает фонари, и если идти через бамбуковый мост, то почти никто не видит.

— На большом расстоянии, — предупредила я Лирену.

Когда она попыталась возразить, я добавила:

— Лирена, мне нужно тишины.

Она вгляделась в меня: белый наряд, чёрная лента, минимум украшений, усталость, желание вина и тишины.

И наконец сказала:

— Охрана будет далеко, но в пределах реакции. Нокса идёт с вами.

Виррена поднялась ещё до того, как я ответила.

— Разумеется.

Эйла задержалась на секунду.

— Сегодня в саду влажно, каменные мостики после дождя

скользкие. У озера звук идёт дальше, чем кажется. И тени у воды глубже, чем в галереях.

Я чуть прищурилась.

— Это предупреждение или приглашение?

— В Са'Рет часто одно и то же.

Умная девочка.

— Учту.

Я осталась в кабинете одна.

Почти.

Нокса подошла и ткнулась носом в мою ладонь — чёрная тёплая тень среди тёмного дерева и голографических систем, делавших этот древний кабинет не местом работы Императрицы, а разведывательным узлом внутри вражеской красоты.

— Пойдём, маленькая тень, — сказала я тихо. — Время вспоминать.

Я закрыла глаза.

На один только вдох позволила себе увидеть их.

Риаса — склоняющегося надо мной со своим холодным: «ты опять рискуешь больше нужного».

Шариса — смеющегося так, будто весь мир создан для драки и моих возмущённых ушей.

Лиана — улыбающегося у самой кожи, красивого, ядовитого, невозможного.

Больно стало не сразу.

Сначала пусто.

А потом боль поднялась медленно, знакомо, как вода в тёмном озере.

Я открыла глаза.

В отражении окна на меня смотрела Императрица Са'Рет в белом траурном одеянии — холодная, ровная, живая.

Дворец мог забрать моё утро, мой стол, мои отчёты, мои покои, мой голос в зале и даже попытаться всучить мне расписание чужих ночей.

Но этот вечер он не получит.

Как бы больно это ни было, сегодня я буду помнить сама.

Глава 9

Ариэль

Озеро оказалось именно там, где Найра и обещала: за бамбуковой галереей, через узкий мостик из чёрного камня, вдоль низкой стены с резными змеями и мимо закрытого чайного павильона, где фонари горели приглушённым золотом, а занавеси едва шевелились от ночного ветра.

Сад императорского дворца был красив не просто ухоженностью и не просто роскошью.

Он был красив так, как умеют быть красивы места, созданные для власти, одиночества и чужих тайн.

Вода лежала тёмной гладью между каменными берегами, и на ней дрожали отражения фонарей: длинные золотые дорожки, тонкие пурпурные всполохи, серебристая рябь. По краям росли деревья с длинными гибкими ветвями, похожие на плакучие ивы, только листья у них были уже, темнее и при движении тихо звенели. Одно дерево склонялось почти к самой воде, касалось её поверхности тонкими ветвями и каждый раз, когда ночной ветер проходил по саду, оставляло на озере расходящиеся круги.

Я выбрала место под ним.

Не самое открытое.

Не самое скрытое.

Достаточно близко к воде, чтобы слышать каждый мягкий плеск, и достаточно далеко от галереи, чтобы охрана, оставшаяся за поворотом по приказу Лирены, не видела моего лица.

Найра постаралась: плед был мягкий, тёплый, тёмно-синий, почти чёрный, вино — лёгкое, фруктовое, не слишком крепкое, а в корзине лежала записка от Эйлы:

«Проверено трижды. Всё равно проверьте сами».

Я проверила.

Эйла права.

Нокса обошла выбранное место широким кругом, понюхала траву, камни, дерево, воду, фыркнула на одну резную садовую змею и наконец улеглась рядом — огромная чёрная тень у золотого озера, с синими глазами, светившимися в полумраке почти нереально.

— Не рычи на декор, — сказала я.

Она положила морду на лапы и тяжело вздохнула.

— Да, я тоже считаю, что змей здесь слишком много.

Я опустилась на плед рядом с ней и прислонилась спиной к её боку. Шерсть пахла не дворцом, не тканями и не чужой властью. Ноксой. Теплом. Чем-то свободным — насколько свобода вообще могла уместиться в виррене, запертой во внутреннем дворце чужой системы.

Небо над садом было тёмным, глубоким, с редкими звёздами между лёгкими облаками. За крышами павильонов скрывался главный дворец, и где-то там жили трое импера-

торов Саэ'Вар — мои официальные мужья, тираны, которых я всё ещё не видела. Где-то в других павильонах наложницы считали утренние удары и думали, куда ударить завтра.

Здесь же была только вода, фонари, Нокса и пустота внутри меня, которая каждый год в этот день становилась глубже.

Я взяла чашу с вином, и колокольчики на чёрно-белой ленте тихо звякнули у плеча.

Сегодня они не успокаивали.

Каждый звук был слишком острым.

Вино оказалось мягким, с лёгкой кислинкой. Хорошее. Почти обидно хорошее, потому что пить его нужно было не здесь, не одной и не во дворце Императрицы Са'Рет.

Мы должны были быть в горах.

Или в лесу.

Или на «Нок'Тейре».

Лиара должна была сидеть рядом, укутавшись в белый плащ. Каэль — говорить что-нибудь неуместное, чтобы все сначала захотели его ударить, а потом всё же рассмеялись. Лурин — ворчать про голодный желудок и всё равно наливать себе. Арек — молчать дольше всех. Дейр — делать вид, что у него не дрожат пальцы.

А я обычно держалась до конца.

Улыбалась.

Поднимала чашу.

Говорила имена тех, кого мы не вытащили.

И только потом уходила туда, где меня не видят, — к ним.

К троим, которых тоже не вытащила.

Комм на запястье едва заметно нагрелся, и над браслетом вспыхнула маленькая голограмма.

Не сообщение словами.

Снимок.

Команда, все в белом, сидели в каменном павильоне на фоне горного заката. Лиара в центре, волосы распущены, глаза тёмные от боли. Каэль поднял чашу выше всех. Лурин держал медицинский контейнер рядом с вином. Арек стоял за их спинами. Дейр криво улыбался. Эрис смотрел прямо в объектив.

Под снимком — короткая строка:

«Мы помним. Мы рядом».

Я смотрела на них слишком долго.

Изображение начало расплываться — может, из-за света, может, из-за глаз. Потом я подняла комм, сделала снимок в ответ: Нокса рядом, моя рука с чашей вина, край белого рукава, золотая дорожка фонаря на воде.

Через несколько секунд пришёл ответ от Лиары:

«Ты не одна».

Я улыбнулась слегка, печально, и прошептала:

— Знаю.

Но сад всё равно был слишком тихим.

Час прошёл почти незаметно. Я сидела, прислонившись к Ноксе, смотрела на воду и позволяла пустоте приходить, не сопротивляясь.

Сегодня ей можно.

Боли можно.

Памяти можно.

Я позволила себе вспомнить не катастрофу.

Их лица.

Риас в нашей общей квартире, стоящий у стола с таким видом, будто расписание занятий лично оскорбило его стратегическое чувство прекрасного. Его взгляд — тёмный, спокойный, слишком голодный под этой проклятой выдержкой.

Шарис, который однажды поставил меня на стол в пустой аудитории и целовал так, будто каждый поцелуй — драка, в которой он собирается победить, но каждый раз злится, что я кусаюсь в ответ.

Лиан, сидящий на подоконнике со своей опасной улыбкой, слишком близко, касающийся моего уха губами:

«Мне — всё. Я жадный».

Они были жадными.

Властными.

Опасными.

Слишком собственническими для моей свободы и слишком живыми для моего одиночества.

Я уже тогда понимала: если кто-то и сможет стать моей стаей, то они.

Иногда представляла, как мы после Академии будем ругаться из-за корабля, маршрутов, политики. Как Шарис опять решит проблему ударом, Риас — приказом, а Лиан —

таким ядовитым разговором, после которого противник сам приносит ключи. Иногда представляла дом с окнами на воду и шумной командой в соседних комнатах.

Эта мысль разрезала грудь так, что я на миг перестала дышать.

Нокса ткнулась носом мне в плечо.

— Когда-то давно я очень любила танцевать, — сказала я, проведя пальцами по её шерсти. — По-настоящему. До сбитого дыхания, до боли в ступнях, до того состояния, когда тело думает быстрее головы, а хвост больше не мешает.

Вино не помогло.

Горло всё равно сжалось.

— Я всегда хотела станцевать для них. Думала, однажды будет вечер, я включу музыку, Шарис сначала будет издеваться, потом замолчит. Риас сделает вид, что просто наблюдает, но запомнит каждый шаг. Лиан улыбнётся так, будто уже понял что-то слишком личное.

Я замолчала.

Потом выдохнула:

— Не успела. Поэтому каждый год в этот день я танцую.

Я встала.

Ночной воздух коснулся лица, прошёл под широкими рукавами, задел белые волосы. Хвост медленно распрямился за спиной, уши поднялись сами, ловя тишину.

Я включила музыку через комм — тихую, с ритмом, похожим на сердцебиение и шаги по камню, — и начала с мед-

ленного шага.

Пятка коснулась камня.

Потом носок.

Поворот кисти.

Мягкий звук колокольчиков.

Руки поднялись плавно, раскрывая широкие белые рукава. Чёрная и пурпурная вышивка мелькнула в золотом свете, пальцы сложились в жест, который когда-то означал воду, потом память, потом утрату.

Я не думала.

Тело помнило.

Ступни отбивали ритм всё увереннее, юбка закручивалась вокруг ног белой волной, хвост двигался за мной — не мешая, а продолжая линию поворота.

Поворот.

Ещё.

Быстрее.

Колокольчики звенели чаще, а руки рассказывали то, что голос не мог произнести.

Вот встреча.

Вот смех.

Вот ладонь у моего уха.

Вот три тени рядом.

Вот огонь боя.

Вот разрыв.

Я закружилась, белое одеяние распахнулось вокруг меня

лунным цветком, и музыка вошла в кровь, в кости, в пустоту под рёбрами.

Я танцевала для них.

Для тех, кого потеряла.

Для будущего, которое умерло, не родившись.

Для девушки, которая когда-то думала, что боль можно пережить, если не останавливаться.

Для женщины, которая выжила и всё ещё помнила, как звучал их смех.

Я так увлеклась, что не почувствовала приближения.

Не услышала шаги.

Не заметила, как Нокса поднялась.

Только когда её низкий рык разрезал музыку, я открыла глаза шире, но тело ещё двигалось. Руки завершали линию, поворот, шаг — и голос из прошлого произнёс:

— Лиэль.

Мир остановился.

Музыка продолжала играть, но я её больше не слышала.

Нокса стояла у пледа, вся напряжённая, чёрная шерсть на загривке поднялась, клыки обнажены, и рык шёл из груди глубокий, предупреждающий.

Я медленно повернулась.

На берегу озера, в десяти шагах от меня, стояли трое.

Риас.

Шарис.

Лиан.

Нет.

Не могли.

Не здесь.

Не в этом саду.

Не спустя семь лет.

Моя тоска наконец сошла с ума — слишком много боли за день, и мозг решил подарить мне самый жестокий мираж из возможных.

Они были старше.

Не годами — саархи почти не меняются так быстро, — но стали тяжелее, опаснее. Власть легла на них, как тёмные плащи, пропитанные кровью.

Риас стоял чуть впереди, неподвижный, смертельно спокойный, но я видела: его контроль треснул, а он держит осколки голыми руками.

Шарис смотрел на меня так, будто мир только что ударил его в грудь и он всё ещё решает, убить мир или упасть на колени.

Лиан не улыбался. И от этого стало страшнее всего.

Я смотрела на них и не могла вдохнуть.

Если это сон — пусть.

Если память — пусть.

Если безумие — пусть хотя бы сегодня будет милосердным.

Я улыбнулась.

Тепло.

Почти счастливо.

— Вы поздно, — прошептала я.

Шарис издал звук, похожий на сорванный вдох.

А потом оказался рядом.

Он схватил меня в объятия так крепко, что рёбра болезненно сжались. Горячая грудь. Железные руки. Его дыхание у моего виска — рваное, звериное, почти рычащее. Сердце билось у моей груди быстро, тяжело, живо.

Настоящее.

Слишком настоящее.

Нокса рванулась вперёд с яростным рыком.

— Нокса, нет! — выдохнула я.

Она замерла.

А я не могла пошевелиться.

Потому что он был тёплым.

Пах кровью, дождём, кожей, властью и чем-то старым, от чего у меня дрожали пальцы.

— Лиэль, — выдохнул он мне в волосы. — Бездна… Лиэль.

У меня задрожали руки.

Не обнять.

Не оттолкнуть.

Просто задрожали в воздухе, беспомощно, как у той, кого внезапно вернули в собственную смерть и сказали: смотри, она была ошибкой.

— Ты настоящий? — спросила я тихо.

— Настоящий.

Голос сломался у Шариса.

У того самого Шариса, который смеялся в лицо боли.

— Живая. Ты живая. Ты здесь. Ты… белая. Почему ты белая?

Я закрыла глаза на миг и позволила себе упасть в это.

В его руки.

В невозможное тепло.

В то, как рядом подошёл Риас — медленно, будто боялся спугнуть. Его ладонь легла мне на затылок поверх белых волос, тяжёлая, осторожная, почти неверящая.

Лиан коснулся моей руки едва-едва, пальцами, будто проверяя, не исчезну ли.

— Мы искали тебя, — сказал он тихо. — Лиэль… мы искали.

Я открыла глаза.

И увидела их лица так близко, что сердце на миг забыло, как биться.

Риас смотрел так, будто любое неверное движение разорвёт его изнутри.

Шарис прижимал меня к себе, и его губы дрожали у моего виска.

Лиан смотрел без улыбки, глазами слишком тёмными и слишком полными того, чего я не могла вынести.

— Я думала, вы умерли, — сказала я мягко.

Просто правдой, которая слишком долго лежала под язы-

ком.

— Но это было хуже смерти. Сначала я чувствовала, что вы живы. Потом связь молчала. Потом я решила, что вы бросили меня. Потом снова хоронила вас, потому что ненавидеть мёртвых легче, чем живых, которые не пришли.

Шарис резко втянул воздух.

Риас закрыл глаза.

Лиан сжал мои пальцы.

— Нет, — сказал Риас. — Мы выжили.

— Как видишь, — выдохнул Шарис, и это должно было прозвучать привычно, дерзко, по-старому.

Не прозвучало.

Слишком больно.

Шарис отстранился ровно настолько, чтобы посмотреть мне в лицо. Его глаза пробежали по моим волосам, ушам, ленте, белому одеянию.

— Что с тобой случилось?

Я улыбнулась медленно и печально.

— Вы.

Он побледнел.

И именно в этот момент первое настоящее осознание коснулось меня когтем.

Не через лица.

Не через голоса.

Через металл.

Сначала я увидела знак — не лицо, не волосы, не глаза.

Знак Саэ'Вар на тяжёлом поясе Шариса. Тот самый изгиб змея, та же форма императорской печати, тот же символ, что был выгравирован на моём кольце.

Металл на пальце вдруг стал ледяным.

Я посмотрела на Риаса.

Не одежда знатного брата из клана Саэ'Нар.

Императорские ткани.

Знаки власти.

Тяжёлый пояс.

Печать.

Затем на Лиана.

То же.

Потом вниз — на собственную руку.

Кольцо Императрицы Са'Рет.

Чёрное.

Холодное.

Безжалостно настоящее.

Риас Саэ'Нар, Шарис Саэ'Нар, Лиан Саэ'Нар не существовали.

Как не существовала Лиэль Лен.

Вайрес Саэ'Вар.

Риаш Саэ'Вар.

Элиан Саэ'Вар.

Три императора.

Мои официальные мужья.

Их гарем.

Их дворец.

Их наложницы.

Их журнал посещений.

Семь лет.

— Кольцо, — хрипло сказал Риас.

Нет.

Вайрес.

— Ты носишь кольцо Императрицы.

Этот факт добил всё, что ещё пыталось держаться за мираж.

Я отшатнулась от Шариса.

Нет.

От Риаша.

Он попытался удержать, но я ударила его по рукам. Не сильно. Но он отпустил так, будто я вонзила клинок.

— Нет, — прошептала я.

Нокса мгновенно оказалась между мной и ними, рыча низко, страшно, всей шерстью дыбом.

— Лиэль, — сказал Лиан.

Нет.

Элиан.

Элиан Саэ'Вар.

Император.

Тот, кого я оплакивала семь лет.

— Не называй меня так.

Тишина ударила сильнее крика.

Вайрес сделал шаг.

— Ариэль.

Моё настоящее имя в его голосе разбило что-то последнее.

Они знали.

Не всё.

Но знали моё имя.

Я вышла замуж за трёх незнакомых императоров Са'Рет — и это были они. Я не знала, что иду к ним. В их систему. В их жизнь, которую они успели заполнить властью, кровью, наложницами, традициями и чёртовым журналом посещений.

А они стояли передо мной живые.

Живые.

Живые.

— Нет! — повторила я громче.

Тьма ударила из меня раньше, чем я успела подумать. Чёрная, живая, густая, она встала между мной и ими высоким полукругом, отрезая берег, воду, фонари, их лица.

Сердце грохотало.

Уши прижались к голове.

Хвост метнулся за спиной, будто искал, за что зацепиться, но не находил ничего, кроме воздуха.

— Ариэль! — рявкнул Риаш.

Ложь.

Всё ложь.

Я засмеялась.

Сначала тихо.

Потом громче.

Захлёбываясь слезами.

— Семь лет. Я умереть должна была. Когда связь разорвалась, я должна была умереть.

Слова вырывались рваными кусками.

Без красоты.

Без власти.

Без императорской выдержки.

— Мама держала меня трое суток. Меня ввели в кому. Я проснулась белой и думала: почему я жива, если вас нет?

За стеной тьмы было тихо.

Риаш дышал рвано, как зверь перед броском.

Вайрес молчал, но его сердце билось не так ровно, как раньше.

Элиан — почти не дышал.

— А вы? — Я сжала пальцы, и тьма дрогнула. — Где все эти годы были вы? Где?!

Фонари закачались.

Вода у берега вздыбилась чёрной рябью.

— Мы искали, — сказал Вайрес.

— Искали?

Я почти выплюнула это слово.

— Как красиво. Как удобно. А до этого? Когда я лежала в коме. Когда команда вытаскивала меня по кускам. Когда я

училась жить с пустотой в груди. Где вы были?

— В Са'Рет, — сказал Элиан тихо.

Его голос стал опасно мягким — тем самым, от которого когда-то у противников холодели пальцы.

Теперь холодело у меня.

— Нашу мать отравили. Начался переворот. Мы были ранены. Связь спасла нам жизнь и разорвалась. Мы не знали, что это сделает с тобой.

— Не знали, — повторила я.

Маленькими, пустыми словами.

— Не знали.

Я открыла глаза и посмотрела на чёрную стену тьмы, за которой стояли трое живых мертвецов моего прошлого.

— А потом? Потом вы стали императорами. Захватили власть. Вырезали клан. Построили гарем. Завели наложниц. Спали с ними. Регулировали посещения так аккуратно. Очень дипломатично. Очень разумно. Очень по-императорски.

Риаш издал звук, похожий на рычание боли.

— Не смей думать, что они что-то значили.

Слова сорвались у него грубо, почти зло.

Но под злостью была боль.

Я услышала.

И возненавидела себя за то, что услышала.

— Правда? — спросила я тихо. — А что они значили, Риаш Саэ'Вар? Баланс? Семьи? Политика? Удобные тела, что-

бы великие дома не взбесились? Какое красивое объяснение. Почти не мерзко.

— Ариэль, — Вайрес сказал моё имя так, будто пытался удержать меня голосом, — мы не знали, что Императрица — ты.

— И что?

Я шагнула назад.

Нокса пошла со мной, не сводя с них глаз.

— Если бы знали, гарем стал бы чище? Наложницы исчезли бы? Семь лет их не было бы в ваших постелях? Семь лет меня не было бы в земле ваших решений? Что изменилось бы, Вайрес?

Он молчал.

И это молчание ударило сильнее любого ответа.

— Ясно.

— Не ясно, — сказал Элиан резче.

И впервые в его голосе треснула мягкость.

— Ничего не ясно. Мы думали, что отпускаем тебя на свободу. Что не имеем права запереть тебя в этом дворце. Что рядом с нами ты умрёшь быстрее, чем вдали от нас. Мы ошиблись. Чудовищно. Но не потому, что не…

— Не смей, — перебила я. — Не смей говорить мне про любовь, стоя во дворце, где у тебя гарем.

— Этот гарем был политическим инструментом, — сказал Вайрес.

— А я теперь кто? Не такой же политический инстру-

мент?

— Нет.

Его голос стал ниже.

Страшнее.

Слишком знакомо.

— Ты — наша истинная.

Истинная.

Слово, которым когда-то можно было спасти меня.

Сейчас оно прозвучало как клеймо.

Как попытка назвать своим то, что семь лет выживало без них.

Как дверь, которую мне показали слишком поздно.

Я отступила ещё на шаг.

— Не надо.

— Ариэль…

— Не надо!

Тьма взметнулась выше.

Голова резко заболела — слишком много дара, слишком много боли. Я не хотела слушать. Не могла. Потому что если останусь ещё на вдох, то либо рухну, либо позволю им подойти, либо сама брошусь к ним.

А потом возненавижу себя сильнее.

Вот что было страшнее всего.

Не их ложь.

Не гарем.

Не семь лет.

А то, что часть меня всё ещё хотела туда — в руки, в тепло, в невозможное «живая».

Проклятье.

Я уже однажды выжила.

Выживу и сейчас.

— Нокса!

Виррена мгновенно прижалась к моей ноге.

Я сняла стену тьмы только на долю секунды, чтобы увидеть их.

Вайрес стоял неподвижно, белый от ужаса.

Риаш выглядел так, будто сейчас разорвёт мир, если мир не отдаст ему меня обратно.

Элиан смотрел с такой болью, что мне захотелось ударить его за то, что она вообще имеет право существовать.

Я запомнила.

Прокляла себя за это.

И обратилась.

Звериная форма вырвалась резко, больно: белый свет шерсти, хруст перестраивающегося тела, рывок позвоночника, когти по камню. Мир стал ниже и ярче звуками, всё ударило по инстинктам.

Риаш рванулся вперёд с криком:

— Ариэль!

Но я уже прыгнула.

Через берег.

Через низкую стену.

Мимо дерева с ветвями, касающимися воды.

Камень мелькал под лапами. Сад превращался в линии фонарей, мостов, бамбука и чёрных крыш. Сзади раздался змеиный рёв — может, Риаш, — но я не оборачивалась.

Нельзя.

Нокса бежала рядом, мощная, быстрая, доверяя каждому рывку.

Охрана у галереи попыталась шагнуть навстречу, но я пронеслась мимо так быстро, что один из воинов едва удержался на ногах.

— Ваше Величество?!

Не останавливаться.

Во дворец Императрицы.

В мою клетку.

В мою крепость.

В единственное место здесь, где власть принадлежит мне.

Я ворвалась через боковые ворота уже на грани обратного перехода. Слуги в коридоре вскрикнули и попадали в поклоны, кто-то уронил поднос, Нокса зарычала на стражу.

Я вернулась в гуманоидную форму у входа в главный внутренний двор — резко, неровно. Шпильки сбились, чёрно-белая лента висела криво, колокольчики звенели безумно. Я стояла босая на холодном камне и дышала так, будто бежала от смерти.

Нет.

Хуже.

От прошлого, которое оказалось живым.

Лирена выбежала первой.

За ней Найра и Эйла.

Лицо Лирены побледнело, но она не задала ни одного лишнего вопроса.

— Ваше Величество.

— Закрыть ворота дворца Императрицы. Я не принимаю никого. Особенно императоров.

Стражник шагнул вперёд.

— Ваше Величество?

Я повернула голову.

Уши прижаты.

Тьма ползёт по пальцам.

— Закрыть. Ворота. Дворца. Императрицы.

— Да, Ваше Величество.

— Вы слышали приказ Императрицы, — добавила Лирена ледяным голосом. — Закрыть ворота. Внешний периметр — на полный запрет допуска. Без личного разрешения Её Величества никто не входит.

— Но если Их Величества…

Лирена повернула голову.

— Вы хотите, чтобы я повторила приказ Императрицы медленнее?

Стражник склонился.

— Нет, старшая служанка.

Дворец пришёл в движение.

Стража бросилась к воротам, загудели защитные механизмы, каменные створы начали закрываться, тонкие пурпурные линии защиты вспыхнули вдоль галерей.

Это был не просто побег.

Не истерика.

Не женская обида, которую завтра можно будет обернуть шелестящим протоколом.

Я закрывала внутренний дворец перед императорами Са'Рет.

Использовала их же закон, их же печать, их же дарованную мне власть против них.

Пусть весь дворец слышит.

Пусть знает.

Императрица не принимает Змеиный Трон.

Найра смотрела на меня широко раскрытыми глазами. Эйла уже оценивала коридоры, слуг, окна, возможные слухи и следы на моей одежде. Нокса встала передо мной и рычала на всех сразу.

— Ваше Величество, — Лирена подошла ближе, — вы ранены?

Я смотрела на неё и не могла ответить.

Ранена — да.

Но не так, как она могла подумать.

— Никого ко мне не впускать. — Голос был сорван, но приказ прозвучал. — Лирена.

Она замолчала и увидела — не знаю, что именно было в

моём лице, но достаточно.

— Как прикажете, — сказала она тихо.

Я пошла в свои покои.

Слуги расступались, падали в поклоны, исчезали в стороны. Я не видела их лиц, только слышала слишком много сердец, когда внутри всё снова рвалось.

Двери спальни открылись.

Нокса попыталась войти за мной, но я остановилась и посмотрела на неё.

Она тихо заскулила.

И это почти сломало меня окончательно.

— Останься снаружи. Не сейчас.

Она упёрлась лапами.

Нет.

— Пожалуйста.

Нокса замерла.

Поняла.

Не согласилась, но поняла.

Лирена стояла за её спиной.

— Я останусь у двери, Ваше Величество.

Я кивнула и закрыла дверь.

Потом подняла руку, и тьма сорвалась с пальцев, ударила по створкам, поползла по косякам, сплелась в плотную печать.

Один слой.

Второй.

Третий.

Чтобы никто не вошёл.

Я стояла посреди спальни несколько секунд.

Потом ноги подкосились.

Я упала на пол, ударилась коленями о камень, руками о ковёр, и боль в теле оказалась такой маленькой, что я почти рассмеялась.

А потом закричала.

Криком, который семь лет жил под кожей и наконец нашёл дверь.

Я кричала в собственную грудь, где снова рвалось всё, что я так долго сшивала.

Риас жив.

Шарис жив.

Лиан жив.

Вайрес.

Риаш.

Элиан.

Императоры Са'Рет.

Мои мужья.

Моя истинная связь.

Моё прошлое.

Моя новая клетка.

Всё одно.

Я смеялась сквозь вой и задыхалась от слёз. Пальцы скребли ковёр, будто можно было разорвать ткань и прова-

литься ниже.

— Ненавижу, — выдохнула я.

Не знаю кому.

Им.

Себе.

Судьбе.

Связи.

Той девочке из Вар'Кела, которая слишком сильно поверила в три пары рук.

— Ненавижу…

Тьма в комнате дрожала, печати на дверях пульсировали.

Где-то снаружи Нокса выла тихо и протяжно, и этот звук добил меня окончательно.

Я свернулась на полу, прижимая руки к груди. Белые волосы рассыпались вокруг лица. Уши прижались так сильно, что болели. Хвост обвился вокруг ног мёртвой петлёй.

Колокольчики на ленте звякнули последний раз.

И я ломалась.

Не как Императрица.

Не как капитан.

Как та, кто семь лет носила в себе скорбь, злость и любовь.

И вдруг узнала, что всё это время оплакивала живых.

Глава 10

Элиан

Траурный ритуал завершился после заката.

В закрытом зале памяти не было ни придворных, ни слуг. Только мы трое, тёмная вода в длинной каменной чаше, белые ленты с именами погибших Вар'Кела и три чаши горького вина.

Я смотрел, как последняя белая лента медленно тонет в чёрной воде.

Ткань намокала не сразу. Сначала держалась на поверхности, дрожала от лёгкого движения воздуха, ловила слабый свет ламп, потом край уходил вниз, и имя, написанное серебряными чернилами, расплывалось. Вода принимала его без всплеска.

Слишком тихо.

Смерть редко бывает такой тихой.

Я до сих пор помнил, как она звучала тогда: взрывы, металл, крики, рёв вайрханов, треск горящих деревьев, хрип Риаша, пытавшегося подняться, хотя из его бока текла кровь, голос Вайреса — ледяной и ломкий, когда он орал Саэрису разворачивать корабль, — и пустота там, где должна была быть Лиэль.

Мой внутренний змей лежал во мне тяжёлыми кольцами.

Сегодня он не шипел. Не метался. Не искал, кого укусить.

Просто смотрел в ту же чёрную воду, что и я.

И молчал так глубоко, что это молчание становилось болью.

Саархи плохо переживают беспомощность. Мы созданы не для неё. Мы кусаем, давим, душим, захватываем, превращаем угрозу в труп, а труп — в предупреждение.

Но беспомощность пахнет иначе.

Гнилью внутри.

Тем ядом, который не находит выхода.

Семь лет назад нас вырвали из боя, из пасти войны, и увезли туда, где наша мать уже умерла от чужого яда, а императорский дворец захлёбывался переворотом. Нас заставили выбрать Са'Рет, но итог от этого не стал мягче: Лиэль осталась там, и связь, которую она сама сплела вокруг нас с такой страшной, нежной, безрассудной силой, спасла наши жизни.

И оборвалась.

Я поднёс чашу к губам. Вино было терпким, горьким, с пряным послевкусием. Я позволил этому жжению стать единственной честной частью ритуала.

Риаш стоял справа. Неподвижный только снаружи. Его внутренний змей метался под кожей, и воздух рядом с ним становился тяжёлым от сдержанной ярости.

Вайрес — слева. Слишком холодный. Слишком тихий.

Когда Вайрес становился тихим, весь дворец инстинктивно дышал осторожнее.

— Последняя, — сказал он.

Мы взяли ленту без имени.

Её всегда оставляли для тех, кого не нашли. Для тех, о ком официальные списки молчали, а память — нет.

Каждый раз я думал о ней.

О Лиэль Лен.

Имени, которого не существовало.

Девушке, которую мы искали два года и не нашли.

Нашей истинной, которую мы отпустили во имя её свободы, а потом потеряли так, что даже мёртвых иногда находят легче.

Я опустил ленту в воду.

Риаш резко отвернулся.

Вайрес закрыл глаза.

А я улыбнулся.

Не потому что было смешно.

Потому что иначе пришлось бы показать зубы миру, который всё ещё имел наглость существовать.

Мы вышли из зала памяти молча.

Дворец пах иначе: жизнью, вечерним дождём, тёплыми камнями, благовониями и страхом, который после вчерашнего прибытия новой Императрицы всё ещё не выветрился из коридоров.

Я не хотел думать о ней.

Хотел не думать вообще.

Риаш первым нарушил тишину:

— Я не пойду в кабинет.

— Я не звал, — ответил Вайрес.

— Ты подумал.

— Ты слишком громко ненавидишь стены.

Риаш оскалился.

— Сегодня я ненавижу всё.

— Это уже ближе к обычному состоянию, — сказал я.

Он бросил на меня тёмно-бордовый взгляд, голодный до драки.

— Хочешь проверить?

— В годовщину? Нет. Я сегодня слишком красив для сломанного носа.

— Самодовольная змея.

— Ты произносишь это как оскорбление, хотя в нашей семье это почти ласка.

Вайрес тихо выдохнул.

Не смех.

Но что-то рядом.

— Пройдёмся, — сказал он.

Мы вышли через южную галерею в императорский сад, где ночь уже легла на крыши, фонари горели мягким золотом, а вода между каменными берегами казалась почти чёрной.

Я вдыхал медленно, пытаясь отделить сегодняшний вечер от той планеты. Не получалось. Мокрая земля всё равно напоминала кровь, а дальний металлический звук — оружие.

Боль умеет выбирать собственные смыслы.

У поворота бамбуковой галереи стояли стражники дворца Императрицы — слишком прямо для обычного поста. Оба поклонились сразу.

— Почему здесь пост? — спросил Вайрес.

— Приказ дворца Императрицы, Ваше Величество. Её Величество пожелала уединиться у озера. Охране приказано держаться на расстоянии.

Риаш резко повернул голову в сторону сада.

Я тоже услышал.

Музыку.

Тихую, лёгкую, не саархскую, с тонким ритмом, в котором было что-то знакомое и невозможное. Не по мелодии — по дыханию между ударами. По тому, как она оставляла пространство для шагов.

Для танца.

Мы пошли быстро.

Без шума.

Музыка становилась отчётливее. К ней добавился звук колокольчиков — тонкий, серебряный, дрожащий в воздухе между нотами, — и шаги. Лёгкие, быстрые, точные.

Я замер у края галереи первым.

Потом вышел на открытое место.

И мир прекратился.

У озера, под деревом с длинными ветвями, касающимися воды, танцевала женщина в белом.

Белоснежная ткань разворачивалась вокруг неё мягкими

кругами. Чёрная и пурпурная вышивка вспыхивала в золотом свете фонарей. Белые волосы летели за спиной, белые уши ловили музыку, белый хвост продолжал линию поворота.

Её запах не был прежним.

Семь лет боли, Визарь, тьма, война, белая шерсть, чужой дворец, вино, траурные ткани легли поверх, изломали и закрыли его. Но под всем этим осталась та нота, которую мой змей когда-то запомнил как начало и конец всего.

Я видел, как она держит запястья.

Как поворачивает голову на долю удара раньше, чем меняется ритм.

Как тело помнит боевую подготовку даже в мягком жесте.

Как в каждом повороте живёт тот самый упрямый вызов, от которого семь лет назад мне хотелось улыбаться и убивать любого, кто посмотрит на неё слишком долго.

Имя сорвалось раньше мысли:

— Лиэль.

Она остановилась.

Чёрная виррена у пледа поднялась с рыком, а женщина повернулась и посмотрела на нас.

Голубые глаза расширились.

Стали из холодных — тёплыми.

Она улыбнулась так, будто увидела не нас, а память.

Больную.

Любимую.

Невозможную.

— Вы поздно, — прошептала она.

Риаш издал звук, будто клинок вошёл под рёбра.

И сорвался.

Он схватил её в объятия, прижал к себе, уткнулся лицом в её волосы, а воздух вокруг него стал горячим, кровавым, почти безумным.

— Лиэль, — выдохнул он. — Бездна… Лиэль.

Виррена рванулась, но женщина сказала:

— Нокса, нет.

Я сделал шаг ближе и коснулся её руки.

Кожа была тёплой.

Настоящей.

Мой внутренний змей развернулся так резко, что я едва не потерял дыхание.

Истинная.

Наша.

Мы искали Лиэль Лен, а она стояла перед нами как Ариэль Саэ'Вар — Императрица, жена, истинная.

Вайрес положил ладонь на её затылок поверх белых волос.

Осторожно.

Почти благоговейно.

— Лиэль.

Она закрыла глаза на один миг.

И в этот миг я почти поверил, что мир можно склеить.

Почти.

Потом Вайрес увидел кольцо.

— Кольцо, — хрипло сказал он. — Ты носишь кольцо Императрицы.

И всё разрушилось.

Она открыла глаза, посмотрела на наши одежды, на императорские знаки, на тяжёлые пояса, на печати Саэ'Вар. Я увидел момент, когда она поняла целиком — не догадалась, а поняла, что императоры Са'Рет, её мужья по договору, те самые закрытые тираны, в чей гарем она вошла вчера, это мы.

Её лицо побледнело так, что белые волосы уже не казались самым светлым в ней.

Она отшатнулась от Риаша, ударила его по рукам.

— Нет.

Виррена встала между нами, рыча так низко, что вода у берега дрогнула.

— Лиэль, — сказал я.

И понял ошибку за миг до её слов.

— Не называй меня так.

Это был не крик.

Запрет.

И имя, которое мы хранили семь лет как святыню, оказалось ножом в её коже.

Для нас Лиэль была чудом, памятью, нашим потерянным дыханием.

Для неё — именем девушки, которую мы оставили уми-

рать.

— Ариэль, — произнёс Вайрес.

Её настоящее имя сломало окончательно.

— Нет!

Тьма ударила стеной.

Встала между нами чёрным полукругом — густая, живая, полная такой боли, что мой змей отступил не от страха. От понимания: эта тьма принадлежит ей, и трогать её сейчас значит снова рвать.

Риаш рванулся вперёд.

Вайрес остановил его рукой.

— Не ломать.

— Она за этой дрянью!

— Она за стеной, которую поставила против нас, — сказал Вайрес тихо и страшно. — Не доказывай ей, что она была права.

Риаш замер, дрожа всем телом.

За стеной тьмы она смеялась сквозь слёзы.

Смех ломался, падал, превращался в слова о годах, о том, что она думала, что мы погибли, потом думала, что живы, потом снова хоронила, потому что связь… связь…

— Я умереть должна была, — прошептала она. — Когда связь разорвалась, я должна была умереть. Мама держала меня трое суток, меня ввели в кому, я проснулась белой и думала: почему я жива, если вас нет?

Я всегда умел делать боль красивой.

Заворачивать её в улыбку, в точную фразу, в жест, после которого собеседник думает не о ране, а о форме клинка.

Сегодня форма не спасала.

Клинок был наш.

Рана — её.

— Где все эти годы были вы?! — Тьма вспыхнула, фонари качнулись, вода вздыбилась у берега.

— Мы искали, — сказал Вайрес.

Она засмеялась снова.

— Искали? Как красиво. Как удобно. А когда я лежала в коме? Когда команда вытаскивала меня по кускам? Когда я училась жить с пустотой в груди?

— В Са'Рет, — сказал я тихо. — Мать отравили, начался переворот, мы были ранены. Связь спасла нас и разорвалась. Мы не знали, что это сделает с тобой.

— Не знали.

Два слова.

И объяснение умерло.

— А потом? Потом вы стали императорами, построили гарем, завели наложниц, спали с ними. Регулировали посещения так аккуратно, что я сегодня чуть рассмеялась над вашим журналом. Очень дипломатично, очень разумно, очень по-императорски.

Риаш издал рычание боли:

— Не смей думать, что они что-то значили.

Тьма стала холоднее.

— Правда? А что они значили? Баланс? Семьи? Политика? Удобные тела, чтобы великие дома не взбесились? Какое красивое объяснение. Почти не мерзко.

Вайрес попытался сказать:

— Гарем был политическим…

— Не надо, — резко перебил я его.

Он повернул ко мне голову.

Я смотрел не на брата.

На чёрную стену.

— Она сейчас не услышит разницу между политикой и предательством. И, возможно, имеет право не слышать.

Риаш шумно втянул воздух, будто собирался ударить уже меня. Не ударил.

Из-за тьмы донёсся её сорванный голос:

— А я теперь кто? Не такой же политический инструмент?

— Нет, — сказал Вайрес.

Слишком быстро.

Слишком поздно.

— Ты — наша истинная.

Слово наконец прозвучало.

То самое.

То, которое должно было стать защитой.

Домом.

Выбором.

Теперь оно ударило как клеймо.

Я почувствовал это ещё до того, как она прошептала:

— Не надо.

Вайрес побледнел.

Риаш перестал дышать.

А я впервые за долгие годы не нашёл ни одной фразы, способной смягчить случившееся.

— Ариэль…

— Не надо!

Стена взметнулась выше, и я почувствовал, как её дар бьёт не силой, а болью.

Потом тьма исчезла на миг.

Мы увидели её лицо — белое, мокрое от слёз, прекрасное и разбитое.

А потом её тело выгнулось в обороте.

Белоснежный зверь вырвался на камень, полетел между фонарями, перескакивая каменные бортики, а чёрная вирена метнулась рядом.

— Ариэль! — рванулся Риаш.

Мы бросились следом.

Но дворец Императрицы встретил нас закрытыми воротами и стражей.

Каменные створы опускались с тяжёлым глухим звуком. Защитные линии вспыхивали вдоль галерей, одна за другой, пурпурные, холодные, безупречно законные.

Дворец слышал.

Дворец видел.

Императрица Са'Рет закрывала внутренний дворец перед Змеиным Троном.

Это был удар не только по нам.

По власти.

По протоколу.

По самому представлению Са'Рет о том, кто имеет право войти куда угодно.

И мы не могли ответить властью.

Не сейчас.

Одно наше приказное слово — и она получит доказательство: мы снова ломаем её границы, называя это необходимостью.

— Открыть, — рявкнул Риаш.

Старший стражник побледнел так, что его золотистая кожа стала серой.

— Приказ Её Величества. Никого. Особенно императоров.

Риаш сделал шаг.

Вайрес встал перед ним.

— Риаш.

— Она там!

— Знаю.

— Уйди.

— Нет.

Напряжение между ними стало таким плотным, что стражники застыли, как перед боем двух древних хищников.

И тогда вышла Лирена.

Бледная.

Прямая.

С глазами женщины, которая уже решила, что сегодня может умереть за приказ.

— Её Величество запретила вход.

Риаш повернул к ней голову, и я впервые за вечер действительно испугался — не за него.

За Лирену.

Но она не отступила.

— Она жива? — спросил Вайрес.

— Да.

— Ранена?

Лирена выдержала паузу.

— Не телом.

От этих двух слов стало хуже, чем от крови.

Риаш закрыл глаза. На миг. Потом снова сделал шаг к воротам.

Лирена продолжила:

— Я позволю вам пройти до внешнего коридора личных покоев. Не дальше. Не по вашему праву. По моей ответственности перед её состоянием. Если вы попробуете пересечь дверь, я подниму весь внутренний дворец.

Риаш тихо рассмеялся.

Плохо.

Очень плохо.

— На нас?

— На вас, Ваше Величество.

— Принято, — сказал Вайрес раньше, чем брат успел ответить.

И мы прошли.

В коридоре у личных покоев нас встретили запах тьмы и тихий, рваный вой, доносившийся из-за двери.

Нокса лежала поперёк прохода. Поднялась с рыком, но Лирена чуть качнула головой, и виррена осталась на месте. Не подчинилась — позволила. Разница была заметной.

Мы остановились у противоположной стены.

Риаш смотрел на дверь так, будто мог прожечь её одним взглядом.

Вайрес стоял неподвижно. Руки опущены, лицо холодное, но я видел, как пальцы на правой руке едва заметно сгибаются и разгибаются. Его контроль держался на голой воле. Любое движение могло стать приказом. Любой приказ — катастрофой.

Я сел первым.

Просто сполз по камню, потому что ноги внезапно оказались ненадёжными.

Риаш опустился напротив двери позже. Не сел — рухнул на корточки, как зверь, которого держит невидимая цепь.

Вайрес остался стоять ещё долго.

Потом тоже опустился.

Не рядом с нами.

Чуть дальше.

Как будто даже место у этой двери нужно заслужить.

И мы слушали, как наша истинная ломается.

Прошёл час.

Потом ещё один.

Нокса иногда скулила, и от этого было хуже, чем от рычания.

Риаш пытался встать дважды. Вайрес останавливал его одним взглядом. На третий раз брат зашипел:

— Она там одна.

— Она выбрала быть одной.

— Ей больно!

— Из-за нас, — сказал я. — Мы уже сделали.

Он не ответил.

Потому что за дверью снова сорвался крик.

Не длинный.

Не красивый.

Крик существа, которому поздно объяснили, что могила, у которой оно стояло семь лет, была пуста.

Я думал о том, как она танцевала.

Для нас.

Но не для живых.

Для мёртвых.

Для троих призраков из Вар'Кела, которых она оплакивала семь лет.

А мы явились не как чудо.

Как доказательство, что вся её боль была построена на нашем молчании, нашей трусости и наших правильных решениях.

Я мог сколько угодно называть это защитой.

Стратегией.

Свободой.

Любовью без клетки.

В самом тёмном месте внутри правда была проще: мы боялись выбрать её, боялись потерять — и потеряли так, что она стала воплощением нашей вины.

Когда в коридоре появился Саэрис, я узнал его шаги до того, как увидел.

Он шёл быстро, но без суеты, и на его лице не было удивления.

Только понимание.

Слишком полное.

Он уже знал.

— Ваши Величества.

Риаш поднял голову.

— Ты знал?

— Недостаточно рано, чтобы предотвратить это.

— Но знал.

— Я узнал часть правды после того, как она спасла мне жизнь, — сказал Саэрис. — Остальное мне передали сейчас.

Риаш поднялся.

— Кто?

Саэрис не отступил.

— Те, кто имеет право хранить её прошлое.

Он протянул Вайресу голографический планшет.

Вайрес взял.

— Откуда?

— С закрытого канала «Нок'Тейры». Через личную метку Лиары Вен.

Риаш резко усмехнулся.

— Команда угрожает императорам Са'Рет?

Саэрис посмотрел на него спокойно.

— Нет, Ваше Величество. Они предупреждают тех, кто уже однажды ошибся.

Риаш сделал шаг к нему.

Вайрес сказал:

— Риаш.

Одно слово.

Брат остановился.

Над планшетом вспыхнула голографическая печать — знак «Нок'Тейры», затем личная метка Лиары Вен. Ниже появилась короткая строка:

«Им показать. Только один раз. Пусть поймут, что сломали. Если используют против неё — мы придём».

— Смело, — тихо сказал я.

— Верно, — ответил Саэрис. — Поэтому я принёс это сразу.

Файлы не открылись целиком.

Сначала система потребовала подтверждение трёх императорских печатей и чужой ключ, встроенный в сообщение. Потом вспыхнуло предупреждение:

«Доступ ограничен. Материалы обрезаны. Личные фрагменты закрыты. Вы увидите только то, что обязаны понять».

Лиара Вен писала как капитанская помощница.

Лурин, вероятно, стоял за её плечом и требовал добавить что-нибудь медицински угрожающее.

Первым открылся короткий архивный кадр.

Вар'Кел.

Учебный ангар.

Лиэль — чёрноволосая, живая, с чёрными ушами и белыми кисточками, в форме Академии, стояла на крыле учебного корабля и спорила с Каэлем, который снизу размахивал инструментом. Лиара смеялась, кто-то из команды кричал, что капитан опять нарушает технику безопасности, а Лиэль повернулась к камере и показала неприличный жест.

Риаш издал звук, похожий на смех.

Почти.

Потом кадр сменился.

Тот же ангар после боя.

Металл покорёженный, огонь по краям, дым, тревожный свет. Камера дрожала. Кто-то бежал. Кто-то кричал её имя — не Лиэль, а «капитан». Потом кадр оборвался так резко, будто запись кто-то вырезал ножом.

Следующим был зал награждения.

Большой зал Вар'Кела. Ряды курсантов. Преподаватели. Белый свет. Лиэль — уже не смеющаяся — стояла среди своей команды. Чёрные волосы заплетены, уши насторожены, хвост неподвижен. На её форме были следы свежего ремонта.

Она вдруг замерла.

Как будто кто-то невидимый ударил её в грудь.

Чаша в руке выпала.

Звук разбившегося стекла в записи был слишком громким.

Лиэль схватилась за грудь, сделала шаг, другой, будто пыталась удержаться на ногах, и рухнула на колени.

А потом закричала.

Этот крик я узнал.

Не ушами.

Телом.

Память связи хранила миг, когда она оборвалась, спасая нас и убивая её.

Риаш вскочил так резко, что Нокса зарычала.

Он не пошёл к двери.

Просто стоял и дышал, как после ранения.

Вайрес смотрел на запись без единого движения.

Только планшет в его руках начал хрустеть.

— Дальше, — сказал он.

Голос был чужим.

Система открыла медицинский блок.

Не весь.

Только строки.

«Полный энергетический коллапс».

«Разрыв ментальной связки».

«Остановка дыхания — дважды».

«Кома, искусственное поддержание».

«Вероятность самостоятельного восстановления: ниже статистически значимого порога».

Потом короткая вставка, не из официального файла.

Голос Лурина. Глухой, злой, сорванный:

«Она не спала. Она умирала. И когда очнулась, первое, что спросила: почему она жива, если они умерли. Запомните это, императоры. Не как факт. Как приговор».

Риаш ударил кулаком в стену.

Камень треснул.

Лирена вздрогнула, но не сказала ни слова.

Нокса оскалилась.

Вайрес не остановил брата.

Не сразу.

Потому что на записи появилась Ариэль.

Уже белая.

Она сидела перед зеркалом в медицинской палате. Белые волосы падали на плечи. Белые уши были прижаты к голове. Хвост лежал на постели мёртвой линией. Рядом стояла Мириэль Валенс — держала её за руку так, будто отпустит, и дочь исчезнет.

Ариэль смотрела в зеркало.

Долго.

Потом шепнула:

— Почему я жива, если они умерли?

Мириэль что-то сказала, но звук вырезали.

Нам не дали права слышать её ответ.

Правильно.

Запись сменилась последним фрагментом.

Команда «Нок'Тейры». Не парадный снимок, не официальный отчёт. Они стояли в маленьком помещении, все в белом. Лиара смотрела прямо в камеру.

— Она выжила не благодаря вам, — сказала она. — И не для вас. Она собрала себя заново по кускам. Мы помогали, но каждый кусок она возвращала сама. Когда вы начнёте объяснять ей, что хотели как лучше, вспомните: ваши лучшие намерения оставили её в коме. Когда захотите войти силой, вспомните: она уже умирала от вашей связи. Когда захотите назвать её своей — сначала спросите, имеет ли она силы слышать это слово.

Пауза.

Лиара наклонилась ближе.

— И ещё. Она всё равно любила вас. Это хуже всего, да? Вот с этим и живите.

Запись погасла.

В коридоре осталось только дыхание.

Вайрес сидел с треснувшим в пальцах планшетом. Тонкая

линия повреждения прошла через экран, но запись уже закрылась, как и обещали.

Один раз.

Риаш стоял у стены с разбитыми в кровь костяшками. Голова опущена. Плечи дрожат. Он не рычал. Не ругался. Не бросался к двери.

Вот это было страшнее.

Вайрес смотрел на свои руки. На планшет. На дверь. В его глазах впервые не было контроля.

Пустота.

Не растерянность.

Не шок.

Именно пустота существа, которое наконец увидело результат собственного решения без смягчающих формулировок.

А я смотрел на тёмную печать на двери.

И не находил ни одной красивой мысли, в которую можно было бы завернуть вину.

Ни одной.

Мы искали её.

Любили её.

Ждали.

Считали своей истинной.

И всё равно оказались теми, от кого её теперь нужно было защищать.

Тьма за дверью дышала медленно.

Нокса лежала у порога, не сводя с нас глаз.

Лирена стояла между нами и дверью — служанка второго ранга, назначенная вчера, ставшая сегодня стеной перед тремя императорами.

Саэрис молчал у выхода. Умный Эссайр. Он понимал: сейчас любой звук может стать лишним.

Риаш наконец поднял голову.

— Мы должны…

— Нет, — сказал Вайрес.

Одно слово.

Сломанное.

Но твёрдое.

— Мы ничего не должны ей делать. Больше — ничего без её разрешения.

Риаш зажмурился, будто это ударило сильнее, чем вся запись.

Я хотел сказать что-нибудь.

Что-нибудь точное.

Умное.

Ядовитое.

Красивое.

Не нашёл.

Впервые за долгие годы боль осталась голой.

Без формы.

Без улыбки.

Без оправдания.

Я смотрел на дверь, за которой жила женщина, которую мы потеряли, нашли и снова ранили за один вечер.

И во мне осталось только одно.

Мы её недостойны.

Глава 11

Ариэль

Просыпаться не хотелось совершенно.

Ни телом, ни головой, ни той жалкой упрямой частью внутри, которая обычно поднимала меня даже после тяжёлых ранений, откатов, бессонных операций и совещаний, где кто-нибудь из военного управления пытался убедить меня, что «Нок'Тейра» обязана начать уважать устав хотя бы изредка.

Сегодня эта часть тоже лежала где-то рядом на полу и делала вид, что умерла.

Я её прекрасно понимала.

Пол под щекой был холодным — не ледяным, дворец Императрицы не позволил бы хозяйке получить настолько грубое неудобство даже в истерике, — но достаточно прохладным, чтобы кожа ныла. Подо мной сбился ковёр. Одна рука затекла так сильно, что пальцы сначала не откликнулись, когда я попыталась ими пошевелить. Колено болело от вчерашнего падения, бедро ломило, спина отзывалась тупой тяжестью, будто ночью по мне прошёл не сон, а учебный боевой транспорт.

Я не помнила, как уснула.

Только крик.

Тьму.

Собственные пальцы, вцепившиеся в ковёр.

Ноксу, воющую за дверью.

И три имени, которые снова и снова разбивали мне грудь изнутри.

Риас.

Шарис.

Лиан.

Нет.

Вайрес.

Риаш.

Элиан.

Императоры Са'Рет.

Мои мужья по договору.

Мои мёртвые, которые оказались живыми.

Мои живые, которых я не знала, как теперь пережить.

Я закрыла глаза сильнее, хотя они и так были закрыты. Голова болела от слёз — не остро, а тяжело, глухо, будто череп изнутри набили мокрым песком. Виски пульсировали, глаза саднили, горло было сорвано криками так, что первый вдох царапнул хуже дешёвого алкоголя после тяжёлой операции.

Комм на запястье тихо вибрировал.

Почти непрерывно.

Команда, конечно.

Судя по числу экстренных меток, Саэрис ночью всё-таки связался с Лиарой по нашему закрытому каналу. Или Лирена передала ему достаточно, чтобы команда поняла главное:

три императора Са'Рет оказались тремя мёртвыми из моего прошлого.

Значит, они уже знали.

И, судя по тому, что Саэрис всё ещё стоял на месте, Лиара пока держала Каэля за шкирку.

Лиара, скорее всего, была готова сжечь половину Саириса, если я не отвечу ещё пару минут. Лурин наверняка прислал список симптомов, по которым он определит, жива ли я. Каэль мог уже предлагать украсть меня из дворца. Арек — молча собирать оружие. Эрис — вскрывать очередной канал. Тейра — считать вероятность дипломатической катастрофы и ехидно комментировать, что она выросла до прекрасных значений.

Я не открывала сообщения.

Не могла.

Не сейчас.

Бездна, можно просто снова провалиться в пустоту? Совсем ненадолго. До конца века.

Аккуратный стук в дверь разрезал комнату.

Я не пошевелилась.

Стук повторился тише, бережнее.

Потом раздался голос Лирены:

— Ваше Величество.

Я уткнулась лбом в ковёр.

Реальность — упрямая, живучая, плохо воспитанная дрянь, которая всегда приходит именно тогда, когда её никто

не звал.

— Ваше Величество, — снова позвала Лирена. — Вы меня слышите?

За дверью тихо заскулила Нокса.

И это оказалось хуже.

Не голос Лирены.

Не долг.

Не комм.

Не боль в теле.

А этот тонкий, сдержанный, почти обиженный скулёж.

Я открыла глаза.

Комната встретила меня утренним светом, просочившимся сквозь тонкие занавеси, тёмным деревом, золотыми змеями на резьбе, белыми цветами в вазе у стены. Смятый край пледа лежал у порога — кто-то пытался просунуть его под защитную печать ночью, но не смог.

На дверях всё ещё пульсировала моя тьма.

Слабее, чем вчера.

Но держалась.

Хорошая, глупая, истеричная, измученная девочка, которая закрылась от всего мира и сделала ровно то, что должна была: не позволила никому войти.

Я медленно подтянула руку к груди. Пальцы дрожали неприятно, но слушались.

Нужно встать.

Двигаться.

Дышать.

Жить.

То, что мужчины, которых я любила сильнее жизни, оказались живы, носили императорские имена, правили системой тиранов, имели гарем, наложниц, журнал посещений и были связаны со мной браком, который вчера ещё казался просто дипломатической клеткой, не отменяло договор между Са'Рет и Аэл'Тар.

Какая мелочь, всего-то.

Не отменяло угрозу раэдаров.

Не отменяло интересы моей системы.

Не отменяло тайную работу команды.

Не отменяло того, что я Императрица Са'Рет.

Не отменяло внутренний дворец, гарем, великие семьи, старые кланы, шпионов и десятки глаз, которые сегодня будут пытаться понять, сломалась ли новая хозяйка после первой ночи.

Я не могла позволить им увидеть ответ.

Даже если ответ — да.

Даже если я действительно сломалась.

Сломанная кость может срастись.

Сломанная власть — нет.

Я медленно села.

Комната поплыла, уши прижались к голове, хвост дёрнулся и тут же вяло упал обратно на ковёр. По телу прошла волна слабости, и меня едва не стошнило от пустоты в желудке

и кислого привкуса вчерашнего вина.

Прекрасно.

Очень императорское утро.

— Ваше Величество? — Лирена уже не скрывала тревогу.

Я провела ладонью по лицу. Кожа была горячей, глаза опухшие, волосы, наверное, выглядели так, будто в них ночью пыталась гнездиться маленькая буря.

— Сейчас, — хрипло сказала я.

Голос сорвался.

За дверью Нокса снова заскулила.

Я подняла руку, чувствуя, как печать тьмы не хочет отпускать. Она отзывалась изнутри застывшим криком. Пришлось вдохнуть глубже, собрать остатки контроля и разжать пальцы.

Тьма на двери дрогнула, свернулась тонкими нитями, соскользнула в замок и исчезла.

Двери открылись почти сразу.

Сначала в комнату ворвалась Нокса.

Не вошла.

Именно ворвалась.

Чёрная стремительная тень, огромная, слишком сильная для изящной спальни, она пересекла комнату в несколько прыжков и почти сбила меня обратно на пол. Мокрый нос ткнулся мне в шею, потом в щёку, потом в волосы. Она скулила, рычала, сопела, пыталась одновременно обнюхать меня всю, залезть на колени и убедиться, что я не исчезну опять

за тьмой.

— Тише, — прошептала я, обнимая её за шею. — Тише, маленькая. Я живая.

Нокса зарычала мне прямо в ухо, возмущённо.

Да, я услышала: живая — не значит умная.

За ней вошла Лирена — строгая, бледная, собранная так, будто ночь у моей двери не оставила на ней ни одной трещины. Только под глазами залегли тени, а на пальцах виднелись тонкие красные следы от слишком крепко сжатых рук.

Следом Найра с красными глазами. Она пыталась выглядеть бодро и полезно, но её хватило ровно на два шага, после чего губы предательски дрогнули.

Эйла вошла последней — тихая, внимательная, почти бесшумная. Взглядом сразу оценила пол, ковёр, мои руки, лицо, остатки тьмы на дверном косяке, Ноксу, сбитые шпильки у стены, плед у порога.

Ничего не сказала.

Умная.

Они провели ночь не со мной.

Рядом.

И эта разница почему-то резанула почти нежно.

— Ваше Величество, — Лирена поклонилась. — Утреннее приветствие наложниц отменено из-за вашего плохого самочувствия. Официальная формулировка уже передана в павильоны. Императоры провели ночь у дверей ваших покоев. Лорд Саэрис приходил через несколько часов после слу-

чившегося. В остальном внутренний дворец сохраняет порядок.

Я сидела на полу, обнимая Ноксу, и смотрела на неё снизу вверх.

— Императоры всё ещё здесь?

Лирена на миг задержала дыхание.

— Да, Ваше Величество. Они в малой галерее личного крыла. Не уходили.

Что-то внутри дёрнулось.

Больно.

Глупо.

Слишком живо.

Я сжала пальцы в шерсти Ноксы.

— Понятно.

— Слухи о случившемся в императорском саду остановлены на внешнем периметре, — тихо сказала Эйла. — Официально вы почувствовали резкое недомогание из-за перелёта, вчерашнего приёма и перегрузки после первого дня. Слуги, видевшие ваше возвращение, изолированы в рамках служебной проверки. Данные о звериной форме и закрытии покоев не вышли за дворец Императрицы.

Я перевела на неё взгляд. Горло болело, но слова всё же вышли:

— Хорошая работа.

Лирена чуть склонила голову, однако в её глазах мелькнула тень.

— Я удержала слухи внутри дворца, но не навсегда. К вечеру великие семьи узнают, что ночью произошло не «недомогание». Не подробности, но направление.

— Значит, у нас есть день.

— Полдня, Ваше Величество.

Эйла поклонилась.

— Это Лирена приказала. Я только перекрыла детали.

— Детали часто убивают хуже главного факта.

Она подняла глаза, и на миг в них мелькнуло одобрение.

Потом снова тишина.

Найра переминалась с ноги на ногу.

— Говори, — сказала я.

Она вздрогнула.

— Что?

— Ты сейчас лопнешь.

— Я не… — она осеклась под взглядом Лирены. — Да, то есть не лопну, но… От наложниц не удалось скрыть, что Их Величества находятся во дворце Императрицы. Они знают, что императоры пришли ночью. Не знают почему. Сайрита уже запросила уточнение через свой павильон. Вейлис пыталась отправить восстанавливающее лекарство. Аэрис прислала очень красивую записку с фразой: «если Её Величество нуждается в мягком сопровождении после трудной ночи». Я не знаю, что она имела в виду, но мне захотелось сжечь записку. Я не сожгла. Отдала Лирене.

— Правильно, — сказала Лирена.

— Но хотела сжечь правильно, — буркнула Найра.

Я закрыла глаза на один вдох.

Только на один.

Императоры провели ночь у моей двери, а я сидела на полу в смятом траурном одеянии и пыталась вспомнить, как снова стать собой.

Не Лиэль.

Её тоже нет.

Ариэль.

Императрицей.

Капитаном.

Той, кто умеет стоять, даже если внутри всё ещё падает.

Я провела ладонью по голове Ноксы.

— Мне нужно привести себя в порядок.

Лирена сразу выпрямилась.

— Купальня готова. Лёгкая восстанавливающая смесь тоже. Я вызвала врача, но оставила за пределами личного крыла до вашего распоряжения.

— Врача не надо.

— Ваше Величество…

— Не сейчас.

Она сжала губы.

— Тогда хотя бы осмотр Лурином через закрытый канал.

Я почти улыбнулась.

— Вы быстро учитесь.

— Ваш врач прислал мне восемь сообщений, три меди-

цинских протокола и одну угрозу, сформулированную как рекомендация по уходу.

— Это он мягко.

— Я так и поняла.

Найра тихо прошептала:

— У вас очень страшная команда.

— У меня лучшая команда.

— Это не противоречит.

Эйла едва заметно кивнула.

Я медленно поднялась. Ноги дрожали. Нокса подставила бок. Лирена сделала шаг, но не схватила меня — только оказалась достаточно близко, чтобы я могла опереться, если захочу.

Я не захотела.

Пока.

— Проводите императоров в мой кабинет, — сказала я.

В комнате стало тихо.

Найра перестала дышать.

Лирена не изменилась лицом.

— Сейчас?

— Через час.

Не в спальне.

Не в саду, где я вчера танцевала для мёртвых.

Не в приёмном зале, где каждая стена будет слушать.

В кабинете — там, где я уже начала разбирать этот дворец на линии, ключи, допуски и слабые места. Там я смогу гово-

рить с ними как Императрица, а не как женщина, которую разбили на куски.

— Ваше Величество, возможно, вам стоит сначала отдохнуть, — осторожно заметила Лирена.

— Мне стоит сначала не позволить дворцу решить, что я прячусь.

— Вы не обязаны…

— Обязана.

Слово вышло резко, горло отозвалось болью.

Я смягчила голос, насколько смогла:

— Лирена, я не могу оставить это на потом. Не после слухов, не после того, как гарем уже знает, что императоры здесь. Мы либо задаём форму происходящего сами, либо за нас её зададут Сайрита, Вейлис и все остальные, кто сейчас уже считает, сколько раз можно сказать слово «недомогание» так, чтобы оно означало «слабость».

Лирена смотрела на меня долго.

Потом поклонилась.

— Как прикажете, Ваше Величество.

— Кабинет. Без лишних слуг. Нокса может остаться со мной.

Нокса тихо рыкнула.

Даже не обсуждается.

— Найра, — сказала Лирена, — передашь приказ в малую галерею. Формулировка: Её Величество Императрица Ариэль Саэ'Вар примет Их Величества в личном кабинете через

час. Без комментариев.

— Да, старшая.

Найра умчалась так быстро, что почти поскользнулась на пороге, но в последний миг удержалась. Бросила на меня взгляд — тревожный, красноглазый и полный упрямой готовности кусаться вместо меня, если понадобится.

Милая.

Опасная для дипломатии, но милая.

— Эйла, маршрут, — сказала Лирена.

— Уже проверяю.

— И никого рядом с кабинетом, кроме внешней охраны.

— Да.

Лирена снова повернулась ко мне.

— Я помогу вам подготовиться.

— Нет.

Она замолчала.

— Купальня — без помощи, — сказала я. — Гардероб — тоже. Мне нужно несколько минут без рук, которые меня собирают.

Лирена на миг опустила взгляд.

Понимание.

— Я буду за дверью.

— Хорошо.

— Если вы упадёте, я войду.

— Лирена.

— Это не обсуждается, Ваше Величество.

Я посмотрела на неё.

Она — на меня.

Нокса фыркнула.

Предательница номер два.

— Ладно, — сказала я. — Если упаду — входите.

— Благодарю.

— Не благодарите так, будто выиграли спор.

— Я и выиграла.

Даже Эйла посмотрела в сторону окна, пряча выражение лица.

Я пошла в купальню медленно, держась только на упрямстве, Ноксе рядом и мысли, что через час увижу их.

И должна буду говорить.

Не кричать.

Не ломаться.

Говорить.

Купальня встретила тёплым паром. Вода уже была набрана в глубокую каменную чашу, на низком столике стояли проверенные сосуды, чистые полотенца, простое тёмное домашнее одеяние для выхода из воды, расчёски, ленты, маленькая чашка с горьким восстанавливающим настоем.

Я закрыла дверь и осталась одна.

Почти.

Нокса попыталась просунуть морду следом.

— Нет.

Она обиженно заворчала за дверью.

— Я быстро.

Не верит.

Правильно.

Я сама себе не верила.

Сняла помятое белое одеяние, и ткань легла на пол сброшенной кожей.

На теле остались следы ночи: красные полосы от ковра на предплечье, синяк на колене, царапина на ладони, которую я не помнила. На шее — следы не то от собственных пальцев, не то от ткани, не то от того, как я сжимала ворот, пытаясь дышать.

Я не стала смотреть слишком долго.

Вошла в воду.

Тепло обняло тело сразу, и это почти добило, потому что когда тело получает тепло после ночи на холодном полу, оно вдруг вспоминает, что устало, болело, дрожало и держалось слишком долго.

Я опустилась глубже, до плеч, закрыла глаза и позволила воде смыть соль с кожи.

Слёзы не пошли.

Наверное, закончились.

Или я просто не позволила.

Комм лежал на бортике чаши.

Я всё же открыла сообщения.

Первым — Лиара.

Не текст.

Голос.

Без изображения.

— Ари, я знаю, что ты не хочешь сейчас слышать шум, поэтому коротко. Саэрис работает, и у него очень интересный способ улыбаться, когда он собирается уничтожить родственников. Мне нравится. Не говори ему. Мы начали помогать ему забирать власть в клане. Эрис и Кайрис уже вскрыли три финансовые линии Тайры. Терен нашёл две поддельные печати. Арек сказал, что если Саэрис нас подставит, он лично привяжет его к скале. Я сказала, что сначала спросим тебя. Лурин хочет твои показатели. Каэль хочет украсть тебя. Дейр хочет украсть тебя молча. Я хочу прилететь и ударить троих императоров чем-нибудь тяжёлым. Ответь, когда сможешь. Ты не одна.

Голос оборвался.

Я сидела в воде и слушала, как сердце пытается выбрать между болью и смехом.

Потом записала ответ. Пальцы всё ещё чуть дрожали, но текст слушался лучше горла.

«Жива. Ночь пережила. Саэрису помогайте. Его власть в Эссайр нам нужна. После Эссайр начинайте искать подход к Вартейр. Тайсар Вартейр мне показался самым прямым из великих семей. Это можно использовать. Под Миршаэль и Сейнари копать глубже. Особенно Сайрита и Вейлис. Подкупайте шпионов, но не вычищайте всех. Часть оставим для слива нужной информации. Собрать полные пакеты по

наложницам, семьям, лекарским линиям, пищевым цепочкам и старой служебной цепи. Саэрису передать: резиденция должна быть готова к долгой работе, не к красивой стоянке».

Ответ Лиары пришёл почти сразу:

«Принято. Ты как?»

Я смотрела на короткий вопрос долго.

Вода шумела тихо. За дверью Нокса ворчала на кого-то — вероятно, на воздух, который посмел двигаться без её разрешения.

Как я?

Разбита.

Жива.

Ненавижу.

Люблю.

Хочу увидеть.

Хочу выгнать.

Хочу обнять.

Хочу ударить.

Хочу кричать, пока дворец не треснет от фундамента до крыш.

Хочу выполнять договор так безупречно, чтобы никто не понял, что внутри у меня всё ещё кровь.

Я написала:

«Справлюсь. Всё будет хорошо».

Лиара ответила через несколько секунд:

«Не ври мне красиво».

Я почти улыбнулась и набрала:

«Справлюсь. Остальное потом».

Пауза.

Потом:

«Мы рядом. По-настоящему. Дашь сигнал — войдём в Сарис так, что их змеиный дворец неделю будет искать хвост».

Я закрыла глаза.

Вот теперь слёзы почти пришли.

Почти.

«Знаю. Пока не надо. Работайте».

«Лурин требует показатели».

«Позже».

«Он сказал, что “позже” не является медицинским временем».

«Передай ему, что Императрица занята».

«Он передал, что Императрица получит укол в задницу, если не пришлёт показатели до вечера».

Я всё-таки коротко рассмеялась.

Хрипло.

Но рассмеялась.

Странное ощущение.

Почти больнее слёз.

— Засранец, — прошептала я и отправила Лиаре простой знак: приняла.

Потом отложила комм.

Вода уже остывала.

Пора.

Я вымыла волосы сама, медленно, путаясь в белых прядях. Пальцы пару раз дрогнули, и я едва не вырвала себе клок, но справилась — без рук служанок, без чужого дыхания рядом, без поклона, без «Ваше Величество» над каждым движением.

Только я.

Вода.

Боль.

Когда вышла из купальни, Лирена стояла за дверью с таким видом, будто всё это время считала мои вдохи.

Нокса сидела рядом и явно участвовала.

— Я не падала, — сказала я.

— Я слышала.

— Вы слушали?

— Да.

— Честно.

— Ложь отняла бы время, а оно сейчас нужно вам.

Нокса ткнулась носом мне в ладонь. Я погладила её.

— Гардероб.

Лирена кивнула и проводила меня в соседнюю комнату.

Гардероб дворца Императрицы был слишком большим. Я вчера видела его мельком, но сейчас, при утреннем свете, он выглядел почти издевательски: длинные ряды шкафов из тёмного дерева, полки с тканями, выдвижные секции с поясами, ленты, шпильки, коробки с украшениями, отдельные

стойки для церемониальных нарядов. Домашние слои, приёмные одеяния, траурные варианты, садовые, чайные, ночные, внутренние, полуофициальные.

Са'Рет могла превратить даже одежду в поле боя.

Я прошла вдоль рядов и остановилась у простого чёрного одеяния. Мягкая плотная ткань, нижний слой гладкий, удобный, верхний свободный, без чрезмерно широких рукавов, хотя полностью избежать их в саархатском фасоне было невозможно.

По краям шла тонкая белая вышивка.

Почти иней.

Да.

Лирена стояла у входа, не вмешиваясь.

— Это не слишком официально, — заметила она.

— Я принимаю не совет великих семей.

— Императоров.

— Тем более.

Она помолчала.

— Чёрный может быть истолкован как закрытость.

— Верно.

— Белая вышивка — как память.

— Верно.

— Минимум украшений — как отказ от роли декоративной супруги.

Я посмотрела на неё.

— Продолжайте, мне нравится.

— Чёрная лента вместо шпилек Императрицы — как демонстрация того, что разговор будет личным, но в вашем пространстве.

— Отлично.

— Кольцо?

Я посмотрела на собственную руку.

Императорское кольцо Са'Рет холодно лежало на большом пальце. Символ договора. Клетки. Власти. Их фамилии. Моего нового титула.

И вчерашней правды.

Снять его хотелось.

Очень.

Сорвать, бросить в воду, приказать переплавить, отправить Вайресу в красивой коробке с запиской, которую Лирена наверняка запретила бы писать.

Я не сняла.

— Остаётся, — сказала я.

Лирена не удивилась.

— Статус.

— И напоминание, что я не прячусь от того, что случилось.

— Колокольчики?

Я взяла тонкую чёрную ленту с маленькими серебряными колокольчиками на концах.

— Чтобы помнить, что я дышу.

Лирена замолчала.

Не потому что не нашла ответа.

Потому что правильным ответом было молчание.

Она помогла только застегнуть внутренние крепления на спине, где самой было неудобно. Волосы я собрала от лица сама, оставив основную массу падать по спине. Чёрная лента легла просто.

Украшений почти ничего: кольцо Императрицы, маленькие чёрные серьги у основания ушей — подарок мамы, который я носила ещё на «Нок'Тейре».

И всё.

Макияж я тоже сделала сама.

Скрыть красноту глаз полностью не вышло.

Да и не нужно.

Из зеркала на меня смотрела уставшая женщина — слишком бледная, с опухшими после слёз веками, с белыми волосами, собранными не ради красоты, а ради того, чтобы не мешали. В глазах снова что-то появилось.

Не радость.

Не надежда.

Не мягкость.

Жизнь.

Тонкая, упрямая, почти злая.

Но жизнь.

Как бы я их ни ненавидела — они живы.

Эта мысль всё ещё была ножом.

Но не только.

Я смотрела на себя и заставляла разум идти туда, куда боль не хотела.

Понять — могу.

Простить — нет.

Принять — тем более.

Они не бросили меня умирать, зная, что будет со мной. Они не знали. Их мать отравили, в Са'Рет был переворот, они были ранены, связь спасла им жизни и разорвалась. Потом они захватили власть, спрятались за закрытыми лицами и титулами, искали Лиэль Лен — имя, которого не существовало.

Найти меня было почти невозможно.

Семья стёрла следы. Команда ушла в закрытые операции. Лиэль Лен исчезла из Вар'Кела так, будто её никогда не было, а Ариэль Валенс стала белой тенью разведки, чьи данные прятались глубже военных тайн.

Я могла понять их отсутствие.

Могла понять страх перед гаремом.

Могла понять желание не запирать меня в Са'Рет.

Могла понять договор.

Брак.

Политическую необходимость.

Но гарем — нет.

Не сейчас.

Возможно, никогда.

Это была не ревность в чистом виде. Ревность проще. Её

можно признать, пережить, высмеять, ударить в стену и идти дальше.

Это было хуже.

Мои воспоминания о них столкнулись с сухой государственной необходимостью, где чужая кожа становилась пунктом равновесия между домами. Какие бы цели они ни преследовали, какие бы расчёты ни оправдывали посещения, как бы ни была устроена Са'Рет, — во мне всё холодело от мысли, что эти руки, которые вчера так отчаянно тянулись ко мне, все эти годы касались других женщин.

Не по любви?

Не важно.

По политике?

Хуже.

Тело не всегда спрашивает сердце, когда оставляет следы.

А я помнила их тела слишком хорошо.

Шарис — горячий до безумия, с руками, после которых кожа помнила его дольше, чем следовало.

Риас — сдержанный только до того момента, пока сдержанность не превращалась во власть.

Лиан — тонкий, ласковый и ядовитый, умеющий касаться так, будто вскрывает душу через кожу.

Меня передёрнуло.

Хвост прижался к ноге.

Я резко отвернулась от зеркала.

Нет.

Не туда.

Если сейчас позволю памяти пойти дальше, встреча закончится не разговором, а чем-то, после чего Лирена действительно вызовет врача.

— Ваше Величество, — тихо сказала она, — пора.

Я кивнула.

Нокса поднялась у двери.

Мы вышли из гардероба в личный коридор.

Дворец Императрицы уже проснулся полностью, но сегодня он звучал иначе — осторожнее, приглушённее. Слуги слышали мои шаги и заранее склонялись у стен. Никто не шептался вблизи, никто не задерживал взгляд дольше позволенного: слишком свежа была вчерашняя чистка, слишком свежи ночные приказы о закрытых воротах.

И всё же я слышала.

Слух ловил отголоски, проходившие по дальним галереям, как вода под камнем.

«Императоры во дворце Императрицы».

«Её Величество заболела».

«Нет, не заболела — закрыла личное крыло».

«Говорят, виррена не подпустила Риаша Саэ'Вар к двери».

«Говорят, тьма стояла на покоях до утра».

«Говорят, лорд Саэрис приходил ночью».

«Говорят, новая Императрица встала и принимает их сама».

Хорошо.

Пусть говорят.

Но пусть не знают.

Разница важна.

На повороте нас догнала Эйла.

— Кабинет готов. Посторонних нет. Внешняя охрана на расстоянии. Лорд Саэрис прислал короткое сообщение: «Если понадобится убрать тела, предупредите заранее, чтобы я подготовил версию для совета».

Я остановилась и посмотрела на неё.

— Он действительно так написал?

Эйла протянула маленькую пластину.

Я прочитала.

Да.

Именно так.

Почти слово в слово.

Саэрис Эссайр, будь ты проклят, я не должна смеяться перед встречей с мужчинами, которых любила сильнее жизни.

Угол губ всё же дрогнул.

— Передайте лорду Саэрису, что тела пока не планируются.

Эйла кивнула.

— «Пока» оставить?

Я подумала.

— Да.

Лирена тихо вздохнула.

Найра, появившаяся из боковой галереи, едва не улыбнулась, но вовремя вспомнила, что сейчас не тот момент.

— Императоры в кабинете? — спросила я.

— Да, Ваше Величество, — ответила Найра уже тише. — Их провели пять минут назад.

У меня похолодели пальцы.

Хвост дрогнул и скользнул ближе к ноге. Уши сами начали прижиматься, но я заставила их подняться — не полностью, не гордо, просто ровно.

Нокса ткнулась боком в моё бедро. Я положила руку ей на загривок.

— Ваше Величество, — Лирена сказала тихо, так, чтобы слышала только я, — вы можете перенести встречу.

Я посмотрела на дверь в конце коридора.

Вчера я убежала.

Закрылась.

Упала на пол и кричала так, будто можно было выкричать семь лет обратно.

Сегодня я входила сама.

Не потому, что готова.

Потому что если снова убегу, дворец решит, что моя боль — его рычаг.

А она не их.

Она моя.

— Нет.

— Тогда я буду рядом.

— У двери.

— Да.

— Не входить без приказа.

Лирена сжала губы.

— Если я услышу…

— Лирена.

Она замолчала.

Я повернулась к ней.

— Если я закричу — не входить. Если они закричат — тоже. Если Нокса начнёт ломать дверь — тогда входить.

Нокса подняла голову, будто оценивая вероятность.

Найра побледнела.

Эйла спокойно сказала:

— Я запомнила.

Лирена смотрела на меня несколько вдохов.

Потом поклонилась.

— Как прикажете, Ваше Величество.

Я не сразу пошла дальше.

Позволила себе ещё один вдох.

Один.

Больше нельзя.

Вдох — вода за окнами.

Выдох — боль в горле.

Вдох — тихий звон колокольчиков.

Выдох — они живы.

Вдох — я Императрица.

Выдох — я Ариэль.

Ноги двинулись.

Кабинет приближался слишком быстро и слишком медленно одновременно.

Я слышала их ещё до двери.

Три дыхания.

Одно ровное, слишком контролируемое — Вайрес.

Второе тяжёлое, рваное, будто ярость всю ночь держали цепями, а она грызла металл, — Риаш.

Третье тихое, опасно спокойное, с почти незаметным сбоем на каждом моём шаге, — Элиан.

Моё тело узнало их раньше, чем я разрешила.

Сердце болезненно ударило.

Уши дрогнули.

Хвост едва не потянулся вперёд.

Я сжала пальцы в шерсти Ноксы так сильно, что она тихо заворчала.

— Прости, — прошептала я.

Она толкнула меня плечом.

Иди.

Да.

Я остановилась у двери.

Лирена встала справа. Найра и Эйла — чуть позади. Нокса — рядом.

Я могла развернуться, уйти, лечь обратно на пол и сказать всем системам, что Императрица сегодня недоступна по

причине того, что судьба — злобная дрянь с дурным чувством юмора.

Не могла.

Я подняла руку.

Кольцо Императрицы холодно легло на кожу.

Перед тем как створы разошлись, я успела подумать: между нами огромная пропасть. Семь лет боли. Гарем. Ложь. Власть. Смерть, которой не было. Любовь, которая никуда не делась.

Я не знала, можно ли через такое построить мост.

Но сегодня нам предстояло хотя бы посмотреть вниз.

Двери открылись.

Я вошла в кабинет навстречу трём мужчинам, которых любила сильнее жизни и ненавидела почти так же.

Глава 12

Ариэль

В кабинете было слишком тихо.

Не пусто.

Пустота звучит иначе — глухо, ровно, почти честно. А здесь тишина была натянутой, тугой, переполненной дыханием, ударами сердец, шорохом ткани, едва слышным звоном моих колокольчиков и тем, что никто из нас пока не произносил вслух.

Три императора Са'Рет стояли в моём кабинете.

Вайрес — у окна, спиной к водному двору. Тёмное одеяние с фиолетовым отливом, длинные чёрные волосы, неподвижность, от которой стены будто становились строже. Даже сейчас он походил на приказ, который уже отдан, но ещё не услышан.

Риаш — ближе к длинному столу. Слишком большой для этого пространства, слишком живой для такой тишины. Он не сидел, конечно. В нём всё ходило ходуном, даже когда тело замирало: плечи напряжены, пальцы сжаты, взгляд тёмно-бордовый, бешеный, голодный до движения.

Элиан — у полки с архивными пластинами. Белое с золотом на нём выглядело почти издевательством после моей ночи на полу. Красивый. Безупречно красивый. И без улыбки.

Вот это было страшнее всего.

Я помнила Лиана улыбающимся даже тогда, когда он хотел убить. А сейчас Элиан Саэ'Вар смотрел на меня так, будто все его яды обернулись внутрь.

Я вошла не сразу до конца, остановилась у двери.

Нокса шагнула рядом и зарычала.

Не громко.

Достаточно.

Все трое посмотрели на неё. Риаш первым, и в его взгляде на миг мелькнуло что-то почти болезненное. Нокса оскалилась чуть сильнее.

— Спокойно, — сказала я ей.

Голос прозвучал хрипло.

Не так, как хотелось.

Но всё же прозвучал.

Нокса не успокоилась. Только перестала показывать клыки.

Двери за моей спиной закрылись.

Я прошла к столу, и Нокса следовала за мной, не сводя глаз с Риаша.

— Ариэль, — сказал Вайрес.

Я подняла ладонь.

Он замолчал.

Надо же. Одно движение — и старший император Са'Рет замолчал в моём кабинете.

Смешно.

Почти.

Если бы не хотелось выть.

— Сначала я, — сказала я.

Три взгляда легли на меня разом.

Тяжёлые.

Живые.

Невыносимые.

Моё тело помнило их не как императоров. Тело помнило другое: горячие ладони, голос у уха, тяжесть объятий, поцелуи на коже, дыхание в волосах, то, как хвост сам тянулся к ним, будто знал раньше меня.

Хвост дёрнулся сейчас.

Я сжала пальцы так сильно, что суставы заныли.

Нет.

Не сейчас.

— Я думала, что за ночь смогу собрать слова, — начала я. — Красивые, точные, достойные Императрицы, дипломата, дочери правящей стаи и генерал-лейтенанта, которую слишком долго учили не превращать личную боль в политическую катастрофу.

Горло царапнуло.

Я сглотнула.

Риаш сделал шаг, но остановился, когда Нокса подняла голову.

— Не надо, — сказала я тихо.

Он замер. В пальцах снова появилась дрожь, но он остался

на месте.

— Красивых слов не получилось, — продолжила я. — Поэтому будут честные.

Элиан едва заметно опустил подбородок.

Слушает.

Слишком внимательно.

Так он слушал раньше, когда я почти говорила правду, а он ловил всё, что спрятано между фразами.

Теперь прятать было нечего.

И слишком многое.

— Я понимаю, почему вы ушли тогда.

Вайрес не шелохнулся.

Риаш перестал дышать на долю удара.

Элиан закрыл глаза, но сразу открыл.

— Не принимаю. Не прощаю. Но понимаю. Вашу мать отравили, в Са'Рет начался переворот, вы были ранены. У вас была система, трон, враги в собственном дворце и кровь семьи, которую нужно было либо выжечь, либо позволить ей выжечь вас.

Мой голос стал ровнее, отстранённее.

Так легче.

Если говорить как о политике, боль делает вид, что не касается слов.

— Я понимаю желание захватить власть. Понимаю месть. Понимаю, почему вы закрыли данные о себе. Понимаю, почему стали теми, кого теперь называют тиранами.

Риаш хрипло усмехнулся.

Без веселья.

— Красивое слово.

— Нет. Некрасивое. Просто точное.

Он принял.

Не спорил.

— Я понимаю и другое. Найти меня было почти невозможно. Лиэль Лен не существовала. Ариэль Валенс была закрыта семьёй, разведкой, войной, «Нок'Тейрой» и всеми, кто знал, как глубоко нужно спрятать то, что нельзя потерять. Вы искали имя, которого не было.

Вайрес медленно вдохнул.

Я услышала, как почти безупречный контроль дал сбой на один короткий вдох.

— И я благодарна связи.

Сказать это оказалось больнее, чем я ожидала. Слова легли на язык горячими осколками.

— Благодарна, что она спасла вам жизнь. Моей связи. Моей глупой, безрассудной, недосказанной связи, которую я начала формировать тайно, потому что боялась признаться, потому что всё было слишком быстро, слишком сильно, слишком… настоящее.

Элиан сжал пальцы на краю полки.

Сухой щелчок ногтя по дереву.

— Если бы мне сказали тогда, что эта связь удержит вас в живых ценой того, что разорвёт меня, я всё равно сформи-

ровала бы её. Слышите? Всё равно. Если цена за то, что вы сейчас стоите здесь, — моя кома, белые волосы, боль, годы пустоты, — я ненавижу эту цену. Но не жалею о результате.

— Ариэль, — выдохнул Элиан.

Голос сорвался.

Я посмотрела на него.

— Не перебивай.

Он замолчал.

Слишком послушно.

И это почти разозлило. Потому что мой Лиан спорил бы, улыбнулся бы, ввернул яд, попытался бы подойти с другой стороны. А Элиан сейчас стоял как осуждённый, которому дали право слушать приговор.

Я не хотела быть его судом.

И всё равно была.

— Единственное, — сказала я медленнее, — что я не понимаю, не принимаю, не собираюсь принимать и не хочу, чтобы вы пытались завернуть это в политику, традицию, необходимость, баланс семей или государственную устойчивость, — это гарем.

Тишина изменилась.

Риаш отвернулся резко, будто я ударила его по лицу.

Вайрес опустил взгляд.

Элиан стал совсем неподвижен.

— Мне всё равно, ради чего, зачем, как часто, с каким выражением лица, по какому графику, по расчёту или без.

Мне всё равно, значили ли они для вас что-то или были всего лишь живыми печатями договоров с великими семьями.

Голос дрогнул.

Я ненавидела эту дрожь.

Но не смогла убрать.

— Вы семь лет спали с другими женщинами.

Слова упали в кабинет.

Не громкие.

Страшные именно этим.

— И не надо говорить мне, что это ничего не значило. Для меня значило. Уже значит. Будет значить. Ваши тела были частью моей памяти, моей любви, моей боли. А теперь я должна сидеть за столом Императрицы и проверять журнал ваших посещений, где чужие имена стоят напротив ваших. И мне предлагается считать это дипломатией.

Я коротко рассмеялась.

Сухо.

Без радости.

— Великолепно. Почти красиво, если не думать, что за строками были постели, кожа и женщины, которые всё ещё смотрят на меня как на новую фигуру в их игре.

Риаш резко прошёлся вдоль стола.

Первый раз.

Потом обратно.

Нокса подняла голову, но не рыкнула.

Пока.

— Я не могу изменить прошлое, — сказал Вайрес.

— Знаю.

— Если бы мог…

— Знаю.

— Нет, ты не…

— Не надо.

Я ударила ладонью по столу. Не сильно, но звук вышел резкий.

— Не смейте сейчас спорить с моей болью так, будто я неправильно её понимаю.

Он закрыл рот.

Вайрес Саэ'Вар замолчал второй раз.

Я почти ненавидела, насколько сильно это цепляло.

— Вы не должны были решать за меня, — сказала я. — Вот это главное. Не должны были. Не имели права.

Тьма под кожей шевельнулась.

Я удержала.

— Вы решили, что знаете, какая жизнь для меня лучше. Свобода. Безопасность. Далеко от Са'Рет. Далеко от гарема. Далеко от вас. Как благородно. Как разумно. Как ужасно самонадеянно.

Риаш остановился. Его плечи поднялись от тяжёлого вдоха.

— Мы не хотели сломать тебя.

— А дали мне выбор?

Он не ответил.

— Нет. Вы могли сказать. Могли рассказать. Могли написать, отправить через кого угодно, найти способ, оставить след, дать мне хоть что-то. Вы должны были дать мне выбор.

Уши прижались к голове.

Я не стала их поднимать.

Пусть видят.

Пусть видят, как тело выдаёт то, что лицо ещё держит.

— Я не боялась бы клетки, если бы была рядом с вами.

Вайрес поднял глаза.

Вот теперь я попала.

По всем.

Риаш сделал шаг назад, будто удар пришёл в грудь.

Элиан резко вдохнул.

А Вайрес просто смотрел — слишком тихо, слишком страшно.

— Да, — сказала я. — Вот так просто. Я знала, какой вы породы. Может, не знала имён, не знала трона, не знала гарема, но я знала, что в вас есть власть, жестокость, собственничество и тьма. Я не была слепой девочкой, которая думала, что любит мягких героев из красивых историй. Я любила вас — такими. Властными. Опасными. Невыносимыми. Моими.

Голос стал тише, горло снова заболело.

— Я готова была отказаться от многого. От очень многого. Может, не от себя, но от спокойной жизни — точно. От безопасной — тоже. От лёгкого будущего. От удобных решений. Я бы пошла за вами, если бы вы попросили. Если бы

сказали правду. Если бы дали мне право самой решить, что для меня клетка, а что дом.

Слёз не было.

Сегодня мне нужны не слёзы.

Слова.

— Но вы решили сами.

В кабинете было слышно воду за окном — тонкий звук, тихий, настойчивый.

Я опустила взгляд на свои пальцы.

— Поэтому сейчас я предлагаю то, что могу. Дипломатические отношения.

Риаш резко повернул голову.

— Нет.

Одно слово.

Рык.

Я подняла взгляд.

— Я ещё не закончила.

— А я уже услышал достаточно.

— Риаш.

Он вздрогнул.

От имени.

Замолчал, но весь кабинет вдруг стал слишком мал для его ярости.

— Я буду исполнять обязанности Императрицы полностью, — сказала я. — Помогу стабилизировать внутреннюю власть. Разберусь с гаремом, слугами, шпионами, недоволь-

ными семьями и теми, кто считает договор слабостью. Помогу убрать тех, кто стоит против союза Са'Рет и Аэл'Тар. Сделаю всё, что нужно, чтобы моя родная система получила сильного союзника против раэдаров и будущих угроз.

Вайрес сказал тихо:

— Ты говоришь о Са'Рет как о чужом инструменте.

— Сейчас для меня это так.

Он принял удар молча.

— Ничего большего я вам дать не могу, — продолжила я. — Ни сейчас. Возможно, никогда. Я не знаю.

Элиан поднял голову.

В его глазах было что-то тёмное: бешенство, одержимость, страх и такая голая боль, что мне пришлось отвести взгляд раньше, чем она потянет меня назад.

— Когда выбранные вами наложницы родят сыновей, я признаю их своими официально, чтобы у императорского клана были законные наследники, а великие семьи не получили повода разорвать внутренний баланс. Я понимаю, как работает Са'Рет. Ребёнок наложницы без признания Императрицы — риск. Я не позволю риску ударить по договору.

Риаш вдруг рассмеялся.

Тихо.

Страшно.

Я продолжила, пока он не взорвался:

— На этом всё.

И замолчала.

Слова кончились.

Риаш снова начал ходить — от окна к столу, от стола к стене. Шаги тяжёлые, резкие, каждый разворот почти бросок. Нокса следила за ним, не моргая.

Хвост у меня сам собой обвился вокруг ноги, и пришлось заставить его отпустить.

Не хватало ещё, чтобы он показывал, насколько мне хочется удержаться за что угодно.

Элиан не улыбался.

Совсем.

Его взгляд был таким внимательным, что кожу под ним будто вскрывали тонким лезвием. Я знала этот взгляд. Только раньше он вызывал жар, а сейчас — дрожь.

Вайрес молчал дольше всех.

Потом спросил:

— Закончила?

Нежно.

Без насмешки.

Слишком нежно.

Я нахмурилась.

— Это не была тирада.

— Была.

— Вайрес.

— Очень красивая, очень болезненная, очень благородная и местами чудовищно неправильная.

У меня в груди вспыхнуло возмущение.

Хорошо.

Злость лучше, чем пустота.

— Ты собираешься спорить?

— Нет.

Он оттолкнулся от окна и пошёл ко мне.

Медленно.

Я напряглась. Нокса поднялась. Риаш остановился. Элиан чуть повернул голову.

Вайрес не смотрел на них.

Только на меня.

Каждый его шаг был контролем — не давлением, а удержанием себя. Я слышала его дыхание, ровное, но слишком глубокое. Слышала, как ткань скользит по полу, как едва звякает тяжёлое золото на поясе, как моё собственное сердце предательски ускоряется.

— Не подходи слишком близко, — сказала я.

Он остановился на расстоянии вытянутой руки.

Послушался.

Почти.

— Я не буду брать то, что ты не даёшь.

От этих слов стало больнее, чем если бы он попытался спорить.

Потому что вчера у озера они могли сломать стену и не сломали. Ночью могли войти и не вошли.

Это не стирало прошлое.

Но проклятая часть меня всё равно заметила.

Вайрес медленно поднял руку.

Остановил в воздухе.

— Можно?

Я смотрела на его пальцы.

На длинную сильную руку, которую помнила на своём затылке, на талии, на бедре.

На руке не было перчаток. Тёплая кожа. Чёрный вертикальный зрачок в фиолетовых глазах сузился, пока он ждал.

Я ненавидела, что ответ не сразу стал «нет».

Ненавидела ещё больше, что всё внутри тянулось к этому прикосновению, как к воде после пожара.

Я могла лишь кивнуть.

Он коснулся меня так осторожно, будто я могла исчезнуть.

Убрал белую прядь от лица, провёл пальцами по виску и остановился у щеки. Большая ладонь легла мягко — не удерживая, не требуя, просто касаясь.

Тело почти сдалось.

Разум зашипел на него последними остатками гордости.

Я едва не закрыла глаза.

— Какая же ты красивая, — сказал он.

Я хотела ответить зло. Что белые волосы достались мне не от счастья. Что если он сейчас попробует быть нежным, я могу укусить.

Слова застряли.

Вайрес наклонился и поцеловал меня в лоб — тихо, бе-

режно, так, что у меня внутри что-то дрогнуло и тут же зашипело на саму себя.

— Единственная женщина, которая родит наших детей, — сказал он у моей кожи, — это ты.

Я резко вдохнула.

— Вайрес…

— Единственная женщина, которая может стоять рядом с нами, — продолжил он, отстраняясь ровно настолько, чтобы смотреть мне в глаза, — это ты. Не любая из тех, чьи имена ты видела в журнале. Они были частью системы, которую мы использовали, чтобы держать семьи на расстоянии друг от друга и не возвысить ни одну линию. Да, это грязно. Да, для тебя это боль. Да, мы виноваты, что эта боль теперь между нами. Но наследники Саэ'Вар от наложниц нам не нужны.

Риаш за его спиной тихо зарычал:

— Никогда не были нужны.

Вайрес не повернулся.

А я стояла и пыталась понять, должно ли это облегчить.

Не облегчило.

Только убрало один нож из десятка.

Остальные остались на месте.

— Это не меняет прошлого, — сказала я.

— Знаю.

— Не стирает их.

— Знаю.

— Не делает журнал менее мерзким.

— Знаю.

Три ответа.

Без защиты.

Без спора.

Вайрес продолжил:

— Мы приняли неверное решение. Не одно — много. Самое страшное — за тебя. Мы решили, что если оставим тебя свободной, это будет защитой. Мы думали, что ты никогда не будешь нашей, что если потянем тебя в Са'Рет, то станем теми, кто сломал самое живое, что когда-либо было рядом с нами.

Он говорил ровно, но я слышала, как под ровностью скребётся вина.

Не слабая.

Не красивая.

Ужасная.

— Мы отпустили тебя, думая, что защищаем. Судьба распорядилась иначе. Ты пришла сюда не как пленница и не как наложница — ты пришла Императрицей, нашей женой, нашей истинной. И теперь, Ариэль, мы не отпустим.

Нокса зарычала.

Он даже не посмотрел на неё.

Смотрел только на меня.

— Не так, как раньше, — сказал Вайрес. — Не решая за тебя. Не ломая твою дверь. Не забирая силой. Мы больше не исчезнем из твоей жизни молча. «Не отпустим» не значит

«запрём». Это значит: будем стоять у твоей границы столько, сколько понадобится, пока ты сама не решишь, можно ли нам сделать шаг ближе. Если понадобится вся жизнь, чтобы добиться твоего прощения и доверия, мы потратим всю жизнь. Если понадобится перестроить Са'Рет — перестроим.

Он сделал паузу.

И стал ещё спокойнее.

— Если понадобится уничтожить всё, что встанет между тобой и правом дышать рядом с нами свободно, я уничтожу.

Слишком спокойно.

Поэтому я поверила.

Уничтожит.

— Единственное, что имеет значение сейчас, — сказал он тише, — ты снова рядом. Живая. Настоящая. Всё остальное вторично.

— Даже трон? — спросила я.

Вопрос сорвался сам.

Вайрес ответил без паузы:

— Даже трон.

Сердце ударило больно.

— Не верю.

— Мы докажем.

Он снова коснулся губами моего лба.

Совсем легко.

— Если ты решишь уйти, я последую за тобой. Куда угодно. В Аэл'Тар. На «Нок'Тейру». В пустой сектор. В глухие

горы, где меня будут ненавидеть твои друзья. Мне всё равно, где стоять, если ты там.

Он отступил.

И с каждым его шагом воздух будто возвращался в комнату.

Я не успела вдохнуть до конца, как его место занял Элиан.

Он подошёл не так, как Вайрес.

Тише.

Опаснее.

Ни одного лишнего движения. Бело-золотая тень, от которой у меня кожа помнила слишком многое. Он остановился передо мной и просто смотрел.

Долго.

Так долго, что я не выдержала.

— Что?

Он не ответил.

— Элиан.

Уголок губ дрогнул.

Но улыбки не вышло.

— Скажи ещё раз, — попросил он.

— Нет.

— Как хочешь.

Голос у него был мягким.

Сломанно мягким.

И это злило.

— Не смотри на меня так.

— Как?

— Будто я рана, которую ты хочешь изучить.

Вот теперь в его глазах вспыхнуло.

— Нет, Ариэль. Раны изучают, чтобы понять, как глубоко вошёл клинок. А тебя я смотрю, чтобы запомнить, где нельзя больше касаться без разрешения.

Я не нашла ответа.

Он сделал шаг.

Я напряглась.

Он остановился. Руки поднялись — и замерли в воздухе, не касаясь.

— Один вдох, — сказал он глухо. — Позволь мне один вдох. Потом я отойду.

Я должна была сказать «нет».

Не сказала.

Только едва заметно кивнула.

Он шумно вдохнул рядом со мной.

Глубоко.

Рвано.

Почти болезненно, будто мой приглушённый запах был для него не запахом, а доказательством, что я существую. Его пальцы сжались у собственных ладоней, заставляя себя не удерживать, не трогать.

— Ты можешь кричать, — сказал он. — Ругаться. Драться. Строить заговоры. Захватить власть в Са'Рет, если захочешь. Переставить весь дворец, перевернуть гарем, выгнать

половину совета, приручить наших врагов и сделать из нас придаток твоей стратегии. Мне всё равно.

— Ложь, — прошептала я.

— Нет. Не в главном.

Он поднял голову.

Слишком близко.

Я видела золотые искры в янтарно-красных глазах, усталость под ними, отсутствие улыбки, которое было хуже любых слёз.

— Главное — ты жива, — сказал Элиан. — Здорова настолько, насколько нам ещё позволено надеяться. И рядом. Если ты хочешь, я положу к твоим ногам всю империю — не как красивый жест, не как пафосную клятву, а как компенсацию, которая всё равно будет ничтожной рядом с тем, что мы забрали. Только не исчезай снова.

— Я не ваша собственность.

— Знаю.

— Ты не звучишь так, будто знаешь.

Он опустил взгляд.

Почти улыбнулся.

Больно.

— Потому что мой змей не знает. Он семь лет жил с пустотой и теперь требует обвиться вокруг тебя так, чтобы ни один мир не смог оторвать. Но я знаю. Я, Ариэль. Не он, не инстинкт, не яд. Я знаю, что если снова превращу любовь в клетку, то сам стану тем, от кого тебя нужно спасать.

Эти слова ударили слишком глубоко.

Я почувствовала, как уши дрожат, хвост снова потянулся к нему.

— Ты уже стал, — сказала я.

Он закрыл глаза.

Принял.

— Да.

Ни оправдания.

Ни защиты.

Я почти ненавидела его за это.

И почти простила за один вдох.

Элиан наклонился и остановился.

Не касаясь.

Ждал.

Проклятье.

Теперь они все ждали.

Разрешения, кивка, вдоха — чего угодно, что я сама дам, а не они возьмут.

И именно это било сильнее любой грубой настойчивости.

Я не сказала «да».

Не сказала «нет».

Только не отступила.

Он понял.

Поцелуй лёг на шею, почти у линии челюсти, лёгкий, задержавшийся на долю секунды. Моё тело вспыхнуло так резко, что стало больно. Я вдохнула, хотела оттолкнуть — или

притянуть, бездна его знает, — но Элиан отстранился сам.

Почти.

Потому что Риаш подошёл и просто оттолкнул его плечом.

— Хватит.

Элиан мягко отступил.

— Ревнуешь?

— Заткнись.

Голос Риаша был хриплым, сорванным.

Он поднял руки к моему лицу и остановил их в нескольких пальцах от кожи.

— Можно? — выдохнул он так, будто слово резало горло.

Я смотрела на него слишком долго.

Нокса рванулась вперёд.

— Нокса, — сказала я резко.

Она остановилась, но рычала так, что пол, кажется, вибрировал.

Риаш не смотрел на виррену.

Только на меня.

Я кивнула.

Его ладони легли на мои щёки — горячие, дрожащие, осторожные до боли. Он держал моё лицо так, будто боялся раздавить и одновременно не мог не держать.

— Никогда, — сказал он почти рыком. — Слышишь? Никогда я тебя больше не отпущу.

— Риаш…

— Нет. Просто помолчи и слушай.

Его глаза горели — тёмно-бордовые, с чёрным вертикальным зрачком, дикие. Но под яростью был страх. Тот самый, от которого даже он не мог спрятаться за бешенством.

— Я семь лет жил с тем, что отпустил тебя ради твоей свободы. Каждый проклятый день думал, что поступил правильно. Каждый проклятый день хотел разнести эту правильность к бездне. Если бы ты была счастлива где-то далеко, я бы всё равно сдох от этого, но выдержал. Наверное. Нет, вру. Не выдержал бы, но попытался. А теперь я знаю, что ты не была счастлива без нас.

Его пальцы дрогнули у моей щеки.

— Я не отпущу. Даже если ты возненавидишь меня. Нас. Даже если будешь плевать мне в лицо каждый день. Даже если решишь, что дипломатии между нами достаточно. Я буду рядом. У двери. За стеной. В другом крыле. Где прикажешь. Но рядом.

— Это не похоже на просьбу.

— Я плохо умею просить.

— Учись.

Он закрыл глаза, глубоко вдохнул.

Когда открыл, в них всё ещё была ярость, но уже обузданная настолько, чтобы не ранить.

— Пожалуйста, — сказал он.

Одно слово.

Хриплое.

Почти злое.

Меня оно ударило сильнее нежности Вайреса и боли Элиана, потому что Шарис просить не умел, Риаш — тем более. А сейчас стоял передо мной, держал моё лицо и ломал собственную гордость о слово, которое давалось ему хуже крови.

— Пожалуйста, не исчезай от нас окончательно.

Я не знала, что ответить.

И это спасло меня.

Потому что если бы знала, могла бы пожалеть.

Риаш наклонился.

Я напряглась.

Он остановился на расстоянии дыхания.

Ждал.

Гад.

Гад ползучий.

Он ждал разрешения, и из-за этого я не могла ударить его так, как хотела.

— В щёку, — сказала я.

Его губы дрогнули.

Не улыбка.

Почти больной восторг от того, что я вообще позволила.

Он поцеловал меня в щёку.

Нежно.

Риаш — нежно.

Мир окончательно сошёл с ума.

Поцелуй был коротким, горячим, почти целомудренным, но тело всё равно вспомнило слишком многое. Я зажмурилась на долю секунды и тут же открыла глаза, злясь на себя.

Он отпустил меня не сразу.

Потом всё же убрал руки.

Отступил на шаг.

В кабинете стало не легче.

Наоборот.

Теперь воздух был полон их клятв, моей злости, чужой нежности, невыносимой близости и той пропасти, через которую они только что перебросили не мост — три горящих каната. Переходить по ним было безумием, а я и так была слишком хорошо знакома с безумием.

Вайрес снова заговорил:

— Ты должна отдохнуть.

Я моргнула.

— Что?

— Ты не спала нормально. Голос сорван. Глаза воспалены. Дар вчера был перегружен. Тебе нужен отдых.

Я медленно подняла брови.

— Серьёзно?

— Да.

— После всего этого ты решил закончить разговор медицинской рекомендацией?

— Нет, — сказал Элиан. — Мы решили закончить разговор до того, как кто-то из нас сделает очередную глупость.

Риаш хмыкнул:

— Я уже почти сделал.

— Мы заметили, — сухо сказал Вайрес.

Я смотрела на них.

Они собирались уходить.

Вот так.

После того как разворотили мне душу заново, поцеловали и заявили, что не отпустят, теперь собирались просто выйти, будто поставили точку в совещании.

— Нам кое-что нужно сделать, — сказал Вайрес.

— Что?

— Разобраться с частью последствий.

— Каких?

Элиан посмотрел на меня, и впервые за утро его губы изогнулись в намёке на улыбку — старую, опасную.

— Тех, что стоят между тобой и фразой «похотливые самцы с гаремом».

Я застыла.

— Вы…

Они идут менять факты.

Не спорить.

Не оправдываться.

Не уговаривать меня считать мерзость дипломатией.

Менять.

— Отдыхай, Ариэль, — сказал Вайрес.

— Не смейте решать за меня снова.

Он остановился у двери, повернулся.

— Не за тебя. За себя. Разницу мы, кажется, наконец начали понимать.

Эта фраза попала так точно, что я не сразу нашла, чем ударить в ответ.

Риаш уже у двери оскалился.

— И поешь. У тебя голос такой, будто ты всю ночь орала на трёх идиотов.

Я медленно встала.

— Так и было.

— Значит, поешь тем более.

— Риаш.

— Да, моя Императрица?

Вот это было уже слишком.

«Моя Императрица».

Почти ласково.

И с этой наглой довольной искрой в глазах, будто он почувствовал: я злюсь.

Элиан заметил тоже, его улыбка стала тоньше. Вайрес — этот проклятый стратегический гад — вообще выглядел так, будто только что получил первый маленький отчёт о выигранной кампании.

Они все трое это поняли.

Моя злость больше не была только болью.

В ней появилась жизнь.

И им это понравилось.

Бездна.

Бездна им в глотки.

— Вы невозможны, — сказала я.

— Да, — мягко согласился Элиан. — Но теперь у тебя есть вся жизнь, чтобы напоминать нам об этом.

— Я не соглашалась на вашу «всю жизнь».

— Согласишься, — сказал Риаш.

Нокса рыкнула.

Я тоже почти рыкнула.

— Вон.

Вайрес склонил голову.

— Как прикажешь.

И направился к двери.

Они действительно уходили — с довольными, усталыми, измученными, но слишком живыми лицами, словно этот разговор не разбил нас всех окончательно, а каким-то извращённым образом вернул дыхание.

Я не выдержала.

— Гады ползучие.

Все трое остановились.

Риаш медленно повернул голову, и в его глазах вспыхнуло такое удовольствие, что я схватила ближайшую вазу со стола, даже не подумав.

Красивая была ваза.

Чёрная, с золотой змеёй.

Покойся с честью.

— Похотливые самцы! — сорвалась я и швырнула вазу.

Она полетела прекрасно.

Почти как учебный снаряд.

Риаш увернулся с хриплым смехом. Элиан отступил на полшага и даже не попытался скрыть улыбку.

Вайрес поймал вазу в воздухе.

Поймал, проклятый гад, одной рукой, даже не напрягся.

Посмотрел на неё.

Потом на меня.

— Хороший бросок.

— Я целилась в голову.

— Знаю.

— Верни вазу. Попробую ещё раз.

Риаш рассмеялся.

По-настоящему.

Грубо.

Хрипло.

Живо.

И у меня внутри что-то болезненно сжалось, потому что этот смех я помнила.

— Бездна, как же я скучал, — сказал он.

Я схватила вторую вазу.

Лирена снаружи резко постучала:

— Ваше Величество?

— Всё в порядке! — крикнула я хрипло. — Я просто пытаюсь убить императоров!

Пауза.

Потом голос Лирены.

Очень ровный:

— Вам принести что-нибудь более подходящее?

Элиан закрыл лицо рукой.

Вайрес наконец улыбнулся — не сильно, но я увидела.

Риаш прислонился к двери и почти согнулся от смеха.

А я стояла посреди кабинета, с вазой в руке, красными глазами, сорванным горлом, растрёпанными белыми волосами и внезапным ужасным пониманием: впервые за двое суток мне хочется не умереть, не кричать и не прятаться.

Мне хочется придушить гадов.

— Лирена, — сказала я, не сводя глаз с троих гадов, — пока не надо.

— Как прикажете, Ваше Величество.

Вайрес поставил пойманную вазу на ближайшую полку.

— Отдыхай, Ариэль.

— Вон.

Элиан открыл дверь, перед тем как выйти, обернулся.

— Мы вернёмся.

— Я не приглашала.

— Знаю.

— Элиан.

— Да?

— В следующий раз увернуться не успеешь.

Он улыбнулся.

Наконец.

Красиво.

Ядовито.

До боли знакомо.

— Буду надеяться.

И вышел.

Риаш задержался последним. Послал мне такой взгляд, что Нокса снова зарычала, а у меня вспыхнули уши.

— Поешь, — сказал он.

— Вон, я сказала.

— Да, моя злая истинная.

Вторая ваза всё-таки полетела.

Он успел закрыть дверь, и она разбилась о створку снаружи.

За дверью раздался его довольный смех.

Сволочь.

Сволочи.

Гады ползучие.

Похотливые самцы.

Я стояла в кабинете, тяжело дышала, сжимала кулаки и пыталась понять, почему меня трясёт — от ярости, боли или от того, что они живы, живы, живы и только что ушли не в прошлое, а в коридор моего дворца.

Нокса подошла и ткнулась мордой мне в бедро.

Я опустила руку ей на голову.

Пальцы дрожали, но уже не так пусто.

Я не простила.

Даже близко нет.

Но где-то между первой пойманной вазой и смехом Риаша боль перестала быть глухой ямой.

Она стала оружием.

А с оружием я всегда обращалась лучше, чем с пустотой.

За дверью Лирена осторожно спросила:

— Ваше Величество, теперь можно войти?

Я посмотрела на осколки второй вазы у порога, потом на первую, спасённую Вайресом, потом на Ноксу и вдруг тихо, хрипло рассмеялась.

— Да, Лирена. И принесите завтрак.

Пауза.

— И что-нибудь тяжёлое? — уточнила она.

Я закрыла глаза.

Смех стал больнее.

Но всё равно смехом.

— Пока только завтрак.

— Как прикажете.

Я села в кресло.

Кабинет всё ещё пах тьмой, водой, разбитой керамикой и ими.

Пропасть, между нами, никуда не исчезла.

Но на её краю, среди осколков вазы и моего сорванного голоса, впервые появилось что-то похожее не на мост.

На вызов.

А с вызовами я всегда умела работать лучше, чем с горем.

Глава 13

Ариэль

Следующая неделя прошла быстро.

Суматошно.

Звонко.

С разбитыми вазами, треснувшей посудой, тремя почти перевёрнутыми подносами и тремя слишком довольными императорами, которых, кажется, радовал уже сам факт, что я находила силы чем-нибудь в них швырять.

Гады.

Ползучие.

Невыносимые.

На второй день после нашего разговора Вайрес, Риаш и Элиан решили, что дворец Императрицы слишком удобный, чтобы просто приходить сюда утром и уходить вечером.

На третий день они переехали.

Нет, конечно, никто не произнёс это так прямо. Мне сообщили, что «в условиях нестабильности внутреннего двора, угрозы со стороны старых семей и повышенного риска покушений на Императрицу» их присутствие рядом со мной является «стратегически оправданным».

Стратегически.

Оправданным.

Я стояла посреди своего кабинета, сжимала в руке чашку с чаем и смотрела на Вайреса так, что у любого разумного хватило бы инстинкта отойти на безопасное расстояние.

Вайрес не отошёл.

Его внутренний змей, наверное, лежал где-то в глубине довольными тёмно-пурпурными кольцами и считал, что всё идёт прекрасно.

— То есть вы решили поселиться во дворце Императрицы, — сказала я медленно.

— В гостевом крыле, — поправил Вайрес.

— Во дворце Императрицы.

— В защищённом гостевом крыле.

— В моём дворце.

— Да.

Чашка полетела раньше, чем я решила её бросить.

Вайрес поймал.

Даже не моргнул.

Риаш, стоявший у окна, рассмеялся:

— Хороший бросок.

— Следующая будет в голову.

— Обещаешь?

В него полетела маленькая тарелка. Он увернулся, тарелка разбилась о стену, и Нокса, лежавшая у моего стола, подняла голову с таким выражением, будто оценила происходящее как редкое и очень полезное развлечение.

Элиан сидел у боковой панели с отчётами, склонив голо-

ву, и улыбался так мягко, будто всё это было не дипломатической катастрофой, а семейным завтраком.

— Ариэль, — произнёс он, — справедливости ради, ты сама вчера сказала, что императорам следует заняться внутренним дворцом.

— Я сказала заняться, а не втащить свои змеиные хвосты в мой дом!

— У нас в этой форме нет хвостов, — заметил Риаш.

— Могу исправить.

— Тьмой или ножом?

— Вазой, если не заткнёшься.

Вайрес поставил пойманную чашку на стол.

— Мы не войдём в твои личные покои без разрешения.

— Как щедро.

— Не будем вмешиваться в твои распоряжения внутреннему двору без необходимости.

— Ваше понимание необходимости меня пугает.

— Обоснованно, — тихо сказал Элиан.

Я повернула к нему голову.

— Ты сейчас на чьей стороне?

Он поднял на меня янтарно-красные глаза.

— Твоей. Поэтому и говорю правду.

Проклятые саархи.

Проклятая логика.

Проклятое лицо, на которое всё ещё хотелось смотреть слишком долго.

Хуже всего было то, что их присутствие действительно имело смысл. После попыток старых семей, после ядов, после слухов, после того, как гарем уже понял, что новая Императрица не декоративная фигура, их близость к моему крылу становилась щитом.

И именно поэтому злила сильнее.

Наглость легче ненавидеть, когда она бесполезна.

Я ругалась очень долго, а потом выставила условия. Чётко, без права на змеиную интерпретацию.

— Гостевое крыло, — сказала я, и Вайрес замолчал. — Не личное. Не мой коридор. Не мои покои. Без права входа без приглашения. Без вмешательства в мои распоряжения внутреннему двору. Без «стратегической необходимости», которую вы придумали после завтрака.

— Принято, — сказал Вайрес.

— Письменно.

Элиан едва заметно улыбнулся.

— Ты собираешься заставить трёх императоров подписать правила проживания в твоём дворце?

— Да.

Риаш тихо рассмеялся:

— Бездна, как же я скучал.

Лирена стояла у двери безупречно прямая, но я слышала, как у неё несколько раз менялся ритм дыхания. Найра в тот день уронила коробку с лентами, когда я впервые назвала императоров «самонадеянными похотливыми змеями с ма-

нией территориального захвата». Эйла молча прислала всем ближайшим слугам приказ держаться дальше от кабинета.

Умная девочка.

На четвёртый день они окончательно устроились в гостевом крыле.

На пятый — перевели часть рабочей канцелярии ближе к моему кабинету.

На шестой — Вайрес начал приносить государственные доклады за мой обеденный стол, Элиан облюбовал кресло у окна, а Риаш решил, что мой кабинет идеально подходит для хождения туда-сюда в ожидании, пока я начну в него чем-нибудь швырять.

На седьмой день я перестала ругаться и начала холодную войну.

Полное игнорирование.

Хотят присоединиться за завтраком? Пусть. Я разговариваю с Лиреной о поставках тканей, с Эйлой о слугах второго ранга, с Найрой о том, почему Нокса опять утащила из кухни половину копчёного мяса.

Хотят работать со мной в кабинете? Пусть. Я открываю голографические панели, изучаю отчёты, подписываю распоряжения, отвечаю команде, смотрю сквозь троих императоров так, будто они часть мебели.

Очень красивой.

Очень опасной.

Очень раздражающей мебели.

Вайрес переносил это спокойно.

Слишком спокойно.

Элиан иногда улыбался так, будто моё игнорирование было очередной игрой, где он уже нашёл слабое место.

Риаш бесился. Тихо не умел, поэтому бесился громко: ходил, рычал, провоцировал Ноксу, садился слишком близко, вставал, снова садился, спрашивал, сколько ещё я собираюсь делать вид, что его нет.

— Пока не исчезнешь, — ответила я однажды, не поднимая глаз от документов.

— Не исчезну.

— Значит, долго.

— Упрямая.

— Отвратительно наблюдательный.

— Моя.

Вот после этого в него полетела чернильница.

Лирена потом сказала, что чёрные пятна на бордовой ткани смотрелись почти декоративно.

Риаш был доволен.

Сволочь.

Я не собиралась прощать. Не собиралась сдаваться. Не собиралась делать вид, что гарем, наложницы и семь лет чужих постелей перестали болеть.

Но они были живы.

И каждое утро, когда я видела их за столом, в кабинете, в галерее, где угодно, эта мысль проходила по груди тонким

горячим лезвием.

Живы.

Гады.

Живы.

Часть меня привыкала к их дыханию рядом. К запаху саархатских благовоний, смешанному с их собственными оттенками: холодный тёмный аромат Вайреса, горячая кровавая пряность Риаша, тонкий сладковато-ядовитый след Элиана. К тому, как Нокса уже не рычала на них каждый раз. К тому, как мой хвост перестал замирать при каждом их движении и иногда, предательский, скользил по полу чуть ближе.

Сегодня после завтрака они наконец ушли — на еженедельный совет.

Я провожала их взглядом из окна рабочей галереи и пыталась убедить себя, что в кабинете стало легче.

Хвост, обвившийся вокруг моей щиколотки, со мной не согласился.

Предатель.

— Ваше Величество, — сказала Лирена за спиной, — время утреннего поклона.

Вот.

Реальность всегда знает, когда нужно добить.

Я выдохнула.

— Идём.

Нокса поднялась с ковра первой. Она за неделю вознена-

видела дворцовые покои почти так же сильно, как я. Молодая виррена скучала по открытому пространству, бегу, лесному запаху, живой земле под лапами, а не по гладким плитам, полированному дереву и изысканно поданному мясу в огромной серебряной миске.

Но она терпела ради меня.

И ради возможности рычать на Риаша, когда он слишком наглел.

Полезная девочка.

Приёмный зал дворца Императрицы встретил меня шелестом тканей, запахом благовоний, тихим звоном украшений и напряжением, которое стало гуще за последние дни.

Наложницы были нервными.

Очень.

Я чувствовала это ещё на входе: зал звучал частыми ударами сердец, сбивчивыми вдохами, слишком сухими глотками, шелестом пальцев по рукавам, тихими переступаниями.

Слух выхватывал то, что лица прятали: пульс, микроспазмы пальцев, напряжение в горле, ритм крови под кожей.

Этого хватало, чтобы понять: зал нервничает сильнее, чем готов признать.

Сайрита Миршаэль сидела безупречно прямо.

Слишком безупречно.

Вейлис Сейнари была холодна, как отточенный инструмент, и в её глазах за неделю появилось ещё больше расчёта. Она не просто злилась. Она анализировала.

Аэрис Эссайр выглядела хуже — бледнее, напряжённее. После того как Саэрис начал забирать власть в доме Эссайр, её положение стремительно гнило под ногами. Она ещё держала спину прямо, ещё выбирала украшения по статусу, ещё пыталась смотреть как женщина, за которой стоит великий дом, но я слышала её страх. Он бился под кожей чаще, чем сердце.

Мейрана и Селайна держались тише.

С ними за эту неделю я не подружилась — гарем плохое место для дружбы, — но поняла их лучше. Мейрана слишком быстро научилась прятать тревогу за мягкими словами. Селайна просила не лишнего, а того, что помогало выжить: смену слуг, проверку кухни, разрешение убрать из павильона двух навязанных «помощниц», которые больше служили чужим ушам, чем ей.

Они не бросались ко мне с преданностью, не строили иллюзий.

Просто видели, что новая Императрица пока не ест слабых ради развлечения.

В Са'Рет даже это уже повод присмотреться.

Я прошла к возвышению.

Сегодня на мне было чёрное одеяние с белым внутренним слоем и тонкой тёмно-пурпурной вышивкой по краям. Змеи в узоре переплетались с ирисами и острыми листьями, больше похожими на клинки. Волосы Лирена собрала высоко, но без императорских шпилек — только две серебряные заког-

ки и чёрная лента с колокольчиками.

Минимум украшений.

Максимум смысла.

Я села на трон Императрицы, и с каждым утром он всё меньше казался чужим.

Это пугало.

Нокса легла у моих ног, огромная, чёрная, с синими глазами. Положила морду на лапы так, будто всем своим видом показывала: попробуйте.

Наложницы склонились.

— Да здравствует Её Величество Императрица Ариэль Саэ'Вар.

— Поднимитесь, — сказала я.

Они поднялись.

И началось.

Сначала мелкие отчёты: поставки тканей во второй павильон, замена одной служанки у Наэйрис, жалоба Таэлиры на то, что ей выделили ленты не того оттенка для малого ритуала воды, запрос Мейраны на проверку лекаря, который слишком настойчиво предлагает ей успокоительные настои.

Я дала короткие распоряжения.

Потом вспыхнула первая ссора.

Таэлира и Наэйрис сцепились из-за права распределять ткани к предстоящему внутреннему обряду. На словах — церемония. На деле — доступ к складам, слугам, спискам приглашённых, а значит к маленьким рычагам влияния.

— Довольно, — сказала я через пять минут, когда их вежливые фразы начали превращаться в тонкие лезвия. — Таэлира займётся декорациями, Наэйрис — тканями. Лирена проверит список. Любое отклонение от утверждённого перечня — обе будете отстранены.

Они поклонились неохотно, но поклонились.

Через десять минут Сайрита мягко заметила, что новые правила распределения слуг «могут нарушить древнее равновесие внутреннего двора».

Я посмотрела на неё с лёгкой улыбкой.

— Если равновесие держится на подкупленных служанках, его давно пора нарушить.

Сайрита склонила голову.

— Её Величество говорит решительно.

— Я стараюсь говорить понятно.

Вейлис тут же вплела свою нить:

— Понятность полезна, когда за ней стоит система. Резкость без системы создаёт хаос.

Я перевела взгляд на неё:

— В таком случае вас должно радовать, что хаос пока случается только в павильонах тех, кто привык прятать его под словом «традиция».

Несколько наложниц опустили глаза.

Сайрита и Вейлис не посмотрели друг на друга — именно поэтому я их и стравливала. Аккуратно, через слухи, через данные команды, через слуг, которых не выгнала, а переку-

пила. Сайрита считала, что Вейлис слишком глубоко лезет в медицинские и наследственные линии. Вейлис считала, что Миршаэль прячут за древними церемониями попытку вернуть контроль над троном через будущих детей.

Обе были правы.

Обе были опасны.

И пока они грызлись друг с другом, у меня появлялись часы, дни, возможности.

Их становилось мало.

Старшие наложницы наглели. За неделю меня попытались подставить уже несколько раз.

Первый раз — через еду.

Сладкий соус к утренним фруктам, слишком красивый аромат, слишком мягкая консистенция, слишком тонкая структура внутри, которую Визарь почувствовал раньше, чем я успела поднести ложку ко рту.

Я тогда сидела за столом, смотрела на маленькую чашу и несколько вдохов не могла отвести взгляд.

Не яд.

Хуже.

Средство, способное не убить, не вызвать мгновенную болезнь, не оставить ярких следов, которые можно показать залу и сказать: вот покушение.

Просто тихо забрать возможность зачать.

Выносить.

Родить.

Оставить меня Императрицей без будущего в системе, где тело женщины — часть трона, наследования, войны и договора.

Как тихо иногда выглядит попытка уничтожить будущее.

Маленькая чаша.

Фрукты.

Сладкий запах.

И рука, которая могла бы поднять ложку, если бы я была чуть менее внимательной.

След вёл к Лианаре Тор'Шейс.

Не напрямую, конечно. Через помощницу поставщика, через служанку второго ранга, через подарок одной из родственниц, через мужчину её семьи, который слишком часто встречался с младшим чиновником Сейнари. Лианара думала, что играет в большую политику, а на деле была удобной рукой.

Пока я оставила её.

Мне нужны были доказательства.

И момент.

Второй раз — через масла.

Изящная баночка с лунным ароматом, переданная в общий склад косметических средств после «дара от одной из наложниц в знак мира». После такого масла кожа могла покрыться сыпью — не смертельно, не навсегда, если вовремя вмешаться, но достаточно, чтобы Императрица с белой кожей, белыми ушами и хвостом стала предметом шёпота, жа-

лости, насмешки или дурного знака.

За этим стояла Аэрис.

Не самая умная в доме Эссайр, но достаточно отчаянная, чтобы попытаться удержаться, пока родная ветвь рушится. Дочь той самой наложницы, которая участвовала в попытке убрать Саэриса, слишком поздно поняла: когда яд не убивает наследника, он возвращается в дом и начинает вычищать тех, кто держал чашу.

И вот здесь всё становилось почти смешно.

Почти.

Саэрис выжил.

Саэрис улыбался.

Саэрис забирал свой дом.

А команда помогала ему так, что старые ветви Эссайр, наверное, уже начали видеть кошмары.

Эрис вскрыл финансовые линии. Кайрис разобрал поддельные печати. Лиара координировала всё через скрытый канал. Арек прислал мне одно короткое сообщение: «Если этот красивый змей нас подставит, я подвешу его на его же семейном знамени».

Я ответила: «Сначала спроси меня».

Он прислал мрачный знак.

Я скучала по ним очень.

Но сейчас здесь была только я, Лирена, Найра, Эйла, Нокса и гарем, который каждый день проверял, насколько глубоко можно вонзить иглу, прежде чем я покажу зубы.

Сегодня я собиралась показать.

Осталось дождаться конца еженедельного совета.

Очередная перепалка началась между Таэлирой и Лианарой. Лианара сегодня была особенно взвинченной: яркие украшения, слишком тщательно уложенные волосы, голос чуть громче нужного. Она то и дело бросала взгляды на дверь, будто ждала чего-то или кого-то.

Глупая.

Если в Са'Рет ждёшь защиты от тех, кто сам тебя использует, лучше сразу примерять холодные покои.

Лирена вошла через боковой проход. Я услышала её шаги ещё до того, как она приблизилась к возвышению: ровные, тихие, сдержанные. Она поднялась на полшага ниже трона и наклонилась ко мне так, чтобы слышала только я.

— Ваше Величество, совет окончен.

Я не повернула головы.

— Итог?

— Лорд Саэрис официально утверждён исполняющим обязанности главы дома Эссайр и правого первого министра до завершения чистки старшей ветви.

Удовлетворение скользнуло под рёбрами тонким горячим лезвием.

Хорошо.

Очень хорошо.

— Быстро, — прошептала я.

— Совет не столько избрал Саэриса, сколько признал

неизбежное: доказательства против старшей ветви, покушение на наследника, связь с Тайрой и попытка использовать его смерть против Императрицы сделали прежнюю линию токсичной даже для Са'Рет.

Саэрис.

Красивый, ядовито-вежливый гад.

Умница.

— И ещё, — добавила Лирена. — Их Величества направляются сюда.

Мои уши дрогнули раньше, чем лицо.

Вот же…

Конечно.

Все три бедствия сразу.

— Сюда? — уточнила я.

— Да, Ваше Величество.

— Кто их пригласил?

— Они Императоры.

— Это не ответ.

— Полагаю, именно на это они рассчитывают.

Я медленно выдохнула.

Нокса подняла голову и повернула уши к двери.

Почувствовала.

Зал тоже почувствовал перемену: Сайрита чуть сузила глаза, Вейлис замерла, Аэрис побледнела ещё сильнее, а Лианара, наоборот, почти оживилась.

Ох, дура.

Ну что ж.

Пора разыграть спектакль.

Двери приёмного зала открылись — не резко, но звук прошёл по пространству как удар гонга.

Стража опустилась на одно колено. Церемониймейстер побледнел, но успел произнести:

— Их Величества Императоры Са'Рет.

Вайрес вошёл первым — высокий, тёмный, безупречно собранный. Глубокий чёрный, тёмно-фиолетовый отлив ткани, тяжёлое золото на поясе, длинные чёрные волосы, собранные в строгий узел, и лицо, на котором не было ни тени лишней эмоции.

Он даже не посмотрел на наложниц.

Риаш шёл слева — белые волосы с кровавыми концами свободно падали по спине, бордово-чёрные слои одежды подчёркивали мощное тело так, будто он пришёл не на утренний поклон, а выбрать, кого первым сломать. Его взгляд прошёлся по залу быстро, и несколько наложниц опустили головы ниже.

Элиан справа — белое, золото, янтарные оттенки, опасная вежливость, почти ласковое лицо и янтарно-красные глаза, от которых хотелось не доверять ни одному мягкому слову.

Все женщины склонились.

— Да здравствуют Их Величества Императоры Са'Рет.

Я поднялась с трона, спустилась с возвышения.

Нокса поднялась вместе со мной, но осталась у первой

ступени. Её синие глаза неотрывно следили за Риашем. Он заметил и на миг едва заметно оскалился.

Она зарычала.

Я даже не стала оборачиваться.

— Нокса.

Виррена фыркнула.

Я остановилась перед императорами и склонилась в официальном поклоне — ровно настолько, насколько должна Императрица перед Императорами в присутствии гарема.

— Мои Императоры.

Слова прозвучали спокойно.

Почти.

Только я знала, как на «мои» дрогнуло дыхание.

И они знали.

Конечно, знали.

Вайрес протянул руку.

Я посмотрела на его ладонь и всё же положила пальцы в его руку. Он поднёс их к губам и поцеловал костяшки — официально почти допустимо, лично слишком явно.

— Ариэль, — сказал он тихо.

В зале стало ещё тише.

Риаш подошёл ближе, чем позволял церемониальный холод.

— Устала? — спросил он хрипло.

— От гарема или от вас?

— От нас ты скучаешь.

— Мечтай.

— Каждую ночь.

Уши предательски дёрнулись.

Риаш заметил.

Гад.

Элиан подошёл последним. Не коснулся, только склонил голову и посмотрел так, будто в зале не было никого, кроме меня.

— Ваше утро оказалось достаточно скучным без нас?

— Почти мирным.

— Значит, мы вовремя.

— Я не это сказала.

— Но я услышал именно это.

— У тебя проблемы со слухом.

— Только рядом с тобой. Обычно я слышу угрозу раньше, чем она успевает решить, что станет угрозой.

— Тогда ты должен слышать, как я думаю о вазах.

— Постоянно.

Его улыбка стала тоньше.

Я почти ответила, но Лианара решила, что её миг настал.

— Ваши Величества, — произнесла она, выходя вперёд.

Зал замер.

Я закрыла глаза на долю вдоха.

Ну что за дура.

И открыла.

Лианара уже стояла между рядами наложниц, склонив-

шись в поклоне — достаточно низко, чтобы выглядеть почтительной, но недостаточно, чтобы действительно признать мою власть.

Она была не совсем карикатурной дурой.

Хуже.

Она была той, кто поверил чужим обещаниям защиты и решил, что успеет стать полезной раньше, чем станет расходной.

— Простите мою дерзость, — сказала она, и голос у неё дрожал, но формулировки были выучены хорошо, — но верная женщина императорского гарема не может молчать, когда порядок внутреннего двора нарушен.

Сайрита не шелохнулась.

Вейлис опустила взгляд.

Аэрис застыла.

Мейрана и Селайна почти одновременно чуть отступили назад.

Умницы.

Риаш медленно повернул голову.

— Говори.

Одно слово.

Не разрешение.

Приговор, который она не распознала.

— Её Величество Императрица злоупотребляет властью внутреннего трона, — сказала Лианара. — С момента прибытия она разрушила служебный порядок, унизила женщин

гарема, вмешалась в распределение милости и теперь удерживает Ваши Величества во дворце Императрицы, не позволяя гарему исполнять своё предназначение.

Я даже не стала скрывать взгляд.

Просто взяла и закатила глаза, потому что иногда дипломатия не заслуживает усилий.

Ну что за дура.

— Удерживает? — мягко переспросил Элиан.

Так мягко, что в зале стало холоднее.

Лианара побледнела, но продолжила:

— Так это выглядит со стороны, Ваше Величество. Павильоны не получают распоряжений. Реестр посещений пуст. Женщины гарема лишены возможности служить продолжению императорской линии. Если Её Величество прибыла как дипломатическая фигура, она должна уважать устройство Са'Рет, а не заменять его порядками Аэл'Тар.

Риаш улыбнулся.

Красиво.

Кроваво.

Нокса подняла голову.

— Ты закончила? — спросил он.

Лианара сглотнула.

— Я говорю только ради порядка…

— Значит, закончила.

Он повернулся к страже.

— Вывести Лианару Тор'Шейс из дворца Императрицы.

Зал вздрогнул.

Лианара резко подняла голову.

— Ваше Величество?

— Понизить до наложницы низшего ранга. Лишить права присутствовать на утреннем поклоне без отдельного вызова Императрицы, личных служанок, даров и доступа к внутренним складам. Перевести в холодный дворец.

— Нет! — она побелела. — Ваше Величество, я…

— Молчать.

Голос Вайреса был тихим.

Лианара захлебнулась словами.

Он смотрел на неё так, будто уже видел не женщину, а строку в документе о наказании.

— Дом Тор'Шейс лишить ранга и всех должностей при внутреннем снабжении, — сказал Вайрес. — Патриарха, старших мужчин и тех, кто отвечал за пищевые поставки во дворец Императрицы, доставить в канцелярию. Имущество ветви заморозить до окончания расследования.

Лианара рухнула на колени.

— Ваши Величества, прошу! Я верна трону! Меня ввели в заблуждение!

Элиан шагнул ближе.

— Неудачное начало защиты.

Его голос был почти ласковым.

— У тебя был шанс молчать. Ты выбрала говорить. Теперь слушай.

Он поднял руку, и перед залом раскрылась голографическая панель — слишком знакомая структура данных.

Мои данные.

Нет.

Не только мои.

К ним добавили внешние цепочки.

Их цепочки.

Гады.

— Лианара Тор'Шейс, — произнёс Элиан, — через служанку второго ранга, поставщика фруктовых соусов и родовую ветвь Тор'Шейс участвовала в попытке передать Императрице средство, способное повредить её способность зачать и выносить наследника.

По залу прошёл тихий ужас.

Это был не просто испуг.

Это было мгновенное понимание: речь больше не о мелкой игре внутреннего двора.

Речь о будущем Змеиного Трона.

Лианара закачала головой.

— Нет… я не знала…

— Знала достаточно, чтобы требовать после этого права гарема на продолжение императорской линии, — сказал Риаш.

Жестоко.

Точно.

У меня неприятно сжались пальцы от злости, потому что

он прав. Она стояла здесь, говорила о детях, о гареме, о предназначении, когда несколько дней назад попыталась лишить меня будущего, даже не понимая всех последствий.

Или понимая.

Достаточно.

Вайрес поднял взгляд на весь зал.

— Причина наказания: умышленное причинение вреда Императрице Са'Рет. Угроза будущим наследникам. Угроза межсистемному договору. Покушение на истинную Императоров.

Тишина стала мёртвой.

Истинную.

Он сказал это.

Публично.

На одно мгновение зал перестал дышать.

Сайрита впервые за всё утро потеряла безупречность — только на долю удара, но я увидела, как пальцы у неё замерли на рукаве.

Вейлис побледнела не лицом — глазами. В них быстро-быстро пошёл расчёт, и каждый новый вывод делал её холоднее.

Таэлира прижала ладонь к горлу.

Мейрана опустила голову ниже.

Селайна закрыла глаза.

Аэрис стала почти серой.

Лианара смотрела на меня так, будто только сейчас поня-

ла: ударила не по чужекровной дипломатической супруге.

По женщине, которую три императора только что назвали своей истинной перед всем гаремом.

Я резко повернулась к Вайресу. Шок вспыхнул слишком сильно, уши сами прижались назад, хвост застыл. Нокса тихо зарычала.

Я шагнула ближе к Вайресу и прошипела так тихо, чтобы слышали только они:

— Что вы творите?

Вайрес не отвёл взгляда от зала, но чуть наклонился ко мне — так близко, что его дыхание коснулось моего уха.

— Потом поговорим, — прошептал он. — Сейчас прими.

Прими.

Бездна тебя сожри, Вайрес Саэ'Вар.

Мой первый порыв — ударить его тьмой прямо здесь, перед гаремом.

Второй — схватить за ворот и прошипеть, что он опять решил за меня.

Третий — развернуться и уйти, оставив их тушить этот пожар самим.

Но зал ждал.

И если я сейчас покажу разрыв между мной и императорами, они все вцепятся в него зубами.

Я приняла.

Не простила.

Не согласилась.

Приняла как щит, потому что иначе этот зал сожрал бы нас обоих — меня за слабость, его за трещину.

Я вдохнула.

Колокольчики в волосах едва слышно звякнули. Хвост медленно скользнул по полу и замер у ноги.

Я повернулась к залу, подняла подбородок и сказала ровно:

— Приговор Императоров услышан. Исполнить.

Лианара вскрикнула, когда стража подошла к ней с двух сторон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.